

Мурад Аджи

Средневековая история тюрков и Великой Степи

Это второй том книги о тюркском народе — о его становлении на Алтае и расселении по евразийскому континенту. Красочные описания и легенды повествуют о малоизвестных событиях мировой истории человечества, о жизни и быте древних тюрков, об их достижениях, победах и поражениях. Подобных книг еще не было.

Издание дается в авторской редакции.

«Ex oriente lux» — «Свет начинается с Востока»...
и преобразует мир

Вступление

В жизни каждого народа, как и в жизни любого человека, происходят события. Их много. Собственно, жизнь и есть бесконечная череда событий. Но одни незаметны, обыденны, другие, наоборот, ураганом сметают все вокруг. Крушение старого всегда становилось рождением нового. Именно так начинались и так заканчивались эпохи в истории человечества — событиями, потрясающими мир.

Сметающим и ураганным было Великое переселение народов, оно прошло во II–V веках и неузнаваемо преобразило жизнь на Евразийском континенте. Будто смерч. После него древний, или античный, мир вступил в эпоху средневековья.

Началось Великое переселение на Древнем Алтае, началось тихо и буднично, однако вся огромная Евразия ощутила его. Тогда тюркские конники устремились в разные стороны света, из Центральной Азии они вышли к берегам Тихого, Индийского, Атлантического океанов. Тысячи километров пути остались у них за спиной. Огромные, ранее почти безлюдные, просторы заселили всадники. И не нашлось на свете силы, способной сдержать этот живой поток, хлынувший с Алтая. Остановить его. Все армии уступили ему во встречном бою.

Грандиозное событие... Античный мир был растоптан копытами конников. Они сокрушили старое, чтобы дать людям новую жизнь.

Великое переселение народов — это редчайшее явление. В истории человечества такое было лишь раз. Подобного мир не знал ни раньше, ни потом. Победы Александра Македонского, римских императоров и даже знаменитого Чингисхана меркнут перед ним. Они выглядят слишком обычно.

Конечно, Великое переселение возникло не на ровном месте, не само по себе и не вдруг. Семь веков тюркский народ копил силы, семь веков кропотливо готовился к нему, создавая культуру, которая вслед за античной возвысила мир людей.

Случайности тут не было. И быть не могло! Народы, не противясь, принимали новую для себя культуру средневековья... Почему? Что отличало и что притягивало к ней людей?

В первую очередь вера в Бога Небесного — в Тенгри, который покровительствовал тюркам... Вера в Единого Бога была абсолютно новым явлением в жизни человечества. Люди античного мира, как, впрочем, и первобытного, не знали ее. Они были язычниками. Язычество отличало эти эпохи! И многобожие.

В Древней Греции, например, молились Зевсу, Гере, в Римской империи — Меркурию, Юпитеру и другим богам. Перед их изображениями склоняли головы, приносили жертвы, у них просили защиты. Бога Небесного ни один народ, кроме тюрков, тогда не знал. Никто не молился Ему.

Тенгри (Вечное Синее Небо) — так Алтай назвал своего покровителя. Под Его неусыпным оком шли по свету всадники. Шли смело и уверенно. Потому что перед каждой атакой, перед каждым новым боем громко скандировали: «Алла билла! Алла билла!» Что по-тюркски означало «С Богом» или «Бог с нами»... И всегда побеждали.

Это сразу заметили другие народы.

В то время считалось, что победу в бою приносят не воины, а бог-покровитель. Он один!.. Люди, принимая новую веру, как бы просились под защиту сильного бога. В этом и состоит роль веры в жизни народов. Вот почему именно религии этнографы уделяют особое место в своих исследованиях.

...Вторым отличием тюркской культуры было железо. Металл, который подарил людям великий Тенгри.

Он позволил алтайцам создать массу полезных вещей для быта, работы, ведения войн: никто в мире так искусно не плавил железо и не пользовался им так широко. Тысячи кузнечных горнов день и ночь давали драгоценный металл; железо тогда ценилось выше золота. Что тоже привлекало к тюркам другие народы.

На Алтае был праздник железа, он появился за пять веков до новой эры, когда только-только научились плавить в кузнечных горнах этот бесценный металл. Открывал праздник сам Великий хан. Он подходил к наковальне и ударял молотом по раскаленному металлу. Каждый удар пробуждал в народе гордость, напоминал о величии предков, давших свободу и силу потомкам. Лишь потом начинались скачки, танцы, песни, пир и веселье.

Это был всеобщий праздник тюркского народа...

Выходит, Великое переселение — не просто переселение людей на новое место. И не покорение соседних стран. Это совсем другое. То, что неотвратимо разрушило бронзовый век в истории человечества и открыло путь веку железа!

Тюрки сознательно ломали старое, отслужившее и утверждали новое, прогрессивное — вот что было тогда на континенте.

О том времени теперь говорят по-разному, называя его: и «нашествием варваров», и «вторжением гуннов». Это неправда. Потому что вера в Бога Небесного и железо у многих народов появились именно тогда — после знакомства с тюрками. В эпоху средневековья.

Всадников — посланцев Бога Небесного! — обожествляли...

Даже внешне тюркский народ отличался от остальных, он имел свой

неповторимый облик, который не спутать с обликом ни одного другого народа планеты. Отличал его конь, ставший символом, или тамгой (родовым знаком), пришельцев с Алтая. Равно как и знамена с крестом Тенгри.

Античный мир подобного не видел. Даже одежды такой он не видел, потому что это была одежда всадника — проповедника и воина, которые ни на миг не расставались с конем.

Нет, Великое переселение — вовсе не стихийный исход с Алтая, как пишут о нем. Не нашествие. Отселялись не «дикие кочевники», а народ, которому стало тесно в алтайских долинах. Ему нужны были новые земли, новые пространства... Тогда и появилось слово «кипчак», или «тот, кому тесно». Им называли странствующих всадников.

А говоря об Алтае, имели в виду совсем иные земли, чем ныне. Вся Южная Сибирь с Байкалом на востоке и с Памиром на западе. То есть огромную горную страну, которая доходила до Тибета, называли Алтаем...

О тех далеких днях напоминают памятники — свидетели былого. Их много. Порой они очень неожиданны. Присмотритесь внимательнее к ним.

Так, в 1974 году археологи нашли царский курган в северо-западном Китае, там до сих пор живут тюрки-уйгуры, правда, уже не помнящие свою историю. Находки из древнего кургана озадачили ученых. Озадачили глиняными статуями, их было несколько тысяч, они показывали одеяние воина, убранство его коня. Все были обращены лицами к северу, к священной горе Уч-Сумер... Это явно не китайская работа.

Не китайская, потому что в III веке до новой эры китайцы здесь не жили. Их страна лежала далеко на юге, за Китайской стеной... Глиняные воины — портрет сегодняшних уйгуров, киргизов, казахов, хакасов, ногайцев. Такие лица обычны и среди кумыков, татар, башкир. Но только не китайцев...

Еще пример, тоже весьма выразительный.

Вблизи городка Румминдея, что в Непале, есть колонна с древней надписью. Святое место, уверяют буддисты, здесь высечено имя основателя их вероучения. Человека, который пришел с Алтая, он был из рода Шакья. Колонну поставили в III веке до новой эры. Индусы тогда впервые увидели тюрков и удивились им. Вот почему Будду они называли «тюркским богом», или «Буддой Шакьямуни». И с тех пор рисуют его голубоглазым. Как других тюрков.

Сегодня буддизм — ведущая религия мира, но время скрыло в нем свой таинственный след, который, однако, виден... Есть наука религиоведение, она изучает тайны веры, позволяет понять многое из дошедшего до дня сегодняшнего.

Например, буддисты-монахи в своих общинах живут по строгому уставу, он

известен ученым. Казалось бы, что могут дать эти сведения? Оказывается, многое. Просвещенному человеку они говорят, что буддизм действительно создали тюрки! Между верой в Тенгри и учением Будды много общего. Исток этих учений один, он — в знаниях алтайских мудрецов. Вот почему Древний Алтай называли Раем земным, цветущим Эдемом — здесь начало мировых религий.

От алтайского «Вечного Синего Неба» идут они!

...Три тысячи лет назад на Алтае начались духовные искания. Рождалась вера в Бога Небесного. Жаркие были времена. Тогда, желая сохранить свою старую веру, часть тюрков ушла в Индию, Иран, в степи Европы. Их называли «скифами», «саками»... Духовный протест открыл первые дороги с Алтая.

А во II веке начался массовый исход алтайцев в степь, но причина его уже была иная — экономическая. К тому времени слишком много алтайцев народилось на свет, и стало им тесно в горных долинах. Народу требовались новые пашни, пастбища, уголья.

На Кавказе, Ближнем Востоке, в Европе с тех пор надолго прижилась тюркская речь. Сюда пришли всадники открывать эпоху средневековья.

Европа и тюрки

У всякого события, как известно, есть свой итог.

Итог Великого переселения — это государство Дешт-и-Кипчак. Самое большое в истории человечества. Оно росло трудно и долго, границы его ширились вслед уходящим отрядам всадников. «Куда ступит копыто коня, там наша земля», — говорили кипчаки.

Его зенит был связан с непобедимым полководцем Аттилой... А в V веке, после смерти Аттилы, степная страна распалась. Такова, видно, судьба всех больших стран. Они недолговечны. Дешт-и-Кипчак пал, но разрушили его не враги, не катастрофы или наводнения. Сами тюрки. Своими собственными руками.

Как и почему случилось такое? Сразу не ответить. Здесь целая история.

Сначала страну сотрясли междоусобицы, которые раздробили ее на десяток мелких стран. И не только они. Ведь Дешт-и-Кипчак ненавидели все, весь старый, античный мир желал ему смерти. Вредил, как мог.

Особенно усердствовал Рим. Римская империя. Она была творением античного мира, его короной. Когда-то Рим представлял собой город-государство, потом — Республику, где всю власть держал Сенат. Сенаторами были члены патрицианских, то есть благородных, семей. Но Юлий Цезарь изменил это правило: захватив власть, он превратил Республику в Империю. При нем успехи римлян были просто фантастическими; они завоевали побережье Средиземного моря. Античный мир лежал у их ног.

Империя жила как в золотом веке, не ведая поражений. Она славилась не ремеслами, не искусством, не религией. Войнами! Страна работала на армию, а армия — на страну.

Главными врагами римлян были греки. Эти два народа давно соперничали из-за торговли с Востоком, особенно с Ираном. Греки жили ближе к иранцам и долго были хозяевами торговых дорог в Европу.

Однако римляне, создав Республику, сокрушили Грецию и отвели грекам жалкую роль подданных... Семьсот безмятежных лет длилась власть Рима: Империя сама определяла свои границы. Сама вершила судьбу Европы.

Юлий Цезарь прочертил северную границу по реке Рейн, создав там ряд укреплений и крепостей. А император Август утвердил границу на востоке, по реке Дунай. Империя выглядела неприступной цитаделью. Античный историк Плиний Старший о тех ее временах писал как о «невероятном величии Рима». В его словах звучала сущая правда.

Однако и в безоблачном небе случается гром...

Спокойствие Рима нарушилось в 312 году, у самых стен города. Непобедимая доселе армия, гордость императоров, впервые потерпела ужасное поражение. Ее, шутя, разбили тюрки, всадники, приглашенные греками.

Император Максенций пал, подрубленный шашкой, как тростинка.

После той битвы Римская империя рухнула, она раскололась на две — Восточную и Западную. В Восточной властвовал грек Константин, а в Западной — по-прежнему римляне. Но то были уже не те самодовольные римляне. Им оставили лишь воспоминания!

Константин показал себя хитрым и коварным правителем. Он у себя в стране объявил главенство тюркской веры, сам стал платить дань, а взамен просил у Дешт-и-Кипчака немного. Переселенцев, которые служили бы в греческой армии, учили бы греков строить новые города и храмы, обрабатывать пашню, растить скот.

Намерения правителя вроде бы были самыми мирными.

Так он усыпил бдительность ханов. Унижался, чтобы выиграть, чтобы руками тюрков вернуть торговые пути с Востока. Тогда время и деньги будут работать на греков. На этом строил он свой коварный расчет.

Словом, Константин задумал направить Великое переселение народов в новое русло: тюркская культура, словно повернутая река, стала вливаться в эллинский мир и обогащать его. Появилась новая культура, позже названная византийской.

Византия, действительно, стала страной, где Алтай чувствовался буквально во всем. Греки взяли веру кипчаков: в 312 году они стали молиться Тенгри. А в 325 году, осмелев, назвали ее «греческим христианством» и объявили

императора Константина заместителем бога на Земле. В их представлении это он, Константин, сокрушил Великую Римскую империю.

Прежнюю — языческую! — веру греки-христиане не щадили. Они разрушали старые храмы и дворцы, изгоняли и убивали жрецов... Что в Византии после IV века оставалось греческого? Не ответит никто.

В угоду христианству греки уничтожили книги Аристотеля, Платона, Геродота и других великих ученых. А в 391 году даже сожгли знаменитую Александрийскую библиотеку с ее редчайшими античными рукописями... Ничего не жалели.

Однако сокровища древнего мира не исчезли — их спасли тюрки. Они! Об Аристотеле или Платоне мир знает теперь только благодаря их стараниям. И никто не вспоминает, что именно тюрки тысячу лет хранили в своих библиотеках переводы античных авторов Европы.

...Когда греки жгли древние рукописи, в Западной империи не знали веры в Бога Небесного. До 380 года Рим признавал главным только Меркурия, за иную веру людей преследовали. И в этом был свой расчет: император Валентиниан мечтал о реванше. Он ненавидел кипчаков. И не скрывал своей ненависти. При нем римская армия стала сильной, как никогда. В Империи все громче трубы трубили военный сбор, с ним просыпалась страна.

Надо заметить, император тот был личностью таинственной. Кто он? Как оказался на троне? Известно немного.

Его отец служил военачальником. Но не это главное. Современники отмечали не обычную для римлянина внешность императора: синеглазый, белокурый. Настоящий тюрк. Мало того, в свою армию император охотно брал тюрков, наемников! С ними он свободно общался. Как? Это-то и непонятно.

Первое испытание ему выпало в 374 году. Тогда в Западную империю вошли разведчики кипчаков. Переправившись через Истр (Дунай), они остались на нынешних землях Венгрии и Австрии. Потом их примеру последовала вся орда. Смириться с этим мирным вторжением Рим, конечно, не мог.

Однако в первом же бою его войско было вновь опрокинуто.

На следующий год с поля боя победителями ушли римляне. Правда, праздник им испортило посольство кипчаков, посланное вслед. Оно прошло в ставку, не выказывая малейших знаков почтения, и грубо насмеялось над победителем. Император Валентиниан не смог пережить оскорбление, он даже задрожал от неопишуемой ярости и тут же скончался.

А на плодородных дунайских землях утвердились города и станицы кипчаков — первые в Западной Европе. Поселенцев называли «гуннами», «алеманнами», «остготами» и «вестготами». Сохранилось, явно искаженное, имя хана, предводителя орды вестготов — Фритигерн. Так и остался он на века в

легендах и хрониках с этим странным для тюрка прозвищем.

Но имена основателей родов дошли до нас без искажений, в тюркском звучании. Вестготы принадлежали роду Балтов (по-тюркски — «секира»), а остготы — роду Амалов («тихий», «спокойный», «кроткий»). Это европейские хроники зафиксировали точно.

9 августа 378 года римские войска вновь испытывали на берегу Дуная тюркскую конницу. И опять переоценили себя. Фланговая атака всадников была ошеломительной... После той битвы Западная империя окончательно лишилась армии.

И вот тогда Рим вынужден был признать кипчаков.

Нравы старого Рима

Проиграв в открытом сражении, римляне стали искать успех в политике. И нашли. Через византийского императора Феодосия I они достигли-таки желаемого. Здесь их победы налицо.

О Феодосии сохранились разноречивые сведения. Он слыл бездельником, который вел праздную жизнь. На самом деле это был скрытный и умный политик: все его начинания имели удивительный успех. В 380 году он издал закон, осуждающий язычество, потом еще один — о единстве веры. К тому времени, когда Феодосий стал правителем и Византии, и Рима, он утвердил веру в Бога Небесного во всем западном мире. Однако в Риме к этому не были готовы, известие застало людей врасплох.

В императоре уживались несколько человек сразу. Он был христианином, но получал удовольствие от пыток подданных. Злой и жестокий, он действовал непредсказуемо, любил удивлять свиту своими неожиданными выходками. Но во всем у него был тонкий расчет. Никто не понял его и в 382 году, когда Феодосий пригласил тюркскую орду (военный союз родов) на земли Западной империи.

Пригласил кипчаков, которых Рим презирал и смертельно боялся!

Феодосий велел даровать им поместья, но с условием, чтобы дети землевладельцев служили в его армии. Эти поместья стали как бы маленькими иностранными государствами: там говорили по-тюркски, подчинялись тюркским законам и правителям. Они не были подвластны Империи. Имели полную свободу и независимость во всем.

О тех временах, пожалуй, лучше всего говорят тюркские географические названия, которые пришли вместе с тюрками. Их много. Они всюду в Западной Европе, там, где селились кипчаки. Например, один из пиков в нынешней Швейцарии с тех пор носит имя Тендри. Видимо, он, этот пик, напоминал алтайскую гору Хан-Тенгри.

Свободные поселения тюрков... Они вызвали в Европе что-то похожее на

взрыв ярости. Особенно после того, как помещиков-римлян обязали треть своей пашни отдать тюркам, а лесные угодья поделить пополам.

Эту акцию называли Гостеприимство, в императорском указе записано именно такое слово. С него все и началось.

Прежде действовал строжайший закон, запрещающий браки между римлянами и тюрками. Теперь его отменили. Наоборот, смешанные браки даже приветствовались. В Риме началась повальная мода на тюркскую одежду, которая была и теплее, и удобнее. Аристократы полюбили красивые шерстяные рубашки, штаны, шаровары, епанчи (накидки) кипчаков.

Все смешалось в Европе, все менялось там на глазах.

Тюрки, эти «дикие варвары», вошли в свиту императора. Заняли ответственные посты. Арбогаст, чье имя по-тюркски означало «рыжая глотка», стал учителем солдат, то есть главнокомандующим. Голос военачальника звучал, как раскаты грома.

Этот громогласный грубиян чувствовал себя в свите очень свободно. А когда его попытались сместить, он дерзко бросил в лицо императору: «Моя власть не зависит от твоей улыбки или нахмуренных бровей»... Через пару дней императора нашли задушенным в собственной постели.

Один из современников тех событий оставил такие строки: «Титул сенатора, который в античные времена казался римлянам вершиной всех почестей, превратился из-за этих белокурых варваров во что-то жалкое...»

Правильно. Так и стало. Никто из патрициев Рима не мог соперничать с тюрками в военном или государственном искусстве. Никто из плебеев не мог так умело возделывать землю, растить скот, строить города и храмы. Римляне были слишком изнеженными и слабыми. Им оставалось одно — ненавидеть «белокурых варваров».

В Западной Европе все повторяло историю зарождения Византии. Здесь тоже сошлись две культуры — Востока и Запада. Здесь тоже тюрки утверждали свое лидерство, но уже в латинском обществе.

Восток явно побеждал, но ему мешала Великая Степь. Мешали ее традиции, степные адаты: они, как гири, висели на шеях кипчаков, стесняли их действия. Именно воспитание не позволило Арбогасту взять власть в Западной империи, хотя фактически она была в его руках — все-таки главнокомандующий! По адатам, он не имел права быть императором, потому что не родился в семье правителя. Бог не благословил его на трон.

Европейцы быстро ухватились за эту уязвимую жилку тюрков — за их верность слову и закону. Благородство тюрков с тех пор служило им во вред, и враги мастерски использовали это.

Правители Рима и Византии, не боясь, приближали кипчаков, доверяли им

свою охрану, прислушивались к их советам. Тюрки обходилось казне дешево. Степь приучила дорожить малым...

Правда, приняв на службу кипчаков, желанного мира в Империи не смог достичь ни Феодосий, ни другие императоры. Наоборот, беспорядки участились. Но начинали их не степняки. Причина — нетерпимость и высокомерие римлян. Века владычества развратили их.

Став христианами, римляне не «полюбили ближнего своего» — граждан, говорящих по-тюркски. Указы императора здесь были бессильны, уговоры — тоже.

Бессмысленная злоба душила их. Они не желали служить в армии, нарочно уродовали себя, лишь бы избежать службы. И тюрки, их защитники, которые не щадили себя, стали предметом унижений. Их откровенно не жалели, как не жалеют рабов. Над ними подшучивали. Поэты сочиняли небылицы, одну хуже другой... Даже когда император говорил о народе Империи как о «равном и связанном единым именем», не смолкали ехидные насмешки.

Чего стоят, например, такие слова: «Они чудовищно безобразны и бесформенны, эти двуногие звери, похожие на пни, которые, как идола, стоят у мостов...» «Как неразумные животные не понимают разницы между истинным и ложным...» Знать Рима требовала даже выслать кипчаков за пределы Империи либо превратить их в рабов.

Конечно, эти угрозы были не более чем позой слабого. Все понимали уже тогда, в IV веке, что тюрки — неотъемлемая часть Европы, а Европа — Родина для их молодежи. И изменить это положение не дано никому.

После смерти императора Феодосия его сыновья пытались отменить «обычные дары войску». Но у них ничего не вышло. Родилось первое поколение латинских тюрков! Тысячи человек. Разумеется, никто не позволил бы превратить их в рабов... Все-таки их отцы были не из слабого десятка.

Однако взрыв случился... Беда подкралась незаметно. Все началось в последние дни 406 года, 25 декабря, в самый большой тюркский праздник — день Тенгри. Римляне не придумали лучшего подарка, как казни жен и детей кипчаков, служивших в Империи. С утра заговорили топоры палачей, они и ускорили события.

Испив до дна чашу стыда и унижений, кипчаки восстали. Не выдержали. В Западной империи вспыхнула гражданская война. Возглавил ее хан Аларих, человек, который не любил долгих разговоров.

Он осадил столицу. И город, словно одумавшись, запросил о пощаде. Перед кипчаками извинялись сенаторы и знать, им щедро заплатили золотом, чтобы те сняли осаду. Но на следующий год все повторилось вновь... Будто нарочно.

В 410 году кипчаки в третий раз осадили Рим. Теперь лживым словам его

обитателей никто не поверил, город был взят. Воины, не сдерживая себя, разграбили столицу в наказание.

Вражда грозила захлестнуть римское общество, разрушить его, но этого не случилось. Нашелся мудрый человек среди римлян, который за три десятилетия до вспыхнувшей вражды понял, что нельзя из двух разных народов сделать один. Но если их объединить общей верой, появится новый народ.

Эту идею ему подсказали кипчаки, их священнослужители и тюркское слово катылик (союзник). Зародилась «католическая доктрина», или католичество. Выдающееся событие, с которого и началась современная Западная Европа.

А имя того мудрого римлянина — Дамасий I. Он был епископом Рима с 366 по 385 год. Фактически первый папа римский.

«Катылик» значит «союзник»

В трехсоттысячном Риме прежде не было Церкви.

Там с I века была секта: десяток-другой людей собирался в подземелье города. Их и называли потом христианами. Они жили по правилам иудейской веры: молились в синагогах, справляли библейские праздники, делали обрезание. «Иудей» и «христианин» для обычных римлян означали одно и то же.

Раннее христианство этим и отличалось. Оно было особенным. Сектанты называли себя «атеистами» (их слово!), они не признавали богов, не имели церквей, не знали креста, икон.

Власти боялись безбожников и подвергали их гонениям...

Слово христианство появилось в конце III века у греков. Как религия оно получило известность в начале IV века на Кавказе, в Дербенте. Потом его признали в Европе, в странах Ближнего Востока... Но в Риме колыбелью христианства издавна считают только Рим. Там так принято. Потому что так провозгласила католическая доктрина. А римского епископа она объявила первым священником христианского мира, назвав его «папой».

Любопытно, слово «папа» римляне узнали тоже в начале IV века: самая ранняя надпись обнаружена на стенах римских катакомб св. Каликста. Правда, его почему-то считают греческим, хотя у тех такого титула не было.

Авторов католической доктрины отличала необъяснимая логика буквально во всем... Она редко согласовывалась с реальностью. Шла с ней в разрез, но это никого не смущало. А все потому, что Рим тогда очень волновали успехи греков. Ведь Византия под предлогом борьбы за христианство начала захват Ближнего Востока, его богатых городов и стран. Римляне хотели как-то ответить, что-то придумать, но сил у их армии не было. И за дело взялись политики, облекшие себя в одежды епископов.

Расчет был прост. Принять греческое христианство, стать союзниками Дешт-и-Кипчака. И с помощью тюрков добиться желаемого.

Вот почему они, услышав тюркское слово «катылик» из уст византийского императора Феодосия, поняли его совершенно иначе. Оно им подсказало идею союза! И доказательства тому налицо — приглашение орды кипчаков в 382 году на поселение в Западную империю... Не в Византию! Все было учтено и просчитано. Все стояло рядом.

Тюркский патриарх Ульфила одобрил идею римлян, увидев в ней путь примирения кипчаков и европейцев. Это было признание католичества Великой Степью.

Первый шаг удался... И Европа пошла дальше, она заговорила об «арианстве» — новом учении. Из него вытекало, будто религия тюрков есть «неправильная» часть христианства. Внешне это утверждение, конечно, ничего не меняло. И вместе с тем меняло многое: слова обрели силу меча, политика — слово! — оттеснив армию, вышла вперед.

В тайных изменениях мира скрыта суть католичества.

Менять, но не самим. Убивать, но не самим. Рождалась не вера, а новая политика, которая на века стала плотью Западной церкви. Она есть, и в то же время ее нет, потому что она тайная. Скрытая от глаз и ушей непосвященных, когда говорят одно, а делают совсем другое.

С тех пор всё в Европе случилось как бы случайно.

Епископ Дамасий стал папой, будучи уже старцем, жизнь его прошла в Риме. С первых дней папу окружили кипчаки, потому что только им он по-настоящему доверял. Это они обучали его таинствам веры в Бога Небесного. Других учителей тогда просто не было. И быть не могло!

Отсюда знаменитое изречение Церкви: «Свет начинается с Востока». Оно навсегда вошло в ее обиход.

В свите папы стояли великие писатели и ученые того времени, потом их называли докторами Церкви, ее основоположниками. Папа «говорил их словами»... Тогда были написаны первые священные книги, по которым живут католики и ныне.

Имена Василий, Григорий Назианзин, Иероним, Амвросий, к сожалению, вряд ли что скажут сегодня читателю. Равно как имя епископа Августина. Об этих людях, выдающихся мыслителях, сложены легенды. Но трудов, написанных ими, нет, их сожгли сами католики, когда уничтожали следы присутствия тюрков в Европе.

Однако — если задуматься! — кто были эти люди, учившие Запад азам тюркской духовной культуры? Вере в Бога? Культ Тенгри они увязывали с Христом — в этом и состояло их дело.

Пусть они не кипчаки, но кто? Других носителей сокровенных знаний в мире

действительно не было... Во всяком случае они вышли из среды, менее всего знакомой с греческой или иудейской культурой. Европа обратилась к Востоку, потому что с Востока начинается свет.

Пусть их собственноручные записи сожгли. И биографии им переделали. Но написанное-то сохранилось! Оно встречается в Церквах, не связанных с Римом или Византией. Это тюркское духовное наследие, к нему Европа не имела отношения. Она училась у алтайских учителей.

Древние христианские книги, как правило, были на тюркском языке. Потому что богослужение в четвертом, пятом, шестом веках в Церквах велось по-тюркски. Это был божественный язык и в Европе, и на Ближнем Востоке... Известны тексты, которым более полутора тысяч лет. Их берегут как святыни. Например, в Армении.

Только тюрки обладали обширными знаниями о Боге Небесном. А недостатка в ученых, в философах у них не было. Эта традиция веры, она идет из глубокой древности — с Алтая. С его монастырей. Еще Геродот отмечал мудрость и познания тюрков-скифов. Он удивлялся их глубокой культуре.

В I веке хан Эрке (Канишка) с блеском показал их Востоку, тогда буддисты на IV Соборе приняли обряды и философию веры Тенгри... Зародилась новая — северная — ветвь буддизма.

Любопытен и другой факт, тоже говорящий о многом.

Самодовольные римляне никогда не учили греческий язык, из-за презрения к грекам. Греки отвечали им тем же. А кипчаки показали себя и здесь: лучших переводчиков в Европе не было.

Никто не сравнится бы в искусстве перевода с Иеронимом, а он — выходец из дунайских тюрков. Тех самых, что первыми ступили на землю Рима. Приняв христианство, он стал ближайшим советником папы римского, посвятил себя редактированию и переводу священных книг с тюркского языка на латынь.

Именно с тюркского!

Его перевод Священного писания («Вульгата») стал зерном, из которого выросла христианская литература Западной Европы. А тексты оригиналов поныне хранятся в библиотеке Ватикана. Их привезли из Дешт-и-Кипчака, точнее, с Дона.

«Вульгата» (дословно означает «простая», или «народная») была даже не переводом. Больше. Она разъясняла простолюдинам, то есть римлянам, смысл Священного писания на понятном им языке. Иначе говоря, просвещала их, делала культурными людьми.

Или — такой факт. Городом науки и искусства всей Западной Европы в те годы считался Милан, там служил епископ Амвросий. На его проповеди стекались толпы. Он подчинял многолюдные площади! Милан стараниями

Амвросия превратился в город, где тюркская речь и тюркские идеи были в особом почете. Там почти не было римлян, там жили тюрки.

Именно под давлением этого «неистового епископа» император вынужден был в 381 году перенести свою резиденцию в Милан и запретить языческие моления в Западной империи. Иначе говоря, он выступил против традиций римской культуры!

Латинские кипчаки честно служили католической идее. Они искали союза с Европой, со своей новой Родиной, и во имя славы Тенгри, становились католиками.

В начале V века в Западной империи случилось еще одно событие, тоже связанное с кипчаками. Они лишили Рим права на столицу. Главным городом Империи в 402 году объявили Равенну.

Город выгодно отличался от Рима, он был недоступен для неприятеля: болота окружали его. Лишь с моря имелся единственный к нему подступ. Новую столицу строили в традициях тюркской архитектуры. Потому что жили там не римляне, а только кипчаки.

Купола храмов, восточные мавзолеи, украшенные голубой мозаикой, отличали город. И особенно — знаменитый баптистерий, где крестили христиан. Восьмигранники и купола — знаки тюркской архитектуры были здесь всюду...

Эти новшества — тоже бесспорный итог Великого переселения, с них началась готика, новая архитектура. Теперь, с приходом тюрков, европейские города строили и украшали совсем по-другому.

Новые римляне

В 411 году римскую армию возглавил Констанций, человек на удивление одаренный. Его предками были дунайские тюрки. Он родился не военным, а политиком. Мудрым политиком, каких не видел Рим.

Вот что писали о нем греки: «Это был мужчина с большими глазами, длинной шеей и крупной головой, которую наклонял вперед к шее несущего его коня... на пирах был очарователен и остроумен, что даже соперничал с шутами, которые слонялись около его стола».

Интересные строки... Всадник, скачущий чуть с наклоном, по-тюркски. С внешностью кипчака. С кровью кипчака. С привычками кипчака. С шутом на пиру! Но... уже римлянин. Новый римлянин.

Древний Рим в те годы становился двуязычным городом! Его нравы менялись на глазах живущего поколения. Новыми становились быт, мысли людей, их желания и поведение. Все в вечном городе менялось под влиянием тюрков.

Констанций как полководец прославился в Галлии. Малым войском он разбил армию галлов. Однако эта битва лишь мимолетный эпизод его жизни. Главнокомандующего заботила не армия, в политике видел он залог своих

военных успехов. Это было абсолютно новым для воинственного Рима — удивляющим.

В 413 году Констанций переманил в Империю несколько больших семей из тюркской орды — бургундов. Поселил их на землях нынешней Франции. Там они основали город на западном берегу Рейна. Их называли «федератами», и вскоре появилась новая страна кипчаков в Западной Европе — Бургундия.

Констанций вел политику руками переселенцев. Вел успешно. Он понимал, Империи нужны тюрки-союзники, а не тюрки-враги. В этом проявилась мудрость полководца — не воевать призывал он, а сотрудничать на общее благо.

Удачно прошли переговоры и с ханом Атаулфом, который возглавлял тогда недовольных латинских кипчаков. Его уговорили прекратить гражданскую войну. Причем сделали это так, что латинские кипчаки перенесли свой гнев на Испанию и там нашли славу себе и Империи.

С них началась Каталония — еще одна новая тюркская страна (между прочим, от тюркского «катыл» — «присоединяться» идет ее название).

С честью покорители Испании вернулись домой. Даже сварливые римляне встречали их как национальных героев. Им тоже дали статус федератов. В 418 году Империя назвала город Тулузу их столицей. То был настоящий праздник признания латинских кипчаков.

Дипломатическую победу Констанция очень высоко оценила Церковь. Она раньше других поняла, что кипчаки пришли в Европу навсегда, что теперь они — главная политическая и военная сила.

8 февраля 421 года народ Рима вручил Констанцию корону и титул императора Западной империи. Это был не первый и не последний тюрк, ставший римским императором.

К сожалению, жизнь его оборвалась через семь месяцев после коронации. Причина таинственной смерти не установлена. Но вряд ли здесь обошлось без Византии — уж слишком противилась она восшествию тюрка на престол. Боялась усиления Западной империи.

Сыну Констанция — Валентиниану, наследнику престола, не было и пяти лет, поэтому власть перешла к его матери — Пласидии, женщине набожной и своевольной.

Римлянка по крови, в молодости хлебнув от кипчаков всякого, она ненавидела все тюркское.

Смешанные браки тогда уже вошли в моду. Их называли «плодами католичества». Горькими оказались те плоды. Ведь тюрки, женившись на римлянках, меняли одежду и имя. Таково было условие их браков.

Для них Церковь придумала «святцы» — списки имен. Вроде бы безобидное

дело. Но имена были греческими и еврейскими. Иногда римскими. И никогда тюркскими. Поэтому так редки в истории Европы настоящие тюркские имена.

Имя — это знак народа, его «тамга». Ясная и понятная. Имена Наполеон или Гомер передают целую эпоху. У европейских тюрков этого нет. Даже Аттила — не родное имя полководца, оно дошло до наших дней искаженным, вернее в римском произношении.

Детей латинских кипчаков растили только католиками, римлянами. Им, конечно, не запрещали говорить по-тюркски, соблюдать тюркские обычаи и праздники. Но и не поощряли.

Такие правила ввела Церковь — правила двойных норм, воспитывающие двуличие.

...От брака дунайского кипчака и знатной римлянки родился красавец-мальчик, он вошел в историю Европы с именем Аэций. Талантливейшая личность, римский герой. Аэций вырос среди кипчаков. Сын магистра конницы, или главнокомандующего кавалерией, по степной традиции и против правил Церкви, был отдан на воспитание в тюркскую семью. Аталык (отцовство) называется этот древний алтайский обычай. Многие почерпнул мальчик у степняков.

Аэций вырос культурным человеком, знал обычаи и тех, и других граждан Империи. Сам Аттила воспитывал его сына и долго называл Аэция братом. Поэтому ему легко жилось и среди врагов, и среди друзей. Он чуть даже не стал римским императором, но помешала Пласидия — тигрица, сидевшая на троне.

Эта женщина не признавала идеи католичества, была яркой сторонницей войн, и они не замедлили вернуться в Империю. Страна вновь сделала ставку на армию. И — получила ряд поражений, причем в 429 году особенно ошутимое, затем в Империи началась новая гражданская война.

Все вернулось на круги своя. Недовольство народа вспыхнуло с новой силой. Хрупкий мир был нарушен.

Латинских кипчаков тогда и возглавил Аэций. Он с помощью союзников из Дешт-и-Кипчака решил исход гражданской войны в одном-единственном сражении. Авторитет молодого полководца рос день ото дня. К нему пошли ходоки из провинций, ему докладывали чиновники, ему, а не подростку-императору... И не воинственной тигрице, сидевшей на троне.

В Империи воцарилось гнетущее двоевластие, а оно долгим не бывает. Новая гражданская война стояла на пороге. Византийский император хотел воспользоваться моментом и вмешаться в события. Но не успел. Все вышло совсем по-другому.

О себе заявила третья сила — кипчаки Галлии и Каталонии, молодых тюркских государств. Их возглавил хан Гейзерих. Он, как писал летописец, «обладал острым умом, роскошь презирал, любил достаток, был скупым на слова, в гневе — необузданным»... Словом, Кипчак с большой буквы.

Его имя заставляло трепетать всех, напоминая о непобедимом сыне Тенгри — Гэсэре.

Спокойно, без лишних слов, он разбил объединенную армию Восточной и Западной империй. Потом свой взор перенес на Африку и захватил там последние колонии Рима, снабжавшие Империю зерном. Самым крупным трофеем в 439 году стал Карфаген, крупнейший город Африки.

Такого поворота никто не ожидал. Мир перевернулся. Новые римляне до основания сотрясли Империю: флот, армия, города были теперь в их руках.

Аэций, опять же с помощью Дешт-и-Кипчака, все-таки удержался у власти: от имени императора-подростка он правил почти двадцать лет, долго оставаясь другом Атиллы. Однако императором так и не стал, потому что судьба Империи была предрешена, — детище античного мира должно было умереть: смерть дышала ему в лицо.

Европа после Атиллы

Удар латинских кипчаков был сокрушительным.

Но последнее слово оставалось за Атиллой. Его ждала новая Европа: Восток и Запад должны были сойтись в очном поединке. Это стало бы точкой в Великом переселении народов. Чтобы Атила против всех... И чтобы он победил...

И чтобы тюркская Степь стала Великой Степью.

Именно так все и получилось. Конница Атиллы под знаменем Тенгри прошла по земле Империи, даже папа римский Лев I встал перед ней на колени. «Приветствую тебя, Бич Божий», — сказал папа Атилле. А римский император отдал ему половину казны как довесок к дани, которую Рим выплачивал тюркам каждый год.

Тогда самые высокие горы Европы получили свое нынешнее имя: кипчаки назвали их в честь Атиллы! От тюркского слова «алп» — «герой», «победитель». «Этцельские Альпы», «Альпы Атиллы» — так и говорят до сих пор.

Ставка правителя Дешт-и-Кипчака была как раз в Альпах, видимо, где-то между сегодняшними городами Даво и Инсбруком. Возможно, и в Тироле, так напоминающем Алтай.

Время Атиллы — пик Великого переселения народов, его венец, его триумф. Вот когда по-настоящему началась эпоха средневековья. Едва ли не каждый второй европеец был пришельцем, говорил по-тюркски. Значит, едва ли не каждый второй европеец и сейчас по крови тюрк...

Полководца Аттилу не мог победить никто.

Но человека Аттилу победили. Сделал это он сам, оставив после себя сто восемьдесят четыре сына. Девочек не считали... А неумная любовь пагубна для семьи. Особенно для семьи правителя.

В 453 году, после его роковой смерти, сыновья стали делить власть, но как это делать, не знали. Среди них были и римляне, и византийцы (от матерей-европеек), они не признавали тюркские обычаи. Дрались, бросали жребий и не ведали, что творили, разыгрывая вольные улусы и орды кипчаков.

Будто рабов, делили свободный народ.

Первым восстал хан Ардарих, друг и преданный советник Аттилы, человек очень уважаемый. Не потерпев оскорбления, он поднял оружие... Поздно — война тюрков против тюрков уже началась.

Они, победившие все армии на свете, должны были победить себя сами. Так и только так могло закончиться Великое переселение. Война кипчаков против кипчаков была неизбежна.

Причина, конечно, не в детях Аттилы, не в междоусобицах, а в природе людей. Если народ не чувствует в себе родства, он умирает! Это — закон.

Брат не должен забывать брата ни в минуты радости, ни в минуты горя. Каким бы плохим тот ни был. Иначе — все. Медленная, мучительная смерть семьи, потом — рода, потом — народа.

Братоубийство тюрков длилось всю средневековую эпоху. Веками. Род отходил от рода, семья — от семьи. Жизнь делила улусы кипчаков на новые народы, меняла им имена и языки, вела к отказу от предков, от своей истории... Брат забывал брата... Брат убивал брата...

Что страшнее и что мучительнее для народа?

Это была война без правил и без победителей. Но именно она и зовется жизнью. Нынешняя культура Европы — ее результат.

Разрушая античный мир, кипчаки разрушали себя, свое единство, свое общество. Они медленно перерождались. Их дети росли рядом с другой культурой, с другим народом, хотя и говорили по-тюркски.

Меняя имена, меняя одежду, люди незаметно для себя менялись сами. Не желая того, но менялись. Становились чужими себе, своим предкам, своей Великой Степи... Конечно, никто из них не замечал этого, никто не задумывался. Жизнь шла своим чередом. Однако все было именно так — незаметно.

На Днепре, на Дону, на Кавказе или на Яике тоже жили кипчаки, но они жили старой, вернее, своей прежней жизнью, храня степные традиции. Вот почему тогда их еще не коснулись губительные перемены... Хотя, конечно, и они уже

делали многое в жизни иначе, чем, например, алтайцы, хакасы или якуты.

Вот так, создавая новую культуру, тюрки гибли сами. Таяли, как горящая свеча. Они, освещая путь в будущее, приносили себя в жертву прогрессу. Здесь исток их утрат и приобретений — в потере былого единства.

Разумеется, в средневековой Европе перерождались не только кипчаки, но и греки, римляне, кельты, и они меняли себя, свои привычки, приобщаясь к новой жизни. Европейцы становились новыми европейцами... Мир для них превратился в огромный «котел», где варились культуры. По-другому и не бывает.

История Кушанского ханства, Византии, Италии убеждают в этом. Греки без тюрков не создали бы цветущую Византию, равно как тюрки без иранцев — великолепное Кушанское ханство.

Но... «пойдешь за чужим, свое потеряешь» — учит древняя мудрость. В ней — еще один закон жизни. Перенимать чужое надо, но осторожно. И с умом.

Конечно, междоусобицы, захлестнувшие Европу после Аттилы, можно назвать войнами, но лучше — диалогом культур. Это была политика средневековья. Политика, создающая новый мир.

Кипчаки — в числе его создателей. В нынешней Европе тюркского ни чуть не меньше, чем римского или греческого. Этот народ — победитель Великой Римской империи, он дал людям веру в Бога Небесного, подарил свои знания, архитектуру, литературу... Нельзя не замечать очевидного.

...После смерти Аттилы Западной империи лучше было бы умереть сразу. Ничего, кроме позора, она уже не видела. В 454 году император Валентиниан казнил Аэция. Но соратники Аэция убили неблагодарного императора. В ответ на это хан Гейзерих захватил Рим и две недели грабил его.

Кипчаки с тех пор делали в Империи, что хотели.

Хан Рицимер, став главнокомандующим, сажал и свергал римских императоров, словно мальчишек. Он открыто издевался над ними: за 15 лет десять раз менял «хозяина» трона. Сам он не мог занять трон из-за своего происхождения, но вся власть была в его руках.

Рицимера на посту военачальника сменил Орест, бывший духовник Аттилы. Это был уже совсем другой человек. Он, нарушив адат, назначил императором своего сына, взявшего имя Ромул Августул.

Этот тюрк стал последним императором Рима.

В 476 году его низвергли сами кипчаки, признав царствование молодого человека нарушением законов Неба. Во имя святых традиций Алтая сделал это хан Одоакр, заявив: «Империя отвергает титул императора». При нем название

«Италия» обрело новый смысл: «ытала» по-тюркски — «отвергай». В Византию отправили посольство, а с ним — отслужившие свое корону и другие императорские знаки отличия. Так закончилась история Древнего Рима.

И началась история Италии.

Ближний Восток и тюрки

С IV века политику Европы вершили греки, их Церковь. Ее патриархи устанавливали порядки. Они шли на все, лишь бы господствовать в Средиземноморье. Лишь бы возвыситься. А как?

Как получает известность ученый-богослов? Как возвышается Церковь? Своими делами и знаниями. Их-то грекам и не хватало — ни дел, ни знаний у них не было.

Греческая церковь жила под опекой императорского двора. Она была частью государства, рычагом власти. Не более. Так повелось со времен императора Константина и так продолжалось всегда.

Идейные искания, как Риму, Греческой церкви не требовались. Ей не нужно было заботиться о своем лице, о здоровье общества, о будущем страны. За нее это делала светская власть. Церковь была лишь короной, украшением императора.

Сытые греческие патриархи боялись нового. Ни о какой католической доктрине они слышать не желали. Заботились только о себе, любые перемены пугали их. Но перемены в жизнь приходят сами. И всегда неожиданно.

Конечно, пришли они и в Средиземноморье: переселение народов не могло не коснуться его.

Первыми кипчаками здесь были проповедники из Дербента. Эти всадники-священнослужители. Кавказ стал с их помощью духовным родником для Сирии, Палестины, Египта, Северной Африки. Весть о Всесильном Боге Небесном птицей прилетела сюда. Люди слышали новое слово — Тенгри.

Кем были эти проповедники — тюрками или нет? Неизвестно. Но... именно они принесли сюда веру в Бога Небесного. Именно они открыли язычникам глаза, долгими беседами увлекая их... Именно они, наконец. Хоронили своих предводителей в курганах, с конем и оружием. Точно, как на Алтае. Царские курганы на севере стали желанной «добычей» археологов.

А случайны ли географические названия, в которых словно вчуждечно имя Тенгри? Донгар или Дангри — называли Его в Абиссинии, Судане, Египте... Отсюда — Голубой, или Небесный Нил. Удивительная история, не правда ли?

Курганные находки убеждают, что слово «кипчак» когда-то на Ближнем Востоке приравнивалось к слову «святой»... Нет, не с оружием здесь жила новая культура средневекового мира, а со словом Божьим. Его и несли проповедники из Дербента.

О ближневосточных страницах Великого переселения долгое время историки почти ничего не знали. Одни легенды окружали это событие. Но в декабре 1945 года в Египте крестьяне в развалинах древнего поселения (ныне — Наг Хаммади) случайно нашли умело спрятанные свитки папируса. Потом сюда приехали ученые и подтвердили одно из великих археологических открытий XX века.

Древнейшая из библиотек вновь нашла своих читателей.

Каждый свиток представлял собой настоящую книгу. Сейчас они хранятся в Каирском музее. Рукописи эти были написаны в IV веке. В них есть упоминания о Боге Небесном. Они посвящены духовной жизни средневекового мира... Тайна над прошлым, кажется, чуть приоткрылась.

Многое рассказала ученым и история Коптской церкви. Она знаменита своей древностью и тем, что копты признают веру только в Бога Небесного (Тенгри), хотя и называют себя христианами.

Эта Церковь поныне хранит древние традиции богослужения. Как раз те, которым обучали тюркские священнослужители. Дербент по-прежнему для коптов — святой город, там начиналась их вера, вернее, школа жизни.

Кто такие копты?.. Это египтяне, не принявшие в 325 году греческое христианство. Они отвергли его как неправильное. И — сама жизнь распорядилась! — копты с тех пор стали хранителями тюркских духовных ценностей.

Видимо, тогда они и получили свое нынешнее имя «копты», что по-тюркски означало «возвысился»... Или «возвышенный». Сейчас их около полутора миллионов человек. Они стойко берегут свою веру.

В мире есть еще несколько таких религиозных общин. Они, как затерявшиеся оазисы в пустыне, живут своей жизнью. И нет подступов к ним.

...Египет издревле славился своей удивительной культурой. Не фараонами, не пирамидами. А Александрийской школой! Она всегда была его главным сокровищем, она дала античному миру выдающихся ученых — философов, математиков, астрономов, врачей, ораторов. Это был центр культуры всего Средиземноморья.

Не в Греции, не в Риме учились ученые, в Александрии получали они высшее знание! Там обретали они свою ученость.

Египтяне приняли христианство в начале IV века вместе с армянами, албанцами, иверийцами. Они лучше других были готовы к новой культуре, которую дарило миру Великое переселение народов. Учение о Боге Небесном стало для них вершиной познания.

Тогда — от тюрков же! — появилась на Ближнем Востоке и «арабская» письменность. На деле это было древнетюркское письмо. Обычная скоропись. Ею писали на Древнем Алтае с помощью гусиных перьев или палочек. Руны служили тюркам как «печатные буквы». Их высекали на скалах, чтобы были видны издали, а скорописью писали послания, письма, стихи. Читался текст справа налево или сверху вниз.

Позже древнетюркскую скоропись называли «уйгурским письмом». В тюркском мире она дожила почти до XVIII века.

Внешнее сходство раннего арабского и уйгурского письма просто удивительно. Их не отличить. Это не раз ставило ученых в тупик, особенно когда находили письменные памятники на Урале, на Алтае, то есть вдали от Египта, где арабов никогда не было.

Никому и в голову не приходило, что это — древнетюркские памятники. Все думали, тюрки — бесписьменный народ. Но нет.

Арабское «письмо» не могло быть в IV веке чем-то новым и неожиданным для Востока. Например, в Иране узнали о нем в 248 году до новой эры, когда к власти пришла династия Аршакидов. То были тюрки с Алтая (Рыжие Саки). И первые их официальные документы написаны как раз этим неизвестным в западном мире письмом...

У египтян, как известно, письменность была своя — на основе иероглифов. Это видно по их древним папирусам. Новый же алфавит был очень важен, он символизировал новую культуру. Стал неким знаком Неба на Ближнем Востоке. Новая письменность, как известно, никогда не появится у народа сама собой, случайно. Что-то очень серьезное предшествует этому... А здесь причина налицо — обращение к вере в Бога Небесного.

Древние тексты Египта, найденные в Наг Хаммади, поведали как раз о том. Часть их написана неизвестным «письмом», на неизвестном египтянам языке. Ученые так и не смогли в точности прочесть все тексты.

Они определили, что отдельные знаки этого неизвестного, коптского «письма» похожи на греческие буквы... Впрочем, догадок на сей счет высказано много. Именно догадок. Потому что никто не связал те события с Великим переселением народов и приходом тюрков на Ближний Восток.

Зато в точности известно другое. Непонятные сегодняшним египтянам язык и «письмо» долго служили тайнописью для коптских священнослужителей. А действительно, не тюркские ли они?

К сожалению, точный ответ неизвестен: ни один тюрколог даже не держал в руках эти древние свитки, не исследовал их. Однако они должны иметь именно «тюркский след»! Потому что в IV веке это был язык богослужения.

Потом богослужение в Египте перешло на местный, коптский язык. Так было и

в Армении, и в других странах, где древние священные книги написаны именно по-тюркски и где богослужение тоже сначала велось на тюркском языке, а потом на языке местного народа.

Здесь возможны самые невероятные открытия. Они впереди.

IV век стал вехой в истории. Новая письменность едва ли не в один год появилась сразу и у египтян, и у армян, и у грузин, и у албанцев, а также у других, принявших веру в Бога Небесного. Это — бесспорный факт.

Связь между новой верой и новой письменностью более чем очевидна. Она — и в книгах, и в истории этих народов. Только кто-то взял за основу руническое письмо тюрков, как, например, армяне или грузины, а кто-то — алтайскую скоропись. Вот и вся разница...

О приходе кипчаков на Ближний Восток сохранилось немало свидетельств. Это и знаменитая Александрийская церковь, в ней когда-то служили по тюркской традиции. Она — доказательство, самое неоспоримое. На соборе 325 года ее так и называли — «авторитетнейшей епархией».

В Сирии тогда появилась Антиохийская церковь, тысячи прихожан крестила и объединила она. В Африке служила Эфиопская (Абиссинская) церковь. В Армении — Армянская. В Кавказской Албании — Албанская... Все они следовали тюркской традиции богослужения, за что греки осуждали их.

Эти Церкви исповедовали веру только в Бога Небесного. Не в Христа. Они не отрицали сына Божьего, но поклонялись только Тенгри, Ему молились. И это отличало их от «греческого христианства».

Языческий мир с приходом тюрков менялся на глазах и на Ближнем Востоке: новая культура меняла его. Это очень беспокоило византийцев, мечтавших о лаврах Великой Римской империи.

Греки в духовном споре за лидерство безнадежно проигрывали и римлянам, и египтянам, — у них не было таких философов, не было таких ученых-богословов. В Константинополе ставку делали только на силу и окрики. А этого мало.

Императорские окрики для духовенства Египта и других Восточных церквей не годились: они ничего не доказывали, лишь подчеркивали слабость греков.

Как заставить египтян повиноваться? Над этим размышлял еще император Константин, не придумавший ничего лучшего, кроме войны. Правда, его поход в Египет закончился прискорбно. Вместо трофеев в Константинополь привезли тело самого императора. Случилось это в 337 году.

Потом были новые войны. В 391 году византийцы сожгли святыню египтян — их знаменитую Александрийскую библиотеку, ее бесценные рукописи. Так они

хотели лишить египетский народ источника знаний. Тысячи текстов сгорели, как один, однако доказать свое превосходство греческие христиане все равно не сумели.

Их меч был бессилён... Даже завоеванный, египетский народ не желал повиноваться. Его твердость духа была непоколебима. Он стал искать пути к свободе. На Ближнем Востоке рано или поздно должно было что-то случиться. Но что? Никто не знал.

Война уже ничего не решала. Это поняли все, что видно даже из письма посланца папы римского Иеронима, который в 396 году посетил Ближний Восток. Он застал там кипчаков, остановивших бессмысленное кровопролитие. В письме передан ужас императорских солдат перед конницей тюрков, считавших позором для себя воевать пешими. Как писал посланец папы римского, они «не могут ступить, и лишь только (в бою) коснутся земли, считают себя уже мертвыми».

Вот, оказывается, когда появилась знаменитая «арабская» конница. Дата установлена точно. Всадники пришли из Дербента, из-за «Железных ворот на Кавказе», так записал Иероним. Дербент был тюркским городом. И там был Патриарший престол, который желал примирить христианский мир.

Посланец папы римского оказался на Ближнем Востоке не по воле случая: умирающий Рим беспокоили подъем Византии, ее ссора с Египтом. Открыто бороться с греками папа не мог, и он положился на старое правило политики: «разделяй и властвуй».

Пока римляне только разделяли... Завязывался тугой клубок политических страстей. Силы копились немалые. Они и сошлись на Эфесском соборе в 431 году. Уже не воины, а политики в рясах дрались за Средиземное море. Греческим или египетским быть ему... Церковь делила наследство Великой Римской империи! А Рим молча наблюдал за схваткой своих вчерашних рабов.

«Чей Бог, того власть» — вот правило средневековой Европы. Ему следовали безоговорочно.

Повод для Собора нашелся быстро — церковные разногласия. Константинопольский епископ Несторий в 428 году сказал, что Богородицу надо именовать Христородицей, так как у Бога не может быть матери.

Здравый смысл в его словах, конечно, был. Он, Несторий, глубоко верующий человек, искал свой путь к Богу. И это было прекрасно. Но беда его состояла в том, что он, не имея глубоких знаний, доверился властям, светским политикам. Например, чтобы склонить на свою сторону византийского императора, он пообещал ему даже ключи от Неба... А как выполнить такое обещание?

Впрочем, мало знающих греков не интересовали богословские тонкости. Им

важно было возвысить Греческую церковь, а с ней и Византию.

«Разбойничий» и другие соборы

Город Эфес предложили для Собора не случайно. Греки связывали его с Богородицей, с ее последними годами жизни... Они всегда любили «чудеса» и теперь хотели стать «избранниками Божьими», чтобы так, с помощью легенды, доказать свое лидерство в христианстве.

Им нужен был Собор именно в Эфесе!

Египтян возглавил александрийский епископ Кирилл. «Надо не мудрствовать, а просто верить», — говорил он. На сторону Кирилла встал папа римский, который ничего не ждал от Собора, он просто хотел хоть как-то навредить грекам. Папа понимал, пересмотр церковного учения — это пересмотр мировой политики.

«Чей Бог, того власть», — витало в воздухе Эфеса.

Но духовного спора не получилось. Глубокие знания Кирилла все оценили сразу и по достоинству. Его страстная речь раскрыла невежество греков. Все-таки вековые традиции александрийской научной школы давали знать о себе... Спорный вопрос уладили в тот же день.

Правда, Собор на этом не закончился. Греки не успокоились. Начали ссору. Взаимные оскорбления переросли в настоящую драку. В рукопашную вмешались солдаты...

Египтяне выиграли духовный спор, но не Средиземное море. И принялись готовить новое сражение. Им важно было развить успех — найти поддержку в Дербенте, у Патриарха христианского мира.

Там же, в Дербенте, они слышали о Троице. О трех ликах Бога Небесного: «Един в трех лицах», — говорили тюрки о Тенгри. Египтяне решили перенести Троицу в христианство.

В 449 году они созвали новый Эфесский собор, который вошел в историю как «Разбойничий». Но он не удался александрийским богословам. Они переоценили свои знания... И тогда с досады уже слуги Александрийской церкви стали избивать греков кулаками. По лицу били они греческого патриарха Флавиана прямо в зале заседания.

Потом «соборным отцам» предложили подписать чистый лист папируса, где должно было появиться решение. Кто противился, того снова били или кололи иголками.

Епископы подписали чистый лист единогласно.

И — появилось решение II Эфесского собора, угодное египтянам. Правда, его вскоре отменили.

Лишь в 451 году христиане нашли свою Троицу. Но не ту, что была у тюрков.

Вместо Троицы у них фактически получилась «двоица». Греки настояли на ней.

Случилось это событие на новом Соборе, в городе Халкидоне. И сразу разразился новый скандал, его замял в 452 году византийский император, приказав: «Никто, какого бы звания и состояния он ни был, не смеет заводить о вере публичные споры».

Больше духовные искания уже никто не вел. Да они и не были нужны — раздел мира свершился. Церковь все стала выводить от «греческих корней». Всю историю Европы и христианства.

Так греки победили Александрийскую церковь, унизили египтян, бросили тень на тюркскую веру, а главное — возвеличили себя. Их не смущало, что «ложную греческую Троицу» не приняли Церкви Востока. Что в Египте сразу же вспыхнуло восстание... Они торжествовали.

А верующие яростно протестовали против греческого искажения веры. Несколько лет бурлила Палестина. Люди там шли на смерть во имя Бога Единого... Много крови впитала тогда земля.

Византия, завершив учение о Церкви, вела теперь себя совсем иначе, она даже отказалась платить тюркам дань. Начала готовить покушение на Аттилу. «Золото у меня только для друзей, — самодовольно заявил император Маркиан, — а для врагов — железо». Он умел нагнетать обстановку.

В 453 году к простодушным тюркам пришла первая их большая беда: Аттилу отравили. И — византийский император стал новым хозяином Европы!

Власть Греческой церкви признали лишь римляне, на Востоке же ее называли «христианством второго разряда». Ближний Восток не мог принять ее, мешали традиции. И он задумал создать свою веру — веру «первого разряда».

Поиск чистой религии привел египетских ученых-богословов к идее Ислама — вере в Бога Небесного, но с иными, негреческими обрядами.

...В Византии в те годы тоже бурлила «творческая» мысль. Но только иная. Страну захлестнуло откровенное сочинительство: придумывали святых, придумывали «чудеса». Греки утверждали себя, как могли.

Это — тоже вклад в мировую сокровищницу. Вклад язычников.

Древнегреческого бога виноделия, сына Зевса, Диониса они сделали христианским мучеником святым Дионисием. А царя Деметрия — святым Дмитрием, богиню искусств Минерву-Палладу — святой Палладией, бога солнца Гелиоса — святым Ильей... Каждому языческому богу придумали новое житие, связав его с Византией.

Так и жило греческое «христианство второго разряда для простонародья». Какое отношение оно имело к Богу Небесному? К религии?..

Просвещенный мир был в ужасе.

Папа Григорий Великий

Учение о Троице раскололо христианство. Это был не первый его раскол. Египетская Церковь ушла со сцены мировой политики навсегда.

Иное дело Рим. Там тоже зрело недовольство греками. Но его не выражали открыто. Папы, глотая обиду, требовали того же от прихожан. Они тайно искали выход. И открыли его в 495 году — тогда папу римского впервые назвали «Наместником Христа на Земле».

Очень многое стояло за этими словами: новое деление Церкви. Уже на православную и католическую.

Разногласия росли с тех пор с каждым годом, но росли они незаметно: Рим задумал подчинить греков и тем вернуть свое лидерство в мире... «Чей Бог, того власть», — об этом никогда не забывала Европа.

Честь возвысить Рим досталась папе Григорию, прозванному Великим. Мудрейший человек той эпохи, настоящий гений дипломатии.

Он родился в 540 году в семье знатного сенатора, среди его предков были даже римские папы. От них досталась юноше не по годам зрелая мудрость. Григорий выучился на юриста, занял пост префекта (правителя) Рима, а смерть отца принесла ему огромное состояние. Но он не взял богатство — отдал монастырю в Монте-Кассино.

О префекте заговорили как о помешанном.

...Надо заметить, Европа до прихода кипчаков не знала монастырей, традиций монашества. Вместе с Великим переселением они пришли в западный мир. Их ввели тюрки, у которых монастыри и монахи были еще до новой эры.

Слово аббат означало у них «около отца» («абата», как говорили кипчаки). А монастырь — первое слово древней тюркской молитвы: «Манастар хырза» («прости мне мои прегрешения»). На Западе одним из первых эти слова произнес епископ Амвросий, тот самый неутомимый кипчак-католик, что служил в Милане. После 380 года он основал там свой монастырь.

Миланский монастырь знаменит тем, что не был христианским. Здесь молились только Тенгри. Его не тронул даже Атила, когда разрушал город. Очевидно, это был не единственный монастырь в Западной империи... Здесь укоренялась тюркская культура, навсегда оставляя свой след.

Поначалу коренные римляне боялись монастырей, монастырская жизнь была им чуждой и непонятной. Церковь не сразу приняла монастыри в свое лоно: лишь в середине V века.

В 530 году Бенедикт Нурсийский основал Бенедиктинский монашеский орден... Кто был этот человек? Точно неизвестно. По крайней мере он жил

среди кипчаков — новых граждан Италии, не исключено, что и сам был кипчак. Лишь они, единственные, знали тогда тайны монашества!

Зато известно, что в аббатстве Бенедикта Нурсийского воспитывались дети «новых римлян» — тюрков. Тогдашней знати Империи! Известно и то, что монастырь посещали правители-кипчаки, приезжавшие к Бенедикту. Например, хан Тотила...

Первые аббатства в Западной Европе могли создать лишь тюрки. За ними стояли традиции Алтая и всей Центральной Азии. Святые места. Сюда приходили отшельники, проповедники, здесь молились, философствовали, набирались знаний. Археологи нашли руины древних тюркских монастырей. Разумеется, не один и не два. Например, в Казахстане около города Актюбе — забытый монастырь Абат-Байтак. Есть такие памятники в Чимкенте, Семипалатинске... География солидная: Алтай, Средняя Азия, Урал, Поволжье... Весь Дешт-и-Кипчак. Особенно славились монастыри у священного озера Иссык-Куль, сюда приходили даже из Каталонии. Путь паломников определяла географическая карта, она известна.

Обычно монахи жили отшельниками, вдали от людей, отдавая себя молитве и познанию истины. Но были среди них и «служивые» монахи — те, кто наставлял приходивших в монастырь, вел службу в храме, проповедовал в далеких селениях.

В христианстве именно эти формы тюркского монашества и прижились навсегда. Других там просто нет! Выходит, Бенедикт Нурсийский, основывая свой монашеский орден, повторил известное, алтайское.

А основателем самого первого монастыря по тюркскому образцу считается египтянин Пахомий Великий. В 312 году он служил в армии императора Константина, где костяк составляли тюрки. Поэтому «солдатским языком» там был тюркский... Знакомство с кипчаками открыло Пахомию многое в жизни.

После службы он вернулся в Египет с друзьями-тюрками, они и собрали монастырскую общину. И было там не мало не много, а семь тысяч монахов! «Пахомиевы общежития» жили по строгому уставу алтайских монастырей. Даже одеждой напоминая далекий Алтай — колпаки, башлыки, епанчи из овчины.

Не исключено, что эти монахи и оставили древние свитки, которые археологи нашли вблизи египетского города Наг Хаммади. Иначе как объяснить, что именно тюркские слова были в текстах и на устах египетских монахов? «Аббат», «алтарь», «аминь», «артос», «Бог», «бурса», «Господи»... десятки слов.

Лишь тюркологи знают, например, как переводится таинственное «сарабайта», которое есть в древних текстах. И почему на коптских иконах того времени

рядом с изображением святого отца стоит слово «апа», как понимать его.

Сегодня немногие тюрки помнят, что в древности «апа» означало не только «старшая сестра», «мама», но и «папа». Слово имело много оттенков, в том числе и «святой отец».

Вопросов немало. А ответ один: священнослужители Египта знали тот самый, «божественный» язык, который простому народу был непонятен.

Что это за люди? Древние пришельцы, которые оставили после себя курганы и легенды? Которые были всадниками и умирали вместе с конем?

Ни римлян, ни греков, ни персов, ни тем более африканцев светловолосыми, кажется, не называл никто. Выходит, речь опять о кипчаках.

В арабском языке с древних пор сохранилось очень много тюркских слов. Откуда они? Случайностью это не назовешь. История раннего средневековья на Ближнем Востоке тесно связана с Великим переселением народов. Отсюда и столь заметный тюркский след.

Показательно, монах Пахомий не знал греческого и не был христианином, как и вся его община! Они молились Тенгри (Богу Небесному) и сторонились христианских епископов... Лишь в 451 году греки, завоевав Египет, передали его монастыри в лоно Греческой церкви.

А о монастырях в ту пору говорили как о восточной экзотике. Именно восточной. Кроме экзотики, греки и римляне в них ничего не увидели. Став христианскими, монастыри явили собой печальное зрелище. Они отчаянно бедствовали. О духовных исканиях речь там уже не шла.

Монастырская община медленно умирала. Тихо, как птица в неволе.

Так продолжалось до тех пор, пока управитель Рима Григорий не увидел в монастырях будущее Италии и всей Римской церкви. Он словно прозрел. А открыл ему глаза папа Пелагий II.

Этот папа был чистокровный кипчак. Как выясняется, не первый и не последний кипчак, ставший главой католической Церкви. Он родился в благородной семье, управлял церковью без согласия Константинополя, и лучше него во всем Риме никто не знал слабые и сильные стороны тюрков.

Папа Пелагий, наверное, был самой ценной жемчужиной для католиков и самым губительным ядом для тюрков. Он раскрыл европейцам сокровенные тайны Великой Степи! С него началось возвышение Римско-католической церкви и угасание Дешт-и-Кипчака. Хотя он мечтал не об этом.

Долгие беседы папы с Григорием принесли щедрые плоды. Префект Рима — второй человек в стране! — отдал все свои деньги монахам, потом вообще оставил светскую жизнь, принял церковный сан диакона. И папа отправил его в

Византию, своим наместником... Все шло как нельзя лучше.

Вернувшись в Рим, Григорий ушел в монастырь, о нем долго ничего не слышали. Но после смерти папы Пелагия духовенство в 590 году избрало его, монаха, новым папой. Такого в Церкви не было.

Нового папу отличала особая деловитость, дела Церкви он начал издавна. Сперва навел порядок в своих папских владениях, ими никто и никогда не занимался. Назначил экономов, повысил доход с земель, дал Церкви независимость от государственной казны. Вырученные деньги новый папа вручал не епископам, направлял их на нужды римлян и на выкуп пленников. Тем самым он снискал себе признание и поднял авторитет Римской церкви.

И это было далеко не все из того, что сделал папа Григорий.

Однако главное свое внимание он уделял монастырям, здесь растил себе опору, с помощью которой рассчитывал перевернуть и подчинить Церкви весь мир.

К тому времени на землях Западной империи возникли новые государства, они отчаянно враждовали между собой и с Италией. Спокойствия там не было никогда. Эти новые государства и влекли папу римского. Он понимал, люди, уставшие от войн, будут слушать его и монахов. Нужно лишь найти подходящие слова.

Папа отправил своего посланника к королю Испании, сам повел диалог с воинственной Брунгильдой — правительницей Австразии (нынешние Франция, Швейцария, Германия, Австрия)... Вся Западная Европа попала в его поле зрения. А в центр он поставил лангобардов.

Кто такие лангобарды? Жители севера Италии. Кипчаки, не раз осаждавшие Рим. Орда со столицей в Милане. О них известно немало. Пришли в Европу с Алтая, ничем не отличались от воинов Аттилы. Верили в Тенгри. Среди найденных бумаг, случайно уцелевших в архивах Европы, есть документы лангобардов, написаны они рунами и скорописью, по-тюркски. Куда исчезли другие свидетельства? И сами лангобарды? Это глубокая тайна.

Но она перестает быть тайной, когда узнаешь о деяниях папы Григория Великого и всей Римской церкви.

В 592 году, заключив мир с лангобардами, папа Григорий объявил всю свою Римскую церковь Тюркской церковью, а себя — ее настоятелем. Был такой забытый эпизод в истории католичества.

Папа даже выучил тюркский язык (греческого он не знал), за что греки прозвали его Двоесловом... И началась хитрейшая игра. «Бог Небесный», говорил он римлянам, а «Тенгри» — лангобардам. Папа притворился, будто он все забыл и ничего не знает. Он, как невинный ребенок, стал просить тюрков

посвятить его в тайны веры Тенгри.

К кипчакам устремились монахи-бенедиктинцы, верные слуги папы. Они легко проникли в тюркские храмы — к самым святыням! Потому что папа Григорий, не уставая, называл себя «епископом не римлян, но лангобардов».

А еще — «слугой слуг Божьих». Это тоже его личные слова.

Он пришел в Милан, как странник, в накидке раба. Такие накидки у кипчаков назывались «капа», или «чекрэк капа». И, поклонившись их храму, произнес по-тюркски: «А вот и я, слуга слуг Божьих!..» Каково было видеть такое честолюбивым кипчакам? Каково слышать?

Они — «слуги Божьи», а он — их слуга. Нет, не всякий человек отмахнется от такой лесты. Не каждый пропустит ее мимо ушей... Кипчаки поверили хитрому лису, проглотили наживку.

А монахи-бенедиктинцы потом исправно отработали свой хлеб: папа знал, кого выбрать. Они — по крови тюрки! — в третьем-четвертом поколении были гражданами Италии, католиками. Тюрков-католиков охотно брали на сытое монастырское довольство. И название орден им подобрали со знанием. Перевод этого слова с тюркского — «данный сверху». Мол, от Бога вы! Вот откуда эти монашеские ордена, смиренные воины папы, тихие покорители Европы.

Католики, поселившись в городах кипчаков, не жгли там храмы, никого не убивали и скоро стали своими для лангобардов.

Улыбка покорности никогда не сходила с лиц монахов-бенедиктинцев. Они искренне полагали, что несут мир своим заблудшим собратьям. Только один папа Григорий понимал, рано или поздно кипчаки-лангобарды привыкнут к Христу, значит, и к Римской церкви, а привыкнув, забудут свою веру и себя.

«Бог-Отец и Бог-сын — одна семья», — любил повторять он, все чаще называя имя сына, но забывая об имени Отца.

Христиане, как «одна семья», молились рядом с лангобардами. Храмы были совершенно одинаковыми, молитвы, обряды — почти одинаковыми. Например, в христианские церкви до VIII века простым верующим входить запрещалось. Они молились около храмов, рядом... Все было у них от тюрков! От килисы. От священной горы Уч-Сумер.

Любопытно, что самая первая христианская базилика на Западе появилась в 313 году, после победы кипчаков над армией Рима. В ней не было алтаря, но строители ориентировали ее строго на Алтай. И это навсегда стало правилом в христианстве. Молиться, глядя на восток, ибо: «Ex oriente lux» (свет начинается с Востока).

Католики в те годы переняли многие обряды кипчаков. Скажем, церковное пение, названное «григорианским» в честь папы Григория Великого, который

ввел его в христианский обряд.

Тюркская эта традиция или нет? Вопрос не для спора. Она была известна на Древнем Алтае, а в I веке хан Эрке (царь Канишка) знакомил с нею своих новых сторонников. Они взяли ее и тюркские приемы музыкальной записи, так называемые «крюки». Все это сохранилось в истории буддизма и в буддийских общинах.

Молитвенные распевы — акафисты, ирмосы, кондаки — были музыкальным языком религии тюрков. И об этом известно. Впечатляющая музыка. Особенно древняя молитва Уч-Сумер, в ней душа тюркского народа.

Монахи-бенедиктинцы под это пение голыми руками побеждали кипчаков. Побеждали без боя, без атак... Папа римский Григорий Великий полностью покориł их. Без остатка.

Численность католиков в Италии с тех пор резко выросла.

Тюрки-католики

Три с лишним века шла эта тихая война за души людей.

Церковь говорила о мире, о любви к ближнему, о покорности. Самые лучшие на свете слова были на ее устах. И — вражда в Италии стихла. Кипчаки смирялись, даже не чувствуя, как ржа разрушала их жизнь: они привыкали к Христу.

Наконец настал час, и лангобарды называли папу «Величайшим из слуг Божьих»... Оттенок правды был в их словах.

В Западной Европе действительно стало меньше войн. Люди видели в этом заслугу Церкви. Никто и не заметил, как вольная жизнь закончилась, она протекала теперь под всевидящим оком папы и его надсмотрщиков. Монахи — глаза и уши папы! — шныряли всюду. Папские шпионы заплотонили города, они не дремали даже ночью. Видели все и знали обо всем... Церковь получила власть над народами и странами.

Благодаря папе Григорию росло не просто число католиков, росла их сила. С Церковью были вынуждены считаться все короли и монархи. Она стала реальной властью — государством, которое имело войско, золото, земли, но не имело границ.

Прирастала ее власть по-разному.

Например, едва заключив мир с лангобардами, папа Григорий отправил в жены их хану красавицу Теоделинду, дочь знатного римлянина, католичку. И — хан попал в окружение католиков. Сам пустил их к себе в дом. Хотя адаты запрещали тюркам жениться на чужеземках: своих отдавать можно, чужих брать нельзя. Вскоре лангобарды оказались во власти Церкви. Попали, как мухи в мед. Сами...

Переняв римские обычаи, они стали насмехаться «над грубыми манерами, над

диким весельем, над прожорливостью, над отвратительной внешностью» своих предков. Так записано в их документах.

Они отказались от кумыса, перестали есть конину... Изменили даже свой древний обряд захоронения: Церковь запретила им хоронить в курганах, с конем... Агенты папы и раньше не сидели, сложа руки. Они действовали.

В Бургундии же склонили к католичеству жену правителя, щедро подкупив ее подарками. А та обратила в новую веру своего мужа. Повод был ничтожный.

Перед Тольбиакской битвой, в исходе которой бургунды сильно сомневались, они обратились к Христу. И победа далась им. Этого хватило. Ведь тюрки жили с убеждением: Бог дает победу тому, на чьей стороне справедливость. Так папу признали кипчаки из орды бургундов. Судьба...

С тех пор и бургунды стали перерождаться, изменив даже еду: вместо конины и кумыса их уже интересовали улитки и лягушки. «Испуганные музы бежали при звуках дикой бургундской лиры», — писал современник. Иначе говоря, бургунды стали забывать Степь, ее курганы. Они отказались от своих музыкальных инструментов, звуки которых теперь раздражали их.

Конечно, трагедии в этом не было. Латинские кипчаки просто не могли не стать христианами. Рано или поздно это случилось бы! В них «прорастала» вера, которая мирила европейцев. И пришлых, и коренных. Это и есть католичество, или союзничество!

Новая вера не была чужой, в ней все шло от Тенгри. Она с каждым поколением становилась больше и больше своей!

Разумеется, лангобарды-католики по-прежнему презирали римлян. Но мирились с ними. Очень показателен их «Свод законов», который они приняли в 643 году. Текст на латыни, но там записано, что коренных римлян они считают своими рабами... Кипчаки. И этим сказано все.

Поразительно, они признали римское право, подчинив его тюркским адатам.

Тюрки Европы сначала трепетно относились к себе и к своей истории. Те же лангобарды, став гражданами Италии, подчеркивали свою исключительность. Это очень показательно. Значит, гордость в них умерла не сразу.

Бургунды-католики, те — нет, они заботились больше не о себе, а о союзе с папой римским, чтобы его именем утверждать власть над соседними странами. Бургунды взяли имя франки, чтобы быть подальше от тюркского мира, но поближе к папе. Им разрешили чеканить свои золотые монеты, которые назывались «шерван». Только тюрки чеканили такие... «Новый» народ имел явно старые привычки!

Кипчаки всюду жили по правилу: «Среди лягушек сам стань лягушкой». Это у них в крови. Они не входили «в чужой монастырь со своим уставом». Всегда

брали чужой. Традиция, объяснить которую невозможно. Именно так было в Индии, в Китае, в Иране. Всюду. Везде «становились лягушками», везде брали новые имена, словно растворялись в других народах, но оставались тюрками. Бесцветными, линиялыми тюрками.

Конечно, это не значило, что они полностью забывали степные традиции. Нет. Сохраняли их. Бургунды, например, «превратившись» во франков, не изменили кузнечному делу, еще прилежнее растили коней и с размахом устраивали скачки — настоящий праздник. Они оставили у себя и кулачное право. Право поединка, ценимое в Великой Степи. «Нельзя, чтобы храбрец был достоин наказания, а трус прав», — по-прежнему говорили они.

Забывшие Тенгри помнили о Его справедливости.

...Вот фраза средневекового мудреца, точнее, пожалуй, не скажешь: «Тюрок подобен яркой жемчужине. В своей раковине она ничего не стоит, но, выйдя из раковины, становится драгоценностью, украшающей царские короны».

А не это ли и привело к «исчезновению» тюрков в Европе? Они стали украшением других корон.

Церковь усердно помогла им в этом. Она играла на их слабостях, как на тонкой струне, отлучая кипчаков от кипчаков же, от наследства предков. Многое ей удалось. Легко. Безобидно.

Об этом умении римлян в III веке писали так: «Они строят жертвенники неизвестным божествам, чтобы присвоить себе святыни других народов и потом обладать их царствами». Все было именно так и через пятьсот лет. Церковь взяла проверенное оружие из арсеналов Древнего Рима и победила.

Ее новое — забытое старое, о котором простодушные кипчаки не знали...

Величайшие умы работали тогда на Римско-католическую церковь. Здесь были и египтяне, и кипчаки, и сами римляне. Все они делали одно крайне трудное дело — создавали новую веру, которая собрала бы народы в единую христианскую семью.

Например, знаменитый латинский епископ Дионисий Малый (Дионисий Экзегет) был кипчаком. Прекрасный знаток обычаев Степи, обрядов веры в Тенгри. Он в начале 500-х годов написал «Апостольские правила» — устав, по которому жила и живет до сих пор христианская Церковь. Праздники, молитвы, таинства... все там от тюрков.

Отец Дионисий перевел на латынь тюркские книги. Он был крупнейшим астрономом и математиком: составил календарь, тот, на котором ныне XXI век. Прежде время в Европе отмеряли со дня основания Рима.

На благо новой веры работал и другой кипчак-католик — историк Иордан. В 551 году он написал книгу «Гетика», где рассказал о приходе тюрков в Европу.

К сожалению, многое написал в угоду Церкви. Слишком уж оговорил свой народ.

И все равно хорошо. Его книга показала нравы средневековой Европы. А по искажениям видно, как европейцы пытались скрыть следы Великого переселения. Что-то им явно удавалось.

Англосаксонские походы

Папа Григорий был Великим. Но даже он, «Наместник Христа на Земле», так и не создал новый народ. Не сумел. Присоединив Ломбардию, Италия не стала единой и мирной. Навсегда осталась страной Севера и Юга. Здесь живут разные народы, хотя и столько веков называющие себя итальянцами, католиками, говорящие на одном языке.

Лангобарды были и остались тюрками. Их не переделать. В 567 году они начали войну с Римом, что нашло поддержку у тысяч кипчаков Европы... Веками беспокойство в Италии исходило именно отсюда, из Ломбардии. И поныне не остыла там тюркская кровь.

Выходит, в Италии смешались языки — речь, а не сами народы!.. Религия объединила, примирила их. Но она не изменила людей. Нельзя создать народ. Кровь предков не умирает, она переходит к потомкам, к каждой их клеточке. К душе, наконец.

В народе может умереть память о прошлом. И то не навсегда. Ее пробуждает голос крови. Есть, оказывается, такой! Он-то и не дает угаснуть тюркской Европе до сих пор...

Римско-католическую церковь привлекали тогда не только лангобарды, но и кипчаки с берегов Рейна. Чем был вызван ее интерес? Не землями, нет. На Рейне тюрки нашли богатые залежи железной руды и наладили ее выплавку. Теринг — назвали они эти земли, что переводится как «нечто обильное». Вот что влекло Церковь — железо. Без него Западная Европа осталась бы на задворках средневекового мира.

Монахи-бенедиктинцы появились здесь неожиданно, пожелав «соединить то, что осталась от Римской империи с бьющей через край молодой силой тюрков». Все шло у них строго по плану, все знали они.

...Прежде на Рейне жили кельты. Невыразительный народец. Монах-бенедиктинец так донес папе об их встрече с кипчаками. Кельты «с удивлением смотрели на людей, превосходящих их телесно и духовно», они дивились одежде кипчаков, их оружию и особенно — «твердости духа».

Удивление понятно: сами кельты ходили в юбках, не знали железа, не видели коней. Их жизнь была совершенно иной, чем у тюрков, но такой же, как у остальных коренных европейцев.

Еще у Рейна жили галлы, они мало отличались от кельтов. Однако и галлов, и кельтов, и местных кипчаков римляне называли общим именем — германские племена. Хотя это явно были разные народы. Впрочем, в средневековье о народах знали мало.

Византийцы, например, всех невизантийцев называли либо «скифами», либо «кельтами». Разумея не народ, а население той или иной страны.

«Германские племена» — это население неитальянской и невизантийской Европы. Причем, разное: лесное и степное. В лесной местности это «население» жило совсем иначе, чем в степи. Оно отличалось бытом, хозяйством, языком, верой, одеждой, но в первую очередь — вооружением. Степных «германцев» в летописях называли «тунгры», «тангры» и «тенгры»... О чем говорят эти слова?

Авары, алеманны, барсилы, болгары, бургунды, готы, остготы, гепиды, гунны, лангобарды, утигуры, кутригуры... десятки имен, десятки «германских народов» фиксируют историки. Но вот строка из византийского письма 572 года: «...гунны, которых мы обычно называем тюрками». И все встает на свои места.

А она, эта строка, не единственная.

Оказывается, иные «германские народы» говорили на тюркском языке. И совсем не отличались друг от друга. Язык, обычаи, история были у них совершенно одинаковыми. Они любили кузнечное дело, воевали на конях, пили кумыс, носили штаны, иные одевали белокурые парики... Все эти факты известны науке.

Как и то, что в Саксонии священным духом-покровителем был дракон. До XII века красовался он на знаменах «германцев». Тот самый знак Древнего Алтая!

Историки, говоря о диких «германских племенах», откровенно заблуждаются. Они не знают, что тюрки прежде жили по правилу, согласно которому улус (род), достигший власти, давал орде свое имя. Иногда орда брала имя своего хана-предводителя. А иногда ей придумывали прозвище, если было за что.

Тюрки остры на язык, настоящие мастера метких прозвищ. Те же «гепиды» или «гепанта», например, появились не случайно. Об этом рассказывает легенда: она о том, как готы переплывались через море, как от них отстали сородичи — их корабль пришел последним к берегу. «Гепид» значит «ленивый», здесь непереводаемая игра тюркских слов, дословно «гепи анта» — «там и сушишь».

В хрониках записано, что от гепидов «впоследствии отделились лангобарды и авары».

А с аварами вышла другая история, и она хорошо известна. Этот улус в VI веке бежал с Алтая в Европу, за ним Великий хан отправил погоню. Их

преследовали, но не поймали, они спрятались на Кавказе. Потом перебрались в Константинополь... Потом появились у Альп. Ныне это — баварцы.

Еще пример. Сыновей одного хана звали Утигур и Кутригур. После смерти отца сыновья разделились, их орды стали называть «утигуры» и «кутригуры». Одни брили затылок, другие — всю голову. Этим и отличались они, два «германских народа».

А кто-то по-прежнему ходил с длинными волосами или оставлял чуб — оселедец... «Германские» кипчаки жили той же жизнью, что и Великая Степь, строили такие же города, потому что других не умели.

Их города живы поныне. Один из них — знаменитый Кале, по-тюрки «крепость», не каменная, а деревянная с земляным валом. В честь города назван пролив Па-де-Кале, отделяющий материк от огромного острова. В римских хрониках этот остров был известен как Альбион, но кипчаки дали ему новое имя — Ингленд.

Почему Ингленд?

В древнетюркских словах приставка «инг» означала «добыча». Англия — дословно «добытая земля»... Ее добыли в походе.

В V–VI веках состоялись знаменитые англосаксонские походы. Две большие орды тогда переправились на остров. Предводили их хан Кердик и его сын Кенрик (не отсюда ли имя Генрих?). Всадники с пиками ступили на корабли, а потом и на остров. Это событие четко запечатлено в истории Англии.

Сохранилась легенда о тех временах.

Молодой кипчак шел по берегу реки, еле передвигая ноги. На его измученном теле висели толстые золотые цепочки, на руках — браслеты с драгоценными камнями. «К чему тебе сокровища?» — спросили его островитяне. «Я ищу на них покупателя. Цена мне безразлична». Тогда один человек сказал: «Я дам тебе много речного песка». Юноша согласился. Он отдал золото за торбу речного песка и ушел. А все смеялись ему вслед, восхваляли собрата, который ловко провел чужестранца.

На другой день сюда пришли всадники. Жители возмутились. Тогда вперед вышел молодой человек с полной торбой песка и стал пригоршнями рассыпать песок по берегу. Островитяне разом умолкли, поняв, что теперь это — его земля, купленная за вчерашнее золото.

Тюрки по традиции разбили лагерь, потом возвели крепость, назвав ее просто Кент — «каменная крепость». И никто больше не осмелился потревожить их, потому что они честно приобрели эту землю.

Начались английские страницы тюркской истории.

Английские кипчаки

И об англосаксонских походах старательно забыто.

Веками придумывались рассказы о зверствах пришельцев... Мифы громоздились один на другой. Дошло до абсурда. В истории Великобритании теперь лучше разбирается необразованная публика, чем ученые. Слишком там все перепутано.

Ранняя история по существу не изучена: запрещала Церковь, которая сама «творила историю» Англии. В VIII веке монах-бенедиктинец из монастыря Ярроу Беда Достопочтенный написал книгу «Церковная история англов». С нее и началось неправда, которая, как тина, навсегда затянула некогда чистую Темзу.

Однако есть и другая, по-настоящему яркая, работа — это труд величайшего английского историка Эдуарда Гиббона. Семь непревзойденных томов, написанных в XVIII веке. Ученый рассказал о средневековой Европе, как никто. Рассказал подробно и чуть больше, чем позволила ему Церковь. Этого «чуть» вполне хватило, чтобы вызвать упреки папы римского и его слуг.

«Прошрое Великобритании так хорошо знакомо самым необразованным из моих читателей и так темно для самих ученых», — печально заметил Гиббон.

Действительно, не было захвата Англии, островитяне сами пригласили «мудрейших саков» (так они называли кипчаков) к себе на остров. Сами отвели им плодородные земли, чтобы те научили их пахать. Сами взяли их необычные породы скота. Они признали Тенгри и Его крест. Тоже сами!

Тюркский дух из английской истории выветривался старательно — веками. Уже забыты «бродячие гунны», сошедшие на берег туманного Альбиона и ставшие любимыми героями старинных английских баллад.

Будто и не было в Англии проповедника Айдана, открывшего островитянам веру в Бога Небесного, — пастырь шел по английской земле с переводчиком, потому что был не из местных... Раньше из тех же рук в 432 году принял крест и самый почитаемый святой Ирландии — Патрик.

Надо заметить, в те годы латинского креста не существовало. Его придумали век спустя. У христиан был тюркский, равносторонний крест. Такие кресты и остались на памятниках старой Англии, только их находят археологи.

Это очень важная для историка подробность.

Имя Айдан (по-тюркски — «светлый») англичане произносят теперь чуть иначе — Иден. Пусть. Но сам подвиг проповедника, к их чести, они не исказили, оставили без изменений. Правда, без многих подробностей!

Забыты и древние курганы, что остались в Южной Англии со времен Аттилы. Хотя и они вроде бы на виду, не исчезли. Точно такие, как курганы Алтая. Или Великой Степи... В местечке Саттон-Ху графства Суффолк есть даже царский

курган, самый крупный из пятнадцати здесь известных.

Там найдены оружие, золотые украшения. Тончайшая работа, настоящие произведения искусства. Орнаменты чисто тюркские. Особенно прекрасны фигурки оленя. Они — полная копия алтайских оленей. Будто привезены отсюда... И это в Англии, в стране, на которую в V веке нагрянули «дикие варвары», как утверждают учебники.

Между прочим, слово «Лондон» — тюркское, оно уже в V веке подсказывало босоногим английским мальчишкам, что там, у реки, водилось множество змей.

О древнеанглийском языке здесь лучше вообще не говорить. Чтобы не портить будущий праздник тюркологам-лингвистам, которые, может быть, обратятся к этой загадке. Их, наверняка, увлечет поразительное сходство тюркских и древнеанглийских слов. Примеров немало. Вот несколько первых попавшихся.

«Молодой» — «янг», «немедленно» — «тап», «сытый» — «ток», «прикреплять» — «так»... Очень близки по смыслу и написанию древнетюркские и английские: «одежда» — «мода» (ton), «делать надрез» — «зарубка» (kert — kerf), «грометь» (tang tung et — tang). Даже знаменитый лондонский Тауэр «связан» с холмом, на котором стоит — «тау» (холм, гора).

Уж не наречием ли тюркского языка был язык старой Англии? «Вот в чем вопрос!»

Англичане принимали латынь под давлением Церкви, их книги тому свидетельство. Например, «Законы Этельберта» — самая ранняя книга на древнеанглийском языке, она появилась на рубеже VI–VII веков в городе Кент. В ней повторялись... законы лангобардов и других кипчаков. Потому что по ним жили и новые англичане. Текст написан рунами, как и другие древнеанглийские тексты. Потом книга таинственно исчезла. Почему? Тоже понятно.

Книги старой Англии Церковь сожгла в кострах инквизиции. Но остались копии, которые время от времени находят при самых неожиданных обстоятельствах. Этим находкам нет цены.

А древнеанглийская литература, судя по всему, была очень выразительна. Скажем, в поэтическом «Бестиарии» есть три духа-покровителя. Снежный барс, рыба-кит и куропатка... Откуда англичане узнали о барсе, который водится на Алтае. Откуда узнали об алтайских обычаях ублажения духов?

Иные «английские» привычки прямо-таки тюркские. Особенно их любимое похлопывание по плечу. Без этого тюрк — не тюрк.

А знают ли забывчивые англичане, что их старинная игра в поло (с клюшками на лошадях) тоже зародилась на Алтае задолго до Великого переселения народов? Только там играли не деревянным шаром, а головой врага, завернутой в кожаный мешок. То была торжественная игра Победы.

Нет. Кровь кипчаков не остыла в холодных жилах англичан. Ее сполна выдают внешность и поведение этих людей: умеют разгорячить себя. Понимают толк в боксе или просто в драке.

Даже чай пьют по-прежнему — с молоком, как пастухи на привале, потому что только так пили чай их предки. Любят коней и скачки, потому что без коней и скачек нет кипчака. Они гоняют в своей Англии лис и оленей, так охотились турки — верхом на коне, а по-другому не умели и не желали. Прекрасно знают англичане и соколиную охоту... Откуда все это в жителях заброшенного Альбиона? Окраины Римской империи?

Интересный народ: берегут традиции, не понимая, что традиции — это осколки их прежней культуры. Той, которая забыта! Вернее, которую велено забыть!

Например, до последнего хранили свои старинные денежные знаки и монеты. Их «запутанные» деньги, вызывавшие пересуды, — тоже отзвук степной эпохи. Так, английский «шиллинг» произошел от тюркского «шелег» — «неходячая монета», в нем тоже двенадцать мелких или ходячих монет. «Пенс» — от «пенег», то есть «мелкая монета». Ну и, конечно, сам «стерлинг», эта денежная весовая единица у тюрков называлась «сытыр», «сытырлиг» и тоже равнялась двадцати шелегам... Все в точности и у англичан.

Сходство тюркского «манат» и английского «мани» лишь усиливает это наблюдение. И то, и другое — «деньги».

У себя в парламенте англичане — уже столько веков! — держат мешок с овечьей шерстью. Тот самый, что у кипчаков был символом власти. В Великой Степи на нем сидели избранные судьи! Ходят во фраках и не знают, что фраки — с Алтая.

А соседи англичан — шотландцы, те, которые носят юбки и наслаждаются унылой волынкой, ведут иной быт, ничего «тюркского» они терпеть не могут. Потому что им это чуждо. И другой народ Великобритании, уэльсцы, которых сами англичане так и называют «чужими», тоже не приняли «тюркского»... У них иное веселье — слишком скучное для настоящего тюрка.

Английские кипчаки ходят теперь важными и самонадеянными, как индюки, забыв, чему учили их предков на Алтае. «Не надевай чужих штанов, — говорили им, — в них не спрячешься»... Это была народная мудрость!

Монахи-бенедиктинцы одели-таки англичан в чужие штаны, но не спрятали их. Не сделали новым народом.

Предводитель монахов, Августин, в 597 году стал первым английским епископом. С папской руки в Англии утвердилась власть Церкви. В числе католиков первой стояла знать. А четвертое-пятое ее поколение уже с

отвращением смотрело на своих «диких» предков... Все повторилось в точности, как у лангобардов и бургундов!

Монахи высадились на острове Тан у Кентского побережья. И пошли к королю, зная, что его жена до замужества тайно стала католичкой. Она и приютила монахов. Вскоре Этельберт, еще не король, но уже и не хан, принял католичество, а вслед за ним — его подданные.

Они с той поры исполняли волю папы римского, «Наместника Христа на Земле». Правда, иные англичане из упрямства ставили в храмах два алтаря — один для Тенгри, второй — для Христа. Но это уже ничего не решало: душа народа была продана.

А спор о том, чей алтарь лучше, длился недолго, он решился в 663 году. Римляне вновь перехитрили, пообещав доверчивым англичанам ключи от Неба, если в их храмах останется один алтарь. И он остался. Англия стала христианской.

Но двоеверие все равно сохранилось, оно — норма, которая отличает Англиканскую церковь до сих пор: католичество — темная тень ее прошлого.

Несмываемая печать.

Ислам

Высшая награда у католиков — орден Святого Григория. Он — копия орденов Древнего Алтая. Тот же знак Тенгри... Символично? Конечно. Как символично и то, что Греко-Римская церковь, сохраняя у себя старое, алтайское, уничтожала память о нем. Не только в Англии — всюду.

Потому что старая вера мешала управлять народами.

И римский папа, и византийский патриарх шли на все для достижения своих целей. Они втоптывали в грязь все тюркское, духовное и придумывали свое, языческое. Например, в церквах откуда-то появились вещи Христа, мощи его последователей. И люди стали молиться на эти предметы. Такая «религия» уже не отличалась от язычества.

Едва ли не каждая церковь получила реликвию.

Порой доходило до абсурда: в церквах хранился десяток голов Иоанна Крестителя... Один винодел, узнав, что вино в его подвалах скисло, собрал по капле из каждого кувшина в один и поставил его около мощей святого Стефана. На другой день к вину вернулся вкус. Родилось «чудо» о святом Стефане.

Язычники в одежде пастырей хозяйничали всюду...

Вера, что родилась в IV веке на Кавказе, забывалась, отходила на задний план, как и все тюркское. Ее меняли. Европейцы по велению Церкви назвались «христианами», но общего у них было мало. Разногласия оставались. Средневековая Европа бурлила, как в жерле вулкана. Тюркское, римское, греческое, кельтское — все смешивалось и плавилось, чтобы вылиться и

застыть остекленевшей лавой.

Застыть на века!

...Иначе было на Ближнем Востоке. Там Церковь тоже искала себя, свое лицо и власть. Но не в язычестве, а в философии — в поиске смысла жизни. Образ Тенгри сиял на небосклоне, его не заслоняли идолы.

Любой поиск, как известно, приносит плоды. Плодом свободной мысли Востока стало явление, которое вошло в историю человечества коротким и мощным словом Ислам — учение, данное Всевышним.

Узнали о нем в Аравии, в то самое время, когда папа римский Григорий Великий повел отчаянную атаку на лангобардов. В 609 году аравитянину Мухаммеду явились божественные откровения, их потом признали новым учением, а его самого — Пророком.

К сожалению, о Пророке известно совсем мало. Почти ничего достоверного не сохранилось. Его жизнь — легенда, сложенная из слов и образов. Наука не в силах подтвердить или опровергнуть их... Значит, все вполне могло быть именно так.

Мухаммед был неграмотным, в юности он ходил с караванами по пустыне, потом вел торговые дела одной вдовы, на которой женился. Однажды он услышал далекие голоса и удивился им.

Три года являлись ему откровения, и он рассказал о них. Но в городе Мекке его даже не дослушали: люди не увидели смысла в новой религии. Ее молитвы показались им несносными, а отдача десятой доли доходов — вопиющей несправедливостью. Горожан устраивало язычество.

Увы, религия не возникает после божественного откровения. Общество само определяет, быть вере или нет. И какой ей быть.

Мухаммеда признали лишь близкие, они и создали общину. Община росла медленно. Едва ли в ней было сто мусульман и через десять лет...

Ныне Ислам исповедуют сотни миллионов людей. Целые страны. Интерес к нему огромен. И все отмечают загадочность его рождения: неграмотные погонщики верблюдов придумали Учение, которому в философском мире нет равных. Возможно ли такое?

Здесь явно какая-то тайна, ответ на которую может дать только Коран.

Коран — это бесценное сокровище Ислама, книга проповедей и назиданий Пророка. Главный закон мусульман. Его законченный текст появился на рубеже VII–VIII веков, почти через пятьдесят лет после смерти самого Мухаммеда. Как и Ислам, он вызревал положенное время: ведь Учение не рождается в одночасье. Так устроен мир, в котором властвуют Дух и Время.

По истории Ислама написаны сотни книг, но ясности нет. Богословы по-разному видят ранний Ислам. Они спорят об Истине, об Учении, приводят доводы, которые противоречат друг другу. Но у религии не может быть двух Историй.

История, как правда, бывает только одна...

«Бисми-лляхи-р-рахмани-р-рахим» — «во имя Аллаха Милосердного, Милостивого». Мысли человеку дает Всевышний, так было, есть и будет.

Здесь, в этой книге, никто не высказывает сомнения, но мусульманин обязан верить Корану, а не людям, в какой бы одежде те ни ходили... Известная ныне «арабская версия» Ислама (как и версия о «греческом» христианстве) очень похожа на миф. На большой миф, который сложился к XIX веку! Так свидетельствует История. А ее не переделать.

Мусульмане, видно, уже забыли, что Ислам в средневековой Европе называли «египетской ересью». И это было не случайно. Он почти не отличался от учения Египетской и Абиссинской церквей. Египет, тогдашняя колония Византии, в Исламе видел путь к свободе, ибо: «Чей Бог, того власть».

Духовные традиции Египта и Эфиопии, а не Аравии стали почвой Ислама.

Новой верой проникались в первую очередь христиане — люди, уже познавшие Бога Небесного. Ближний Восток не желал больше быть рабом Византии. Ислам был нужен ему. Он не менял христианства — религии отцов! — но делал веру свободной от власти греков. Сохранял в чистоте образ Бога Небесного и этим привлекал людей из колоний Византии.

Образ Бога Небесного в «египетском» христианстве и в Исламе был совершенно одинаковым. Просто поразительно. Да иначе быть не могло. Религия — это часть культуры народа, его мораль, она не возникает в пустыне и не объединяет людей одними лишь словами. Пусть даже самыми правильными словами на свете. Мало услышать божественные откровения, надо понять их. Донести до других людей.

Ислам — великое творение Востока. Его начало — Тенгри, потому что две с половиной тысячи лет люди впервые подняли взор на Небо.

На Вечное Синее Небо!

Ислам помог Египту и всему Ближнему Востоку обрести свободу... Влияние тюрков здесь огромно. А то, что об этом с XIX века перестали вспоминать, еще не означает, что тюрков не было. Были!

Вспомним, одно из обращений к Тенгри — Алла (от «ал» — «рука») — Дающий и Забирающий. Только тюрки поднимали ладони перед собой и, глядя на алтайское Небо, произносили «Алла» за тысячу лет до Ислама... Так стало в Исламе.

Алтай знал 99 обращений к Тенгри. И в Исламе 99 обращений к Аллаху. Те же самые.

«Алла-иль-Алла», — произносили мусульмане, начиная молитву. «Господи (Алла)! Сойди, Господи (Ил Алла)!» Это же чисто тюркская фраза... Привычная для тюрка-мусульманина и сегодня. Он редко скажет «Аллах», с придыханием, как арабы, говорит «Алла», а чаще — «Тенгри», обращаясь к Всевышнему... Старики помнят слова своих дедов.

Ислам учит, Аллах — всемогущ. Как Тенгри.

Аллах создал растения, животных, человека. Как Тенгри.

К Аллаху обращают молитвы, падая ниц. Как к Тенгри... Что же различает Их? Единобожие — главная идея Ислама. Но именно единобожие и принесли тюрки в западный мир: Бог-дух, Создатель мира сего. И никого рядом.

Ислам сохранил обитающих между Богом и людьми ангелов и демонов. А их народ Алтая знал всегда. Остался даже падший ангел, глава злых духов — Иблис.

Ничто не забылось, ничто не исчезло из древней веры тюркского народа.

«Нет Бога, кроме Аллаха», — говорят мусульмане. Точно так говорил народ Алтая... Слово в слово: «Нет Бога, кроме Бога»... Так, действительно, что отличало ранний Ислам от тюркской веры?

Почти ничего. Только обряд, которого в VIII веке не было у мусульман и который им следовало найти. На становление обряда ушли века.

Коран

Конечно, Коран — главное достояние Ислама. Священная книга, в ней ответы на все вопросы жизни. Даже самые трудные... Но как появилась она?

Это очень важный вопрос. Ведь на Аравийском полуострове вообще не было книг, — его народы не знали письменности. А у древних тюрков священные книги были, по ним учились народы Востока еще в I веке, во времена хана Эрке, потом — Европа. А потом все они куда-то исчезли. Куда? И исчезли ли?

Ответ на самом виду, он — в 108-й суре Корана: «Гэсэра даровали Мы тебе, так обрати же к Господу молитвы...» Так начинается эта сура. Глубок ее смысл, трудно осмыслить его.

Арабы не знали ни тогда, ни сейчас, кто такой «Гэсэр»! И это самое поразительное. «Непонятное слово» у переводчиков Корана всегда вызывало разногласия и споры. Даже произносят они его по-разному — Кевсер, Каусар. И толкование дают разное — «изобилие», «достаток».

Не знать имя Пророка тюркского народа и ввести его в текст Корана?! Целую суру посвятить ему? Так не бывает, потому что это невозможно. Здесь явно что-то не так. Нельзя написать книгу, не зная букв. Нельзя решить задачу, не

зная цифр. Значит, слово «Гэсэр» в Коране связано с каким-то важным событием, ныне «забытым» или оставленным без внимания...

В тексте Корана есть другие «белые пятна». Но и они откроют свой истинный смысл, лишь когда История тюркского народа встанет на свое законное место в Истории человечества. Нельзя же постоянно «забывать» о народе, который дал миру веру в Бога Небесного!

Правда рано или поздно все равно восторжествует!

Ученые давно обратили внимание не только на «непонятные» слова Корана, но и на сам его текст, написанный по-особому. Арабы так не писали. У них иной строй фразы. Коран — это явно «неарабская речь». Таково заключение науки.

Что ж, и древняя мудрость гласит о том же: «Верблюда не спрятать среди овец». Воистину так.

В Коране, например, есть строки, совпадающие с текстами Талмуда и Библии. Удивительно? Нет. Коран — это сборник Божественных откровений. Он — труд, на который людей подвигли слова Пророка Мухаммеда.

Десятилетиями создавали Коран, шлифовали его строки. На арабский язык тогда были переведены десятки книг. Тюркских, египетских, сирийских, иранских, еврейских — разных. В них искали зерна мудрости.

Те переводы называли «арабской литературой». Именно пе-ре-во-ды. Они услаждали слух мусульман, являя собой новую культуру нового Востока, свободного от византийской деспотии.

Один перевод назывался «Гесер-эфсане» («Хазар-афсана») — в нем тюркские сказки и наставления. В конце VIII века у них появилось новое имя — «Тысяча и одна ночь»... Выходит, Шахерезада рассказывала сказки по-тюркски?

И Синдбад-мореход, как выясняется, тоже говорил по-тюркски, потому что другого языка он не знал... Удивительна все же наука История. Не только открывает великие тайны, но и доказывает, что Коран не просто «сборник мудрости, написанной языком откровений», еще и хранилище «утерянных» сокровищ.

Нерукотворная это книга!

Его притчи и искрометные фразы — плоды высокой литературы, они вызревали веками. Они, как украшение из степного кургана: не повторить, не превзойти. На всем Ближнем Востоке их прежде не было. Только у тюрков.

Коран сложен из аятов, как из искрящихся самоцветов, они наполняют его главы — суры — светом и мудростью. «Айат» — слово тюркское: «ай» — «разъясний», а «ат» — «название». Это фраза (или часть фразы), которая

читается нараспев.

Тюрки, как известно, свои молитвы читали только нараспев. Такова традиция Древнего Алтая...

Сам текст Корана начали записывать с 633 года, на это ушли десятилетия. Сотни священных страниц увидели свет, с тех пор в них не меняли ни слова, ни запятой. Но с чьих слов записывали Коран? Неизвестно. Зато известно, что после Мухаммеда Аравия вернулась к язычеству. Аравитяне первыми забыли своего Пророка.

Они и при жизни плохо знали его. Памятно событие 637 года, когда халиф Омар после победы над персами попросил своих воинов произнести хотя бы одно изречение Мухаммеда. Никто не сумел. Лишь один тихо промолвил: «Басмала».

И это все, что знали об Исламе его распространители.

Считается, что со слов каких-то стариков, уцелевших после битвы при Йемене, араб Зейд ибн Табит (Зайд ибн Сабит) стал записывать первые строки Корана. Может быть и так... Ему было всего лишь двадцать два года. В 651 году, будучи уже зрелым мужем, завершил он свою работу. Но не Коран.

А еще говорят, что рядом с Пророком Мухаммедом находились секретари, умеющие писать. Но это совсем маловероятно, откуда им быть в неграмотной стране?.. И если даже так, что тогда делал Зейд ибн Табит два десятилетия? Все уже записали до него... Значит, было не так.

Текст Корана утвердился ближе к VIII веку. Это исторически достоверный факт. А все остальное — домыслы, которые за века превратились в непреложную истину.

Непонятно здесь многое. Каким письмом мог быть написан Коран? Это тоже очень важный вопрос. Без ответа на него что-то по-прежнему остается необъясненным, а значит, вымышленным.

Так называемая «арабская вязь» в раннем средневековье была «божественной тайнописью» — письмом тюрков. Они называли ее словом, по звучанию близким к «шифр». О ней знали и среди христиан, но знали лишь избранные. Копты... Не аравитяне. Вот почему роль именно «коптского писаря» отражена в изречениях знаменитых мусульман — в хадисах. И это далеко не случайно.

Мог ли о тайнописи знать Зейд ибн Табит, простой человек из Медины? Никогда. А секретари Пророка? Да, но при одном условии: если они — епископы ближневосточной Церкви.

Так и было!

В 615 году Мухаммед, как известно, отправил своих людей в Абиссинскую Церковь. Пророк звал к себе христиан, называя их единоверцами. Он просил

коптов «помочь правоверным обрести благочестие» и переложить на свои плечи иные заботы мусульман. Они, эти заботы, были связаны с письменностью.

Утверждать так позволяют не только хадисы, но и сама письменность.

Ученые установили, что арабская вязь приняла свой нынешний вид лишь к VIII–IX векам, когда Коран был уже написан. Тогда и упростили «божественное письмо», чтобы забыть его. Новое арабское письмо сделали доступным для простых людей, оно перестало быть шифром.

Однако возникает новый вопрос: не на тюркском ли языке были страницы самого первого Корана? Те, с которых переписывал Зейд ибн Табит? И те, которые потом таинственно исчезли?

Не их ли запретили и сожгли, когда халиф Осман велел оставить только Коран, написанный по-арабски?..

Вот почему и нет прижизненных записей речей Пророка Мухаммеда. Они, как и текст самого первого Корана, могли быть написаны только на «божественном» — тюркском языке. Другими они и быть не могли.

Эти запрещенные тексты несколько веков жили своей жизнью, мусульмане-тюрки передавали их из рук в руки как святыни... Возможно, живут они до сих пор.

У мусульман есть еще и священное предание — Сунна. Она дополняет Коран, в ней записаны поступки и высказывания Пророка. Эта книга была завершена к IX веку. С ней закончилась эпоха «египетского христианства» в Исламе и началась его самостоятельность.

Учение Мухаммеда стало полноценной религией.

С текстом Сунны согласились не все мусульмане. Тех, кто целиком признал ее, называли «суннитами». Их большинство. Но это абсолютно ничего не значит: в исламском мире шииты не менее уважаемы и авторитетны.

Авторами Сунны были великие тюрки: аль-Бухари и Муслим. Они жили отнюдь не в Аравии! Произведение аль-Бухари за глубину мысли называли «Сахих» («Истинный»). После Корана нет книги авторитетнее этой. Таково мнение известных ученых Востока.

К слову, едва ли не все крупнейшие ученые-мусульмане были выходцами из тюркского мира. Лучше них учение Мухаммеда не знал никто. Это признанный факт.

Они, эти люди, книгами воздвигали вечные памятники себе и своему народу.

У аравитян не было людей столь высоких знаний... Даже достойной одежды не

оказалось у них. Их накидки годились лишь для езды на верблюде. От тюрков пришла и одежда мусульман.

Чалма (сувлук), шапки и фески, шаровары и рубахи с вырезом на груди, черные короткие куртки (капа), кафтаны... они пришлись как нельзя кстати. Конечно, климат на Ближнем Востоке иной, чем на Алтае, поэтому одежду делали легкой, но фасон ее оставался прежним — один к одному.

В новой одежде все видели мусульманина. Чиновников отличала вырезанная на груди длинная рубаха, а богослова — накидка, тайласан, (от тюркского «талу сан» — «особая честь»). А всех мусульман вместе, мужчин и женщин, отличали шаровары, которые ценились особенно высоко.

Тюркская одежда прижилась с тех пор и на Ближнем Востоке. Например, в кафтан облачился халиф ал-Муктадир, отправляясь на смерть... Далеки те страницы мусульманской истории. Но не забыты.

Их не знают теперь, потому что мир к XIX веку изменился не в пользу тюрков. Тюрки стали ненавистны всем. Даже самим себе: пала Османская империя, последний оплот тюркского мира.

Но раньше, в IX веке, мусульмане хорошо помнили фразу Всевышнего и, не стесняясь, повторяли ее: «У меня есть войско, которое Я назвал тюрками и поселил на востоке; когда Я разгневаюсь на какой-нибудь народ, Я даю моему войску власть над этим народом». Прекрасные слова.

Их приводил в своих книгах великий ученый мусульманского мира — Махмуд Кашгарский! Здесь вся история Великого переселения народов. Здесь и Апокалипсис, с которого началось крушение Римской империи. Здесь и Аттила, которого называли Бич Божий. Здесь и Ислам, на который папы римские смотрели как на «кару Божью».

Кто знает, а не в них ли, в этих словах-напоминаниях, прошлое и будущее тюркского мира?

Знаки Ислама

Раньше было семь чтений Корана. И каждое — правильное.

Значит, семь народов, вернее, семь культур, создавали Ислам, его традиции.

Кто-то внес в новую религию обряд обрезания, кто-то — запрет на свинину, а кто-то дал ей книги, мораль, архитектуру, одежду, обряды. Вклад разных народов был разным. Аравитяне были от него далеки.

Что могли дать язычники, которые даже омовение справляли песком?

Раз в год, весной, их племена съезжались в Мекку к Черному камню. Вожди выставляли там идолов, им молилось. С этой молитвы начинался Новый год... Разумеется, аравитяне знали о верованиях евреев, были знакомы с огнепоклонниками-иранцами, а также с христианами. Но они не взяли их веру: чужой огонь не грел им душу.

Народ принимает чужую веру, когда видит ее силу. Так было всегда. Те же армяне, греки, римляне поверили в Бога Небесного, лишь когда увидели Его силу.

И тем не менее Аравийская пустыня сыграла свою роль. Философы Ближнего Востока выбрали ее как уголок, недоступный грекам! Там они высадили деревце новой веры. Сторонников Ислама называли «муслимами», иначе говоря, «отдавшими себя Богу». Отсюда — мусульмане. Людей из разных византийских колоний собрал вместе дух свободы, но у них не было ни общего языка, ни общей культуры.

Поэтому для мусульман важную роль, в первое время особенно, играла одежда: только она отличала их. Взяв тюркские фасоны, люди стали похожими на тех, кто помог им найти Бога Небесного, а с Ним и долгожданную свободу... Все стало именно так.

С Исламом к VII веку появилась страна свободных мусульман — Халифат, неподвластный грекам. Она тоже была знаком свободы! Вскоре ее границы казались бескрайними, они уходили далеко от Мекки — за земли Средней Азии, Семиречья, Месопотамии, Ближнего Востока, Северной Африки.

Идеи Ислама покорили часть Италии, Испанию, Южную Францию, там, где жили кипчаки. Люди увидели в них надежду отдалиться от растущей власти Церкви и охотно пускали ветры перемен в свои дома и города.

Посланцы Пророка Мухаммеда побывали в каганатах Дешт-и-Кипчака... Хазарии, Волжской Болгарии (Булгарии).

Новую веру везде принимали мирно, ведь она объединяла против ненавистных византийцев. Посланцев Пророка горожане Египта и Сирии, например, встречали восторженно — с музыкой и песнями. Как героев.

Даже папы римские вынужденно вступили в тайную переписку с мусульманами, надеясь на их помощь и поддержку. И те поддерживали, до XI века были близкими союзниками. Однажды даже спасли папу римского от верной смерти.

О Халифате написано много. Но... политика всегда мешала рассказать всю правду, порой заставляя упускать самое главное. Например, кто были они, эти бесстрашные воины Ислама? Почему воевали на конях? Рубили шашками, били пиками.

И откуда вдруг на Ближнем Востоке, в колонии Византии, появилась конница и такие громкие победы?!

А ответ — в слове «арабы». Так в средневековье называли мусульман. Всех сразу, одним словом. Безразлично, о народах ли Аравии, Египта или Сирии шла

речь.

Мусульманин, значит, араб. Десятки народов в одночасье стали арабами. В том числе и ближневосточные тюрки — воины Ислама. Это они подняли голубое знамя новой веры, под цвет Вечного Синего Неба, и им стали высвечивать купола мечетей — храмов мусульман.

На древнетюркских опорах стояла новая вера Востока. А символом ее, естественно, был знак Тенгри — крест (аджи).

Правда, в 1376 году арабы (тюрки из династии Мамелюков!) сменили голубое знамя на зеленое. Но символ веры они умело сохранили, замаскировав его под восьмиконечную звезду. С ней шли в бой воины Халифата. С ней одерживали победы...

Но только свои, посвященные знали эту тайну.

На равносторонний тюркский крест в Халифате в разное время смотрели по-разному. Например, в VII веке правитель Муавия решил чеканить особые, «мусульманские» монеты из серебра и золота, но люди не приняли их. «На монетах нет креста», — говорили они.

А крест в Халифате был не только на монетах... Он — знак Неба! — отличал знамена мусульман. До 1024 года Ислам разрешал праздновать день Святого креста. Праздник открывал сам халиф. Это был большой, народный праздник.

Борьба между мусульманами и христианами за знак Неба в средневековье велась жестоко. Мусульмане врывались в церкви, выламывали из стен кресты, а следы их замазывали. Христиане отвечали тем же... Все хотели быть ближе к Богу Небесному.

В VIII веке европейцы начали потихоньку уступать, они даже решили отказаться от знака Тенгри, придумав греческий и латинский кресты. Причем, сделали они это отнюдь не по доброй воле. Лишь армяне, чуть изменив, сохранили его.

Восток и Запад боролись отчаянно за обладание крестом! Их борьба отличалась удивительным пристрастием, ведь и там, и там жили кипчаки, но это была уже не их святыня. И они всеми силами хотели вернуть ее. Отсюда — Крестовые походы...

Правда, позже об этих походах и об истории креста вспоминали мало, на редкость. Считалось, что знания забыты.

Ислам отличала и новая архитектура. Она — «время», уснувшее в камне, века не властны над ней.

Следов первых мечетей не сохранилось, их и не было. Ведь на глинобитной площадке, огороженной камышовым забором, молились мусульмане при

Пророке. Потом появились здания египетской архитектуры, но слишком простыми были они, невыразительными: «что-то вроде амбара или палатки», — говорили современники.

Тогда мусульмане обратились к тюркской традиции.

В 691 году в Иерусалиме кипчаки построили первую свою мечеть — Куббат ас-Сахра, она теперь известна как мечеть Скалы. Это само величие. Огромный купольный собор, похожий на гигантскую юрту. Изящное восьмиугольное основание, выложенное из кирпича, приводило людей в восторг.

А когда такую же мечеть возвели в Медине, горожане изумленно воскликнули: «Это же — килиса!» То есть тюркский храм.

Так начиналась мусульманская архитектура. Вернее, началась она много раньше. Еще на Алтае. И прошла вместе с кипчаками по Великой Степи, по Европе.

В Азербайджане, например, в селении Лекит есть уникальнейший тюркский храм V века Настоящая архитектурная Мекка. Почти через сто лет после его строительства, точнее, в 527 году, кипчаки в точности повторили его облик в церкви Сергия и Вакха в Константинополе. Потом, в 547 году, в храме святого Виталия в Равенне, столице тюрков Италии.

Мечеть Куббат ас-Сахра почти не отличалась от них. Разве что размерами и особым духом. Ее купол, похожий на юрту, и постамент, повторяющий аил, для кипчака были образом Алтая, образом дома. В нем собиралось все тепло Родины. И высота Неба.

На заре Ислама на Ближнем Востоке узнали и о мазарах (мавзолеях), где хоронили отличившихся людей. Говорили, молитва, прочитанная здесь, быстрее долетит до Аллаха. Толпы народа стекались сюда, к новым святыням.

А мавзолеей — это «степной курган». Только из камня.

Тогда на Ближнем Востоке прижился и еще один древний тюркский обычай. На могилах знатных мусульман ставили памятники (турба). Как «каменные бабы» на Алтае, только проще.

Покойников оплакивали по тюркским правилам, потому что того требовал ритуал.

...Мир в средневековье менялся. Незаметно, но зримо. Тюркская культура прорастала в нем, как молодая трава весной. Порой неожиданно, вдруг появлялась она.

Например, тогда арабы узнали о цифрах. Узнали и приняли их. Разумеется, речь не о цифрах вообще, а о тех, что ныне зовутся «арабскими». А это были

тюркские цифры. Их ввел халиф Валид.

Он убедил подданных, что умение писать письма, послания, подсчитывать доходы и расходы — искусство, прославляющее страну. Оно, это новое искусство, привело мусульман к великим открытиям в математике, физике.

Арабские цифры — это все те же руны, они были известны и до новой эры. Тогда на Алтай приезжали китайцы, они удивились простоте тюркских цифр. И свое удивление выразили в книге об управлении страной, которая сохранилась.

Бесспорно, Арабский халифат создавали кипчаки, их культура. Тюрки же и решили его Судьбу.

Султан Махмуд

До 750 года столицей Халифата был город Дамаск, а правящей там династией — семейство Омейядов. Потом их свергли: уже не тюрки-кипчаки, а тюрки-огузы встали у штурвала власти, приведя на трон династию Аббасидов.

Новых правителей называли «иранцами», но это не вполне точное слово. Быть иранцами они никак не могли.

Иран не влиял на Халифат: коренные его жители оставались огнепоклонниками. Не мусульманами. Разные народы разной веры жили в то время на землях Древней Персии. Но господствовали мусульмане, вернее, тюркская династия — огузы. Они и сели на трон Халифата.

Новые правители все стали делать по-новому, в 762 году они перенесли столицу в Багдад. И это было далеко не единственное их начинание. Город заложили на ровном месте, — с начала строили его. И это символично. Как и само название города — от «Богдо», древнего обращения тюрков к Тенгри...

Аббасиды желали все сделать по-новому. И делали.

Например, прежде любой мусульманин имел право говорить на родном языке, помнить своих предков, справлять праздники своего народа. Теперь с этим прощались. Навсегда. Правоверных обязали объясняться только на арабском языке — на языке Пророка!

Назвавшись арабом, человек забывал все прежнее, что было у него. Забывал во имя Ислама, разумеется.

Только тюрк придумает такое. «Среди лягушек сам стань лягушкой» — его правило жизни. И он приказал так жить всем... Не думая о смерти Востока, его народов.

Пришельцы-огузы быстро взяли верх над провинциями Халифата. Сделали их подвластными «лягушками».

Арабский язык вскоре вытеснил остальные. Он был неким смешением языков, весьма далеким от языка Корана. В Египте на нем говорили не так, как в Сирии или в Саудовской Аравии. Порой люди плохо понимали друг друга, хотя и

говорили по-арабски.

И этим дело не кончилось. Мусульмане стали придумывать себе арабские родословные. Правители принимали такие законы, чтобы народы навсегда забыли прошлое и погрузились в неведение — в некую джахилию... На Востоке разыгрывалась настоящая трагедия: мусульман как бы заставляли «рождаться» вновь. В муках «появлялся» на свет новый народ.

Все было точно, как в Европе. Кипел тот же вулкан, в котором плавилась культуры народов. И здесь, и там у истоков стояли тюрки. Так, видно, решило Небо, отведя им роль созидателей.

Правители Халифата бросали в жерло этого вулкана в первую очередь родное — тюркское. Они понимали, что создают страну не для тюрков, а для всех народов Востока. И в этом видели свою мудрость.

Ломая свое собственное «я», они готовили победу над Византией. Им требовалось сильное государство. А его пока не было, потому что не было единства народов. Поэтому власть шла на все.

Свергнутая, старая династия не рискнула пойти на эту великую жертву, и — не удержала Халифат. При ней силы мусульман уходили, как вода в песок. Они уходили на борьбу друг с другом за лидерство в мусульманском мире. Восстания, войны, секты, споры... Люди видели, что они не усиливают страну. Наоборот, разрушают ее.

Огузы примиряли всех сразу, однако новые правители забыли старую мудрость Алтая: «Воспитав чужого, сына не получишь»... Они так и не создали нового народа, несмотря на огромные жертвы. Арабский мир навсегда остался миром разногласий и борьбы за лидерство. Мусульмане не стали едиными даже через тысячу лет.

Халифат был соткан из противоречий.

Вскоре он распался, чтобы никогда не соединиться вновь. Его трагедия лишь разделила людей. Например, египтяне, заговорив по-арабски, забыли родной язык, и копты сделались им чужими. Потому что они — такие же египтяне! — остались христианами.

Ислам и христианство развели египетский народ по разным хижинам. Чужой сын не стал своим... Был в истории Халифата такой эпизод.

И все потому, что, говоря о единстве, правители не желали его. Так, например, в 833 году новый халиф, созвав мудрецов, спросил: «Сколько лет буду царствовать?» Ответы их были разные. Лишь один, самый седой, тихо промолвил: «Ровно столько, сколько захотят тюрки». И все рассмеялись его горькой правде: гвардия Багдада всегда состояла из них, тюрков. Было именно

так... И раньше, и позже.

Интересна судьба султана Махмуда Газневидского, «железным тюрком», «татаринном» называли его индусы. А они разбирались в «тайнах» Арабского халифата. О тюрках знали не понаслышке. Все-таки знать Северной Индии тогда еще говорила по-тюркски — на своем родном языке! — и не нуждалась в переводчиках.

Султан Махмуд — личность знаменитая на Востоке. Мало кто мог сравниться с ним. Он в XI веке упрочил мусульманские земли в Северной Индии. При нем Халифат достиг наивысшего могущества. Героя не останавливали ни горы, ни пустыни, ни реки, ни грозные боевые слоны индусов. Он всегда шел только вперед — на восток. И всегда побеждал.

Султан был силен на суше и на воде. Он легко разбил войско, а потом и флот Индии на реке Инд. Победы султана эхом отозвались в средневековом мире: христиане, буддисты, огнепоклонники, просто язычники спешили стать мусульманами. Люди знали: прав тот, кто побеждает.

А побеждали арабы. Значит, их вера — истинная.

Очень возвысил исламский мир султан Махмуд.

Но возвысил его не войнами, а учеными, поэтами, переводчиками, мыслителями и философами. Их собрал он при дворе. Потом открыл библиотеки для народа: число культурных людей росло тогда год от года, умножая славу мусульманского Востока. Разноязыкая свита всегда плотно окружала султана — тюрки, персы, индусы, арабы, китайцы.

Эта была Личность! Жемчужина в короне Халифата. Самый могущественный тюрк в его истории. Его отец Сабуктегин «был рабом того раба, который сам был рабом при повелителе правоверных». Так говорил о себе монарх.

Но что за великолепные то были «рабы»... Один — владетель провинций Трансоксианы и Хорасана, второй — государственный министр и полководец, третий — начальник города и провинции Газни. Отсюда — Махмуд Газневидский. Аристократ высшей пробы сидел на троне Халифата. Сильный. И умный. Настоящий идеал правителя.

Однажды в Индии он поднял булаву на идола. Перепуганные индусы пообещали гору сокровищ, лишь бы он не трогал идола. Султан спокойно ответил: «Ваши доводы убедительны. Но Махмуд не торговец идолами...» И добавил: «Что обо мне скажут потомки?» А потом с утроенной силой нанес страшный удар.

При султанине Махмуде солнце по-особому светило в небе.

Тогда величайший Ибн Сина (Авиценна) перевел труды Аристотеля, не дав им

сгинуть в неизвестности. Для этого он выучил древнегреческий. Ученый вел большую врачебную практику. Его книги по медицине были известны во всей средневековой Европе, по ним учились поколения врачей. Кроме того, он славился как прекрасный знаток искусства.

А аль-Бируни, забытый гений Востока, раскрыл свои таланты тогда же. Он уже знал, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. И математически доказал это за пятьсот лет до Коперника. Ученый совершил переворот в астрономии.

Вровень с ним стоял Ибн аль-Хайсам, прославившийся книгой «Сокровище оптики». Он подарил миру идею телескопа и очков. Его труды в XII веке перевели на латынь, сделав их достоянием Европы.

При Махмуде вновь вспомнили аль-Фараби, который перевел труды древних философов Запада, запрещенные тогда в Европе. Редкого ума был этот человек. Его прозвали Вторым учителем, вторым после Аристотеля...

Таланты вернулись на Землю при султане Махмуде. Тогда придумали новую писчую бумагу, на которой пишут и поныне. Потому что время было такое — расцвет химии, физики, литературы. Воздух просветлел над миром и стал чище. В цену опять вошли точное слово и светлая мысль.

Обрели новую жизнь знаменитая поэма «Шах-наме» и другие жемчужины слова и образа. Наступил расцвет науки, литературы и творчества — золотой век мусульманской культуры. Люди наслаждались прекрасным.

Это был тюркский ренессанс!

Он длился не одно десятилетие и вывел в мир не одного поэта. Низами Гянджеви рожден им... Звезды первой величины усеяли тогда небо Востока. Султан сам, как юноша, увлекся творчеством. Под его диктовку написали новую историю Халифата. В ней Махмуд объявил сразу всех тюрков мусульманами, арабами. Чтобы «поддержать базар красноречия», как он собственноручно написал на своем труде.

Так тюркская культура «превратилась» в арабскую. И уже никто не различал их. Однако народная память сберегла то, что чуть было не исчезло в пучине времени.

Мусульмане всегда делили науки и знания на свои и чужие. Свои — это арабо-мусульманские, а чужие — это «иноземные», или «науки древних». То есть тюрков, говорили они... Философия, математика, география, астрономия, минералогия, химия, физика начинались на Алтае.

...Слава Тенгри, сохранившему правду о тех далеких днях.

Тюркский Халифат

Огузы в Халифате были «обречены на триумф». Их питал Древний Алтай — родник духа тюркского народа. И Средняя Азия — земля творцов, поэтов,

ученых — наследница Кушанского ханства.

Когда в VII веке в Среднюю Азию пришла мусульманская конница, огузы, узнав об Исламе, поняли: пробил их час. Пробил он не громко, но его слышали. Не случайно же у древних тюрков «огуз» значило «мудрый». В нем был глубокий смысл.

Да, они не смогли защитить себя в открытом бою. Все так. Многие заплатились жизнью или попали в рабство. И это было. Но... Исламу, как дитяти молоко матери, в VII веке требовались искусство слова, мудрость, знания. В те годы мусульманская вера была все-таки сектой христианства. А как создать независимую религию, в Халифате не знали.

Правители шли по пути поиска внешних отличий, например, велели христианам носить одежду с желтыми метками. Или — ездить по дорогам Халифата на ишаках. А если на коне, то боком, как ездили женщины... Ничего умнее придумать они не придумали. Не было ни свежих идей, ни новых знаний. Зато все это было у огузов.

Огузы мало знали о христианстве — западной религии. Это незнание и помогало создать неповторимую веру: им не с чем было сравнивать! Они творили, полагаясь лишь на свои собственные знания и традиции. Их вдохновлял только Алтай, его Вечное Синее Небо.

Огузы и сделали Ислам Исламом — независимой религией. У мусульман появился обряд, их вера обрела лицо, не похожее на лицо христианства. А Халифат получил нового правителя — султана, тоже ни на кого не похожего.

Султан и халиф держали всю власть в стране — светскую и духовную. Это было абсолютно новым для Востока, но обычным для тюркского мира. Все стало, как в государстве тюрков, на Древнем Алтае.

«Султан» значит «власть», он был светским правителем мусульманского мира. Титул ввел Махмуд Газневидский.

Любопытно, в XII веке титул хотели поменять на «шахиншах», но человека, произнесшего «это слово», убили. «Это слово» означало «царь царей» и относилось к Всевышнему. Мусульмане не захотели назвать так правителя, потому что не желали иметь «папу римского», такого «наместника Бога на Земле». Они были против язычества...

Так рос Ислам со своей культурой и кодексом чести. Султан Махмуд делами доказывал их превосходство.

Однажды ему пожаловался бедняк, у которого знатный воин отобрал дом и жену. «Я сам вынесу приговор», — сказал султан. Ночью он проник в дом и в темноте исполнил закон. Исполнив, зажег факел. С минуту он стоял молча, потом опустился на колени и стал молиться. Затем велел хозяину принести еду.

С жадностью нищего султан набросился на черствый хлеб. Долго молчал, много съел. Хозяин не выдержал: «Что с тобой?» Всесильный правитель Востока, султан Махм Так тогда правили тюрки, цenia честь превыше всего.

Конечно, иные тюркские традиции отмирали в Халифате, иные, наоборот, приживались навсегда. Ведь чем богаче старая жизнь, тем лучше новая.

Каждое поколение крепило устои веры... Бухара, Гянджа, Нахичевань, Туркестан, Самарканд — истоки реки знаний. Слово «Тенгри» здесь долго держалось на устах людей.

Первые мусульманские слова «Тенгри», «Ходай» и «Алла» ставили рядом. Это одно и то же, лишь оттенки у них разные. На Древнем Алтае, например, «Алла» означало «Дух-хранитель». «Алла-Чайан» — «Творец», «Бог». Как и слово «Ходай» — «Бог», «Господь». До сих пор там произносят именно так.

Потом в Исламе осталось — «Аллах».

Имя Тенгри звучало реже и реже, и не потому что хотели забыть. Нет. Причина в христианах — и они говорили «Тенгри» или «Дангри», «Дангыр», обращаясь к Богу. Восток желал отличия даже здесь.

Так было надо... И лишь мусульмане-тюрки упорно твердили «Тенгри», «Ходай», невзирая на запреты. Берегли эти слова, как бриллиант, оставленный в наследство дедами и прадедами.

Огузы оказались настоящими лекарями человеческих душ, их умелыми ловцами... Они тонко вели политику, умело меняли жизнь. Например, сменили название Алтая. Для мусульман он стал священной горой Каф. Горой, стоящей на изумруде, отблеск которого придает небесам лазурный оттенок.

Тогда зеленый цвет — цвет изумруда! — и пришел в Ислам.

Каф живет по воле Неба, учили они, отсюда начинается все — землетрясения, ураганы и другие превратности Судьбы. Это — святое место планеты.

Мусульмане тогда тоже, как и христиане, молились на восток, обращая взор к Алтаю. Вернее, к горе Каф. Лишь потом, много позже, эту традицию им изменили арабийские арабы, повернув лица верующих в сторону Мекки.

Словно хирурги, огузы резали по живому тюркскую культуру, утверждая обряды Ислама. Терпели нестерпимую боль, но продолжали начатое. Они отвечали на каждый удар христиан. На каждый их выпад.

Шла борьба за веру, за Бога Небесного, за иконы, за крест...

Например, в VIII веке в Византии стали портить иконы. Делалось это сознательно и умело, потому что в 691 году Трулльский церковный собор повелел изображать на иконах Христа, до этого его рисовали Агнцем —

ягненком с посохом. Христу придали лицо Бога Небесного, Тенгри. Это было откровенным вызовом и несправедливостью. Неуважением к Исламу и другим религиям.

Ведь Всевышнего изображали на иконах и мусульмане, и христиане, и тюрки-тенгриане, и буддисты, верившие в Тенгри. В действиях греков был сознательный обман и тонкий расчет: Христос, по их мнению, становился как бы общим богом. Единым для всех.

В ответ халиф Абд аль-Малик запретил мусульманские иконы, с тех пор перестали изображать Аллаха и все живое, созданное Им. К IX веку запрет стал правилом для мусульманской живописи. Но его никогда не выполняли, ссылаясь на Коран. Рисовали. И рисовали талантливо... Правда, иконы навсегда ушли из обихода мусульман.

Так, в постоянной борьбе с Византией Ислам искал и находил себя.

А это трудно — найти себя на зыбкой почве духовного спора.

Скажем, ввели в мусульманскую культуру Джаргана, героя тюркского народа. Но ввели не тем, кем он был. Другим... Огузы всегда мастерски умели варить напиток забвения. Джаргану они сменили имя. А старую его историю люди, отведавшие «напиток забвения», просто забыли.

Джор, Джирджис, Хызр, Хызыр-Ильяс, Хызыр-галя иссаям, Кедер, Кедерлес называли героя мусульманские предания. И все дальше и дальше уводили героя от истины. Он остался юношей, но с длинной седой бородой, стал бессмертным, жил на берегу моря, но не в Дербенте... В поэзии реальность всегда чуть-чуть невероятна. Этим и ценна настоящая поэзия.

«Невероятным» вошел Джарган в мусульманский мир.

Поныне в Стамбуле (Константинополе) в мечети Айя София является он. Воин ночами время от времени ведет там невидимый людям бой с черными силами. Утром на стене мечети появляются пятна крови — следы той войны. Кровь вытирают, а пятна проступают вновь.

И в Дербенте, на месте могилы Джаргана, случаются чудеса. Местные жители иногда видят его — живым! Хотя прошли века. Он — бессмертный, утверждают они. Ходит по ночам, разговаривает, подходит к роднику, который открылся здесь после его земной казни. Наказывает грешников, помогает страждущим. Его могила — место паломничества.

Отведав «напиток забвения», люди и не помнят уже, что христиане называли Джаргана святым Георгием, но там у него своя легенда.

Да зачем все это помнить им, простым людям?.. Главное — Ислам получил еще одного героя.

«Перерождения» героев — в Истории дело обычное. Скажем, у мусульман Христос стал Исой, Моисей — Мусой, а их жизнь чуть иной, чем в христианстве. Они — память о раннем Исламе. Мусульмане берегут и почитают их как Пророков.

Но, к сожалению, и сюда, в Историю, не раз пробиралась политика. Она искажала, путала, придумывала всякие ужасы. Когда-нибудь откроется тайна монастыря ал-Кусайр. Здесь, на Ближнем Востоке, по-прежнему живо имя Гесера — Пророка тюрков, но его упорно не замечают. А там был мусульманский монастырь, где начинал Хасан Басрийский, основатель исламского монашества. Он умер в 728 году.

...Много загадок и тайн оставило средневековье.

Тогда Восток и Запад боролись за власть над миром. Боролись отчаянно. Ведь и там, и там жили тюрки. Имена, названия, даты они меняли сами, и меняли сознательно. За этим стояла политика: делили тюркское наследство. Вернее, культуру тюркского народа.

Запад хотел ее сделать своей, а Восток — своей.

Кануны больших перемен

Чтобы победить, Востоку нужна была свобода. Свобода во всем — в вере, в торговле, в политике. Лишь Ислам мог обеспечить ее, ибо: «Чей Бог, того власть».

Запад залог своих побед тоже видел в силе духа — в вере. Во благо Церкви жили европейские страны. У руля власти там тоже стояли тюрки, но не на троне были они, а рядом — в свите, давая советы. Вершили политику Европы не они, они лишь участвовали в ней. Кипчаки стали европейцами! Этим и объяснялось все. Они теперь защищали интересы своих стран, а не тюркского мира... Чужие интересы, ставшие своими.

Мусульманскому Востоку было куда труднее. Он долго жил под гнетом Империи: создавал себя сам. Создавал в недрах Византии, из вчерашних рабов. Византийцы, тогдашние хозяева мира, смертельно боялись Ислама: лжецы всегда боятся правды.

Ведь купив в IV–V веках тюрков-наймитов, Византия не приблизилась к тюркскому миру. Наоборот, сильнее возненавидела его... Благополучие страны зависело от «шелкового пути», который проходил по земле кипчаков. Богатства Востока везли в Константинополь именно тюрки и при этом слыли там опасными врагами... Это было необъяснимо.

Впрочем, что объяснять и чему удивляться! Византия никогда не принадлежала одному народу: греки, тюрки, армяне, курды тайно и явно боролись там за власть. И политику определял победитель. Интриги, заговоры, убийства были здесь обычным делом. Ими жили.

Страна должна была погибнуть! Погибнуть от собственных заговоров, от постоянных обманов. Решение ее судьбы было делом недалекого времени.

Греки, которые долго держали власть в Византии, окончательно проиграли уже к VIII веку. Император-грек правил «ровно столько, сколько ему разрешили тюрки»... И дальше все пошло, как в Риме или Халифате: кипчаки в 717 году привели к власти свою Исаорийскую династию.

Власть греков кончилась. А политика Византии — нет.

Император Лев III Исавр был из Сирии, из города Германикии. В его жилах текла благородная тюркская кровь: он отлично владел оружием, страстно любил верховую езду. Кипчаки, как известно, жили на Ближнем Востоке с IV века и давно были там своими.

Правитель Исаорийской династии повел себя на византийском троне очень мудро, умело решая дела в пользу своей страны. Льва III, блестящего полководца и политика, отличали ум, чутье, бесстрашие и удивительное упорство...

Однажды будущий император с небольшим отрядом разведки перешел горы Кавказа на лыжах — плетеных снегоступах, которыми пользовались на Алтае. Рискуюя жизнью, он совершил, казалось бы, невозможное — прошел по опасному снегу. И победил... Бесстрашие и пылкость, черты тюркского характера, сполна выдавали происхождение нового императора.

Византия при нем словно вздохнула и ожила, в считанные дни стала агрессивной, мусульман объявила главными своими врагами... И правителя можно понять. Он, христианин, в молодости настрадался от арабов и, став во главе Византии, не забыл унижений, когда христиан Халифата заставляли ездить на коне по-женски, боком.

Император еще не освоился на престоле, как началась война с мусульманами. Они вплотную подошли к Константинополю и осадили его. Флот из 1800 кораблей, угрожая городу, занял всю бухту Золотой Рог, свободной воды не было видно — сплошные корабли и лодки от берега до берега. Это была сама гибель.

Силы сошлись явно не равные, а поражение казалось неминуемым. Так думали все. Но только не Лев Исавр. Он не испугался. Спокойно построил защиту, провел боевые вылазки, а главное — вовремя применил «греческий огонь». Попросту говоря, выжег корабли неприятеля в море, как степняки жгут в поле сухую траву перед врагом...

Мир еще не видел такой страшной войны. Море загорелось. Само море. Мусульмане приняли это за чудо, вернее, за кару Божью и в страхе бежали прочь.

Но чудо не было чудом, его сотворили кипчаки Кавказа. Опять кипчаки! Они,

друзья Льва Исавра и отличные химики, умели готовить из нефти оружие, о котором никто тогда не знал... Вот — бесценные «знания древних»! Химия и алхимия особо почитались у тюрков.

Так Дербент помог византийцам. О бакинской нефти речь, из нее делали «греческий огонь». А применяли его в Великой Степи и в сухопутных боях. Обычное дело.

Арабы отступили. И долго не могли прийти в себя после ужасного поражения. Они откровенно испугались, их последующие войны с Византией уже ничего не значили. То был вопль отчаяния: армия, потерявшая дух, победить не может, даже заведомо слабого противника.

Эти «войны от отчаяния» в конце концов и привели к падению династии Омейядов в Халифате. Стали главной тому причиной.

Не менее талантливо Лев Исавр наладил торговлю, вернув Византии «золотое время». Он назначил новые суды, ввел новые законы, очень похожие на те, что были в Дешт-и-Кипчаке, у тюрков. Такими же «Судебниками» стала пользоваться и Византия.

«Мы поставили впереди земную справедливость — посредницу с Небесным, она острее всякого меча в борьбе с врагами...» Эти слова начинали теперь суд в Византии. С них он всегда начинался у тюрков, безоговорочно верящих в справедливость Небесного суда.

Любопытно и то, что людей Исаврийской династии греки прозвали «каваллинами» — «кобылятниками» и «лошадниками». За страсть к верховой езде дали эту насмешливую кличку.

А еще новую византийскую династию отличал особый интерес к каганатам Дешт-и-Кипчака — к Хазарии и Великой Болгарии (Булгарии). Такого прежде никогда не было. Византийцы умно и легко повели здесь политику.

С ними — с византийскими кипчаками! — желали дружить кипчакские ханы, с ними они желали родниться. Складывался удивительный союз между Византией и Дешт-и-Кипчаком! Лев Исавр, например, женил своего сына Константина V на дочери хазарского кагана. Ее звали Чичак (цветок). Она, приняв греческое крещение, взяла имя Ирина и с ним вошла в историю Византии.

При Исаврах все резко менялось, все строилось по-новому. Страна как бы рождалась заново.

Каганаты Хазария и Великая Болгария стали не просто друзьями Византии, но и ее опорой в борьбе с католиками и мусульманами. Позже, в 864 году, болгары вообще перешли в греческое христианство. В этом их шаге была явная политика, которая имела далекие последствия — на века...

Лев Исавр действительно внес много «кипчакского» в византийское общество. И сам же всю жизнь боролся с тюркским миром. Это он приказал уродовать иконы с ликом Тенгри в ответ на упрек в их «варварском» происхождении.

Это он по той же причине нанес удар монастырям Византии... И вместе с тем этот смертельный враг тюрков и мусульман брал лучшее, что было в Исламе; за это современники обвиняли его в «сочувствии к мусульманам»...

Хотя, может быть, того требовала политика? Византия всегда вела двойную игру. А при кипчаках-правителях она словно ожила, расправила крылья и начала готовиться к войне. Войне за право на жизнь в новом мире.

Однако все сложилось иначе, чем наметили византийцы. В IX веке их планам был нанесен сокрушительный удар. Неожиданный, но неизбежный. Он готовился старательно. Тогда римский папа Николай I отверг власть византийского патриарха и объявил миру о своей независимости.

Это был удар в самое сердце. Откровенный призыв к переделу Европы и власти в Церкви. Стало ясно: Греческая церковь, которую в IV веке силой и обманом создал император Константин, доживает свои лучшие годы. Грозные перемены надвигались на нее и с востока, и с запада.

Весь мир готовился подняться против Византии — страны, сказочно обогатившейся в раннем средневековье.

Ведь греки наживались на христианстве. Диктуя правила жизни другим народам, они судили, казнили, миловали. Хозяйничали в чужих домах и чужих карманах. Богатства рекой стекались в Константинополь со всего света.

Это и не устраивало многих.

Но первый бой за передел мира византийцы все-таки выиграли, их сплотил кипчак по имени Лев Исавр, отбивший атаку с востока. Однако следующее сражение готовилось уже не на поле брани — в Церкви, а в духовных спорах византийцы всегда были слабы.

Дешт-и-Кипчак в той борьбе за власть над Европой имел сильную позицию: за ним стояло полмира, в его руках были и золото, и меч — главные рычаги политики. Но не было главного: тюрки уже не понимали друг друга, хотя и говорили на одном языке... Кто-то хранил верность заветам Тенгри, кто-то — Корану или Библии.

Народ потерял знамя, а значит, потерял дух. Забыл уроки Древнего Алтая, — не меч и деньги властвуют в мире, а тот, кому принадлежат души людей.

Зато итальянцев, тоже врагов Византии, отличало единство духа. Их сплотили турки-католики, которые еще в 756 году на землях Равенны создали некое государство — Папскую область, ее наследником стал Ватикан. Монашеские

ордена папы имели там решающую силу. Для них не существовало границ, они держали в руках целые страны.

Ныне Ватикан — знак папской власти. Это самая маленькая страна на свете, карлик, а сила ее огромнейшая, как у всех карликов, подчинивших себе великанов.

В слугах папы всегда стояли великаны — потомки великого Аттилы. Здесь, в Ватикане, латинское и тюркское давно срослось воедино. Где одно переходит в другое, не знает никто. Но уроки Древнего Алтая там всегда соблюдали свято: верили без сомнений. Папе повиновались беспрекословно.

Все знали: основа его власти — Бог. Вернее, слово господствующее над душами людей!.. Его слушали.

Папа римский Григорий VII, начавший в 1075 году новую политику Церкви, был родом из Тосканы, здесь жили итальянские кипчаки. Скуластое лицо, хищные ястребиные глаза наверняка снискали бы ему прозвище Тогрыл (Ястреб), живи он в Степи... Он ненавидел тюркское, как все перебежчики ненавидят свое родное. Слишком сильно!

Этот папа издал Диктат, где записал свое «право назначать и короновать императоров». Иначе говоря, Церковь католиков при нем объявила власть над всеми монархами Европы. Стала «царем царей», вызвав гнев короля Генриха IV, предводителя Южной Германии.

Вспыхнула война. Германские кипчаки штурмом взяли Рим. Но убить папу не смогли. Вмешались мусульмане. Они мечом прорубили дорогу к замку, где скрывался папа, и спасли его.

Мусульмане были верными союзниками Ватикана!..

Папа Григорий прекрасно знал о Тенгри, разбирался в обрядах Ислама, он открыто заявлял, что исповедует того же Бога, что мусульмане... Что их вера одинаковая — один источник. Надо заметить, очень смелая мысль даже для папы римского.

Но смелой она кажется лишь сегодня, когда многое забыто. В те времена подобные слова были не редкостью. Католики и мусульмане, как солдаты одной армии, веками сообща воевали против Византии. Например, папа Сильвестр II, кстати, тоже кипчак по родословной, до своего избрания несколько лет прожил среди тюрков-мусульман, изучая математику, химию и технические науки. Его знания в Европе были овеяны ореолом легенд. Легенда о знаменитом докторе Фаусте списана с его жизни...

Это теперь о дружбе тюрков-мусульман и тюрков-католиков забыли. Тогда помнили и не удивлялись ей...

Тюрки и есть главная тайна «темных веков» средневековья. Историки нарочно сгущали эту «темноту», превращая иные события в фарс, иные — в недоразумение. Они словно забыли о тюркском народе, о его вкладе в сокровищницу человечества.

Но изменить правду времени никто не сможет. Даже Церковь.

Несогласие

Конечно, папы в Церкви бывали разные: одни отдавались службе, другие — удовольствиям. Суть человека не меняет даже папская тиара.

Были годы, когда дворцы Ватикана становились местом дикой распущенности, кровавых преступлений и всеобщего невежества. Духовенство словно состязалось с мирянами в грехах: в пьянстве, лени и других пороках.

Потом, с приходом нового папы, все менялось. Опять молитвы, политика, интриги. Но проходило время, и упадок возвращался в Церковь. Почему? Ответа нет. Никто не пытался найти его.

Не тюрки ли и тому причина? По их же традиции строилась Католическая церковь. Это заметно и в большом, и в малом. Все-таки «Апостольские правила» Церкви написаны кипчаком, отцом Дионисием Малым! Что, несомненно, имело свои последствия.

Например, все папы римские, начиная с IV века, носили на пальце перстень с изображением рыбы. Он переходил по наследству как символ власти в Ватикане. А перстень тот с Алтая. Через кого и как он попал в Рим, неизвестно, но в алтайских курганах не раз находили предметы с изображением точно такой рыбы.

Случайность? Ну уж нет. Речь идет о символике! Только тенгричи — высшие тюркские священнослужители — имели такие. То был их знак отличия, дававший право на власть. Этой рыбе около трех тысяч лет. Она символ неба у древних тюрков — небесного океана.

Далеко не случайностью был и обряд «разграбления», его тоже очень долго соблюдали в Церкви. После избрания папы охранники грабили папские дворцы, уносили все, что можно было унести. Подобного обряда в Великой Римской империи не знали. Действо сугубо тюркское и называлось оно «хан талау» (ограбление хана). Лишь в XVI веке отменили его, вызвав недовольство охранников.

Было такое же «разграбление» и у мусульман. И тоже от тюрков! И там после смерти халифа полагался «хан талау»... Особенно постарались в 991 году — дворец тогда превратили в руины.

Это не варварство, нет, праздник правителя. Диковатый, конечно, но праздник. Так народ выражал признание новой власти, которую он брал на свое содержание. Конечно, все «награбленное» потом возвращали.

Подобных примеров немало в истории средневековья.

...Борьба тюркского и нетюркского долго отличала мир, Италию и особенно Ватикан. Следы ее остались в летописях. Вот притча тех лет, в ней — философия тюрка, она раскрывает душу тюрка и объясняет многое.

Учитель велел ученикам убить голубя, но так, чтобы никто не видел. Латинянин зарезал его в сарае. Грек — в темном подвале. Кельт — в глухом лесу. Лишь тюрк подал учителю живого голубя, сказав, что задание невыполнимо. «Почему?» — спросили его. «Потому что Бог видит все. От него ничего не скрыть», — ответил мальчик.

В тюрках жило свое особое представление о Боге, о мире. Они рождались другими! Культура предков передавалась им с молоком матери, с колыбельной песней, со сказками, которые они помнили всю жизнь.

Став католиком или мусульманином, тюрк все-таки оставался посланцем Алтая. В его душе по-прежнему жило чувство свободы. Врожденное, как и любовь к Родине, оно неискоренимо. Не уснуло до сих пор.

Латинянин, сев на трон папы, мог и согрешить. Кипчак — никогда. Ему, вчерашнему язычнику, вера в Бога Небесного была чужой, он еще надеялся скрыться от Всевидящего ока. Надеялся избежать Божьего суда, не понимая, что это невозможно.

Отсюда — разброд в Ватикане. Два народа, два характера жили в Италии рядом, они и столкнулись в Церкви.

Их обоих называли «итальянцами», но то были явно разные итальянцы.

Папы оставались людьми той культуры, вернее, тех правил и традиций, по которым жили их предки. Это видно из самой истории римских пап.

Для итальянцев возглавить Ватикан значило получить власть, порой они покупали себе трон, а с ним и право грешить. Так, Иоанн XII, надев папскую тиару в двадцать лет от роду, на долгие годы превратил Церковь в дом греха.

Тюрки служили иначе. Даже став христианами, они, не сознавая того, хранили верность своей культуре, своим предкам. Да, и они творили жестокости, насилия, но творили не ради собственных прихотей — ради новой веры.

То была политика европейцев, имевших алтайские корни.

Новые европейцы

Кто-то в Европе на грехи Ватикана смотрел спокойно, а кто-то — нет. Волнения и восстания прихожан-католиков были подобны эпидемиям чумы, но им не удивлялись. Обычное явление новой жизни.

Первыми о пороках Ватикана заговорили богомилы. Так называли католиков, которые пожелали вернуться к Тенгри. Позже их сменили такие же

недовольные катары, потом альбигойцы. За чистоту веры в Бога Небесного выступали все они. Им не нравилось самодурство папы римского.

Богомилы, катары и другие были не какими-то мифическими народами, как их порой представляют историки, это — предки нынешних французов, итальянцев, испанцев, немцев, швейцарцев. Их называли еще хазарами или болгарами за неугомонный нрав и тюркское происхождение... Не сразу исчез дух Алтая в средневековой Европе.

Долго умирал он. В муках и страданиях. Народ помнил о знаменах Аттилы, о былой гордости. Тюркский дух отчаянно пытался ожить в людях, утрата свободы не давала им покоя. Они, возрождая веру предков, так заявляли о себе. Но тщетно.

Собственно, вся история средневековой Европы рассказывает — это история борьбы тюрков против самих же тюрков.

Иные улусы в той борьбе поступали иначе. Они отказывались от борьбы с Церковью и уходили. Устремлялись в Скандинавию, подальше от папы римского и его интриг. Там, на севере Европы, тоже жили кипчаки, их называли готами. Духом-покровителем у них была ящерица, или маленький дракон, тот, что по-тюркски «гот».

О тюрках говорят и рунические памятники Скандинавии той поры, и итоги похода Аттилы в 435 году на Европейский Север, где он основал новое ханство.

Памятники той поры прекрасно сохранились. Их немало. Например, в Балтийском море есть остров Готланд (дословно — земля готов). И далеко не случайно ящерица, или маленький дракон, была символом Скандинавии. Он всюду на древнескандинавских памятниках. Не забыт образ дракона и ныне.

Видимо, когда-то у власти там стояли люди из рода Балтов. Отсюда и название, которое они дали той местности, — Балтика.

Кипчаки Италии без охоты уходили сюда, на неудобный Север, к собратьям, но так они надеялись сохранить себя, свою веру и культуру. Они умели выращивать скот, пахать землю, чего местные народы здесь не знали. Как не знали они металлургии, кузнечного дела. Всему этому научили их тюрки.

Богатые залежи железной руды в горах Норландии дали Скандинавии лицо в средневековом мире. Из задворков Европы она внезапно превратилась в сильное государство. В Риме с опаской заговорили о норманнах, отважных воинах и умелых металлургах. Первое упоминание о них в летописях пришлось на 839 год: тогда посольство северян прибыло в Константинополь. Они искали союза, хотели под крылом Византии выступить против католиков.

Норманны славились бесстрашием, умением плавить металл и делать из него отличное оружие. Они легко завоевали всю Северную Европу. Союз с

Византией был для них очень важен... В древних скандинавских сагах о той поре сказано много. Это — настоящая поэтическая летопись Европы.

Из нее видно, что правители норманнов ездили верхом на конях. Что, даже отправляясь в военное плавание, брали на борт коней. Что любимой их пищей была вареная конина и кумыс — кобылье молоко.

Порой по каким-то причинам кони норманнов попадали на безлюдные острова и там дичали. Иные гибли, а иные сохранились поныне, вызывая недоумение биологов. Как степные животные попали на далекие северные острова?

Удивительны скандинавские саги.

Их еще предстоит по-настоящему прочитать, особенно сагу о Виланде — чудесном мастере-кузнеце. Там поразительные детали жизни норманнов. Даже то, что Виланд сделал из черепа врага чашу для вина. Это же — чисто тюркский обычай! По ним жили норманны.

И в знаменитой саге о Сигурде много примет алтайской символики: там говорится о легендарных нибелунгах. Кто они? Неизвестно, вернее забыто. А в древности тюрки так называли своих богатырей («нив»), которые служили дракону («лунг») и на гербе которых был дракон.

Дракон не случайно стал знаком норманнов. Выходит, песня «О нибелунгах» имеет исторические корни и хозяина, у нее есть прошлое...

Мало того, на севере Европы найдены великолепные оленные камни, абсолютно такие же, как на Древнем Алтае? Археологи не в силах объяснить, почему рисунки на камнях, найденных на алтайской реке Абакан и в Скандинавии, неотличимы.

И это опять же не все. Точно такие рисунки были на кораблях норманнов. Один и тот же узор. Откуда? Почему «алтайские» драконы украшали ювелирные изделия скандинавов? Здесь своя история, о ней нужен отдельный разговор.

Древние символы тюрков встречаются в Скандинавии всюду.

А случайно ли, например, что скандинавы стали верить в Бога Небесного? Их Тор, Донар, или Дангыр — одно из обращений к Тенгри... Именно эти слова записаны в их сагах. Правда, обряд у них был не тот, что на Алтае. В нем проступали местные верования. И тем интереснее он.

Налицо сплав культур: вера в Бога и язычество рядом. Это смешение было необходимо скандинавам. Местные жители и пришельцы-тюрки искали союза. И нашли его, чтобы стать сильнее.

Тот союз, наметившийся в средневековье, не исчез, жив в Скандинавии и поныне. Предки шведов, видимо, были ближе к тюркам, к их культуре: в потомках жива любовь к металлу, умению мастерить. Норвежцы же — нет, те

иные. Их традиции ближе к финским. Они прекрасные охотники, добытчики, мореходы, но не мастера. Склад характера у них другой...

Скандинавы известны вроде бы как один народ — норманны, но, тем не менее, разный. Все у них, как у итальянцев. Они тоже чувствуют различие в себе, но не могут понять его.

Что-то осталось в памяти, а что — не помнят.

«Свой — чужой» народы никогда не путают. Это пожизненная метка. Ее подсказывает внутренний голос. А вот как людям удастся расслышать его? Наука не знает...

То же самое непонимание себя проявляют бельгийцы. И там, в Бельгии, два разных народа — фламандцы и валлоны. Их тоже не сроднило время, хотя пятнадцать веков живут они рядом.

Народы не смешиваются. Они лишь забывают себя.

Предки фламандцев — кипчаки, которых привел Аттила. Это исторический факт. Одежда, обычаи, праздники фламандцев будто взяты с Алтая и переделаны для Европы. Кузнечное дело, древние ремесла и утварь, старинная тюркская одежда, национальная кухня, в которой чеснок занимает не последнее место, даже баня — все там «алтайское». М все на виду.

Особенно старинные узоры и орнаменты! Тамга Алтая! Живой интерес вызывает провинция Лимбург, там — старинные храмы и монастыри, построенные в честь Тенгри. Есть даже город Тангерен, который французы так и называют Тангри (Tongres). Он видел в 451 году на своих улицах всадников Аттилы. Тогда первые тюрки, видимо, обосновались, здесь.

Свой родной язык фламандцы забыли к XV веку благодаря настойчивости Церкви. Теперь он как бы растворился в местных наречиях, оставив память в словах, ставших общими для всех бельгийцев.

Валлоны же — потомки кельтов, они совсем другие. В них нет и капли тюркского, это люди иной культуры, иной крови, иных правил. Конь не пробуждает в них воспоминания и радость.

...С норманнов началась не одна страна в Северной Европе.

В Дании и Голландии тоже есть уникальные памятники средневековья. Ранняя история этих стран, как выясняется, написана тюркскими рунами и по алтайским правилам. В Дании влияние кипчаков явно заметнее, потому что здесь до прихода норманнов уже были тюркские поселения. Их в V веке основал Аттила.

Голландцы и фламандцы знают о своем родстве, но не могут объяснить его корни. Забыли.

Но случайно ли, эмблемой Голландии взят тюльпан? Кипчаки его называли

«ханским цветком», он первым зацветает в степи, на своей родине. Может быть, он и напомнит голландцам о Великой Степи, об Алтае, об их забытом прошлом...

Без прошлого нет народа, без прошлого он — сирота. Подкидыш. Символы Родины не придумывают, с ними рождаются. Они — память. Божественный благовест, который слышат лишь свои.

Многие тайны в истории Европы проясняют кипчаки... Многое становится понятным.

Например, споры о мифических «русах» теряют всякий смысл, если помнить о тюрках средневековья. Ведь норманны иногда называли себя «русы». Вернее, тех своих собратьев, которые жили на побережье Балтики.

Отсюда их знаменитая «Русь», иначе говоря, княжество, или ханство, мореходов. Белая, Черная Русь, Киевская Русь.

Слово «рус» встречается даже в книге «Собрания тюркских наречий» средневекового ученого Махмуда Кашгарского. А он был большим знатоком древнетюркского языка. Жил в Средней Азии, вдали от Европы, от скандинавов. И вряд ли вообще что-то слышал о них.

«Рус» или «рс» — так на Древнем Алтае называли гребцов. Тех, кто из поколения в поколение «жил с весла» — этим промыслом добывал себе пропитание. Вот почему норманны и называли себя так! Вернее, тех, кто жил на побережье, «с весла».

Причем, слово это «этническое» — пояснил Махмуд Кашгарский.

Да... «Нет ничего слаще молодости», — учит Алтай. Веком молодости для Северной Европы и стал IX век с его таинственными норманнами, которые появились, как смерч, и исчезли в никуда.

В 865 году зародилась «Английская Русь». Тогда великое войско норманнов высадилось в Англии, вели его два брата, два сына славного Рагнара, по прозвищу Кожаные штаны. Кто был он? Допустим, это неизвестно. Но первое, что сделали его сыновья в Англии, — обзавелись конями. Знали, «не сгубив коня, дороги не пройдешь». О них старинная исландская «Сага о Рагнаре Кожаные Штаны».

Норманны своим приходом упрочили тюркскую культуру в Англии, даже не заметив того. Это — курганы, важная примета Степи, это — изящные книги, великолепное шитье, ювелирные украшения, инкрустация, чеканка... Все по алтайским образцам. Поэтому-то и не встретили они среди английских кипчаков серьезного сопротивления.

Английские археологи давно спорят о происхождении этих находок, а

напрасно. Звериный стиль, в котором выполнены находки и который приводит в восторг англичан, — знак Древнего Алтая, его «тамга». Увы, это так.

Нигде в мире больше нет подобного.

Интересны следы тюрков в Исландии и Гренландии. Опять же «звериный стиль», рунические памятники, и они здесь «просмотрены» наукой.

Памятники никто по-настоящему не исследовал. К ним относились, как к какой-то причуде средневековья. Как к случайности, взявшей неизвестно откуда. С видом знатоков переводили древние тексты, даже не зная, с какого языка переводят. Пример тому «нибелунги». Получился не перевод, а белиберда — «испорченные знания». Откровенный набор слов.

А между тем и название Исландия тюркское. Выдает «иси» — «становиться горячим»... «Горячая земля» означает оно.

Почему нет? Ведь так и есть. До XI века исландцы ели конину. А не селедку. И говорили по-тюркски. Известная ныне версия о «Ледяной земле» для Исландии не годится: ледяных островов в океане много, а горячий только один. Остров, который нашли в IX веке норманны. Теплом удивил он их.

Вулканы, гейзеры и ныне привлекают сюда туристов. Но вулканы вулканами, а вряд ли кто знает, что государственный флаг Исландии когда-то назывался «туг». На синем фоне крест и два шлыка.

Вот оно тюркское знамя. Сохранилось! Под таким воевал Атила. Такие были на Древнем Алтае.

И норманнские знамена тоже отличали крест и шлыки. Достаточно взглянуть на старинные флаги Швеции, Бельгии или Англии.

Правда, есть легенда, будто в XII веке король Швеции Эрик IX увидел в небе золотой крест, ставший символом страны. Возможно. Но не вполне. То было время утверждения здесь католичества, и Ватикан чуть-чуть «исправил» историю Скандинавии.

Он всегда так поступал, когда устанавливал свою власть.

И в Америке, в штате Миннесота, найдены тюркские рунические памятники. Правда, их объявляли подделкой — слишком уж неожиданная для этих мест находка. Но есть и другие факты, которые рано или поздно тоже придется изучать. От этого никуда не деться. Чтобы узнать, например, о стране Винленд, открытой Лейвом Эйриксоном в 1000 году... Так утверждает исландская сага.

Лейв — это сын Эйрика Рыжего, знаменитого норманна. Ему помогал в плавании некий Тюрк — человек с веснушчатым лицом, крутым лбом и короткими ногами. Он прекрасно знал язык германцев, иными словами, говорил по-тюркски, любил мастерить, был сведущ в науках.

Он, по счастливой случайности, и открыл Америку. Нашел даже там дикий виноград, о котором норманны не слышали... значит, были тюрки и в Америке!

Страна Винленд лежала к западу от Гренландии. Ее отметили норманны на старинной географической карте. А океан, омывающий Европу и Винленд, назван Тенгыр. Именно это древнее тюркское слово пересекает норманнскую карту сверху вниз... На полях тюркскими рунами написан короткий текст о плавании.

Карта до некоторых пор хранилась в музее Венгрии. Она была на бумаге, рецепт которой знали лишь в Самарканде, а это говорит о многом.

Как же широко по свету Судьба разбрасывала кипчаков.

Они заселяли острова, утверждали новые страны, открыли Америку за пятьсот лет до Колумба... лишь бы не знать папу римского.

Крестовые походы

Средневековые называют темными веками, они и впрямь такие. Люди никогда не узнают о них всю правду. Католики уничтожили летописи и книги тех лет. Они придумали тысячи способов убийства правды. Им удавалось самое невероятное. Вот один из ее приемов.

Церковь ввела правило для аристократов — поединок с драконом: не победив дракона, человек не мог зваться аристократом. Путь в общество ему был закрыт: соседи не открывали ему двери.

Но какого дракона требовалось победить? И о каком поединке речь? Живых же драконов в Европе нет. А вот образ дракона, знак тюркской культуры, был всюду. Отречения от предков ждала Церковь от человека.

Он клялся в том, что не пожелает знать всего, что связано с «драконом»... Вроде бы ритуальный поединок, без крови, а стояло за ним самое настоящее убийство. Убийство памяти.

Еще пример, тоже говорящий о многом. Тюрки никогда не кололи противника шашкой или кинжалом, называя это позорным ударом исподтишка. Прямой, рубящий удар признавали кипчаки. По их правилам чести неприятель должен видеть удар.

И это подметили в Церкви. Католиков с тех пор вооружали шпагами, стилетами и кортиками. Колющим оружием. В поединках на узких и запутанных улочках городов оно имело преимущество... Церкви всегда было не до правил честного боя.

Так шашка уступила шпаге, а благородство — подлости. Но победу своего оружия католики связали с тем, что шпага — это латинский крест, что в ней, мол, победа Христа.

Обо всем другом они умалчивали...

И крестовые походы папа римский Григорий VII предложил Европе тоже для «победы Христа». Но в действительности не ради спасения «гроба Господня» задумал он эти войны — самые кровавые и самые бессмысленные войны средневековья.

Страшное начиналось время.

К XI веку в Западной Европе скопилось достаточно сил для атаки на Византию и исламский Восток. Теперь папе важно было настроить людей на войну за власть над миром. В этом состояла политика, названная «крестовыми походами». Почти два века длилась она.

Хотя, если быть точным, в Палестине, куда папа нацелил острие новой войны, не было гробов и «гроба Господня» в том числе: евреи в гробах не хоронили... Так что, говоря по правде, воевать было не за что.

Но нужна была именно война. Война от Атлантики до берегов Евфрата. Чтобы мир погрузился в пламя. И — Церковь придумал миф о «гробе Господнем», который якобы захватили неверные.

Агенты папы устроили погром в Иерусалиме, свалив его на мусульман. Это и послужило поводом. Помог Петр Пустынник, которого с рождения мучили бред и кошмары. Этот больной юноша ради денег женился на старой, дурной женщине, но брак не принес ему счастья. И Петр богатый дом жены сменил на келью монаха. В 1094 году он по настоянию папы пошел в Иерусалим. Там к нему якобы подошел Христос и сказал: «Петр, расскажи о бедствии святых мест, побуди верующих очистить Иерусалим и спасти святых от рук язычников».

С этих слов начались крестовые походы. С них начали католики войну против своих давних союзников — мусульман.

Тогда же появились первые небылицы об Исламе как о враге христиан и всего человечества. О нем злословили на каждом углу, в каждом доме... Агенты папы орудовали, как отлаженный механизм. Безотказно и четко. От монастыря к монастырю, от города к городу пускали они молву. И она летела, проникая в души людей, рождая ненависть к мусульманам.

Католики хотели вытеснить греков из Средиземноморья, и им понадобилась новая политика. Папа римский Григорий VII был один из самых прозорливых пап Церкви.

Однако давно замечено, что один человек ничего не сделает, как бы гениален и силен он ни был, ибо нет совершенных людей. Зато есть грандиозные планы! Они-то и завораживают народы, превращая всех, даже мудрецов, в доверчивых глупцов.

Призыв папы римского Григория VII к «войне за Бога» был из этого ряда.

Он готовил не просто завоевание Средиземноморья, он хотел еще и истощить Европу, лишить ее сильных и просвещенных людей. Это было тайным и главным в планах крестовых походов. Церковь давно мечтала быть «светским и духовным императором» одновременно. Вот папа и задумал уничтожить опасных ему прихожан, и в первую очередь аристократов и молодежь, не находившую занятий, иначе говоря, «юношей военного возраста», как называли их.

В то время Запад жил идеей «Божьего мира», она запрещала войны и всякую вражду между католиками. Идея эта зародилась на юге Франции и завоевала умы правителей. Ее поддержал народ. В ней было что-то завораживающее: уж очень приятно для тюркского уха звучала она. «Trenge Dei» — «Божий мир»... Будто отголосок, будто эхо забытого Тенгри ласкало слух. В крови латинских кипчаков оживала память о величественном прошлом. Вспоминалось былое.

...Весь 1096 год в большие города Западной Европы стекались толпы народа. Площади и улицы не вмещали желающих. Люди нашивали на правое плечо одежды крест из красной ткани — знак папского войска — и становились крестоносцами.

«Богу так угодно, Богу так угодно», — без усталости повторял тогдашний папа римский Урбан II. Крестоносцев он взял под свою личную опеку: отпускал им грехи, прощал долги. Все было у него только для них.

Множество народу нашло на одежду крест. То, несомненно, были верующие люди, но обманутые папой. Их собирали на погибель. Как бычков на бойню. А они не догадывались.

К походу на Иерусалим — за освобождение Святой земли — готовились аристократы и их дети, крестьяне и ремесленники. Собирались семьи из Тулузы, Бургундии, Фландрии... Словом, со всех тюркских земель Западной Европы. Они готовились совершить чудо: отвоевать то, чего нет.

Поразительно, но мало кто из крестоносцев знал, в какой стороне лежала Святая земля, зачем нужна она и кому. Их вожди не имели плана действий. Впрочем, он был и не нужен, этот план. Ведь папа уводил людей из Европы, чтобы погубить. Ему важна была схватка западных и восточных тюрков. Чтобы как можно больше погибло народу... При любом исходе войны Церковь выигрывала.

Но, говоря о «зловредном» Исламе, папа откровенно лгал. В Коране нет слов о подчинении других народов. Даже намек нет. Зато есть слова о том, что веро во вред, если ее принимают силой и обманом. Это — грех для мусульманина. Только словом, только личным примером можно распространять Ислам.

Папа же придумывал одно страшнее другого, он не думал о правде.

И крестоносцы, ничего не зная об Исламе, начали войну. Им было не до знаний и книг. Они жаждали крови и сказочных богатств Востока. Вот что привлекало многих.

Грабеж начался сразу же. По пути в Иерусалим воины папы грабили селения, грабили встречных и поперечных, тем и кормились; монахи питали их лишь слухами. Рядом с войском шли женщины, дети... Это было чем-то похожим на переселение народов. Но только наоборот: шли не заселять новые земли, а умирать на них.

Едва ли не каждый большой город крестоносцы принимали за Иерусалим. Начинали готовиться к штурму. Слепая толпа мутным потоком двигалась на восток. Она вбирала в себя новых и новых сторонников: сила крестоносной проповеди притягивала людей. И зажигала их страстью.

Стояла всеобщая неразбериха. Рядом с благородными джентльменами были отбросы общества. Настоящие воры, например, руководили крестоносцами Англии. Им помог один разбойник, который выжег на своем теле крест и объявил, что «это дело руки Божьей».

Впрочем, говорят, «и у разбойника, убившего десятки людей, есть шанс сотворить добро»... Все прощалось, все поощрялось тогда. Лишь бы побольше было крестоносцев.

Жители нынешней Германии, тогдашней Священной империи, поначалу смотрели на толпу крестоносцев как на диковинное стадо. Баварцы и саксонцы, смеясь, называли их жертвами «неверных и глупых надежд». «Немцы» оставались глухи к словам папских проповедников: они не любили папу, их император Генрих IV даже воевал с ним. Но пример французских и английских братьев оказался заразительным. Германские кипчаки тоже «заразились» неодолимой силой к перемене мест.

Проснулась тюркская кровь и в Священной империи.

Число крестоносцев из германских земель росло буквально на глазах, даже несмотря на протест императора... Впереди отряда с Рейна поставили козу и гуся, объявив их «вожатаями экспедиции».

Неожиданного здесь ничего не было, так и должно было быть, то — древние тюркские символы: баран и лебедь. Духи-покровители. О них не забыли, просто сознание людей уже рисовало их немного другими.

Смешение культур. Оно проявляется там, где его не ждут... Этим и удивительна этнография.

Например, о папском войске известно очень мало. Почти нет достоверных сведений. Никто не знает, из кого, из каких народов оно состояло. Но вот

деталь — духовные песни, их пели участники крестовых походов. Пели хором. И это многое проясняет. Казалось бы, что — песни?

Церковь назвала их «песнями пилигримов». Разумеется, придала им божественное начало за то, что они якобы сплотили разноязыкие народы Европы... Разве?

Эти песни, как выясняется, звучали одинаково на языке итальянцев и французов, англичан и немцев. То были старинные походные песни тюрков, которые шли в «разноязыкой» толпе крестоносцев. Люди пели родные песни на родном языке... Все-таки не надо забывать, что каждый второй европеец по крови тюрк, так стало после Великого переселения народов.

Память сплотила тогда людей! Традиция походной песни, как известно, началась в Европе с Алтая, прежде ее не было. Вот почему англичане тогда говорили с французами и немцами без переводчиков. Все понимали друг друга: тюркский язык был языком общения в Европе.

Лишь к XV веку его забыли навсегда.

...А вот кто испугался крестоносцев, так это византийцы: они увидели в них лицо своей смерти, почувствовали ее дыхание. Католики «для вида отправились в Иерусалим», сообщала тогда византийская летопись, «а сами овладеют Константинополем».

И верно, крестоносцы сразу же начали грабить и здесь — в столице христианства. Они врываются в церкви, хватали утварь и все ценное, что попадалось под руку, а потом продавали его... грекам.

Но разбой их продолжался недолго, гостей быстро проводили через Босфор — пролив, отделяющий Европу от Азии и христианский мир — от мусульманского мира. И оставили в одиночестве. Византийцы в поход за освобождение «гроба Господня» не пошли.

Дальше началось самое трудное: неподготовленной армии в чужой стране долго не прожить... Конечно, мусульман они не победили. Летописи о том походе крестоносцев писали так: «Кости христиан образовали холмы».

Холмы из костей были итогом политики папы.

Впрочем, военные успехи и не были нужны Церкви. Даже взятие крестоносцами в 1099 году Иерусалима, погромы в домах евреев и мусульман, устроенные христианами на Святой земле, папу не порадовали. Он отнесся к ним, как к зубной боли, которую надо просто вытерпеть... Что могли настоящие полководцы? Граф Раймунд Тулузский, который вел войска из южной Франции, Гуго Вермандуа, герцог Роберт Нормандский, Готфрид Бульонский и другие. Они не имели никаких прав в папском войске. Действовали на свой страх и риск, что-то им поначалу удавалось. Но только

поначалу.

Мусульмане в конце концов полностью разбили католиков и пополнили товаром невольничьи рынки Востока. Чего втайне и желал папа римский.

Позже крестовые походы повторились в 1148 и 1191 годах. И закончились так же. Потом еще и еще. В 1212 году был даже детский крестовый поход. Десятки тысяч детей отправили на Святую землю, чтобы погубить: папские слуги отвезли их не в Иерусалим, а сразу на невольничьи рынки Египта.

Миллионы людей потеряла тогда Европа. Но зато сколько золота получила Церковь за свой живой товар.

С народной беды начинался триумф Римско-католической Церкви. Она победила в крестовых походах. Власть аристократов, главных врагов папы, кончилась. В городах царило уныние.

Вот тогда-то на арену вышло новое папское войско — рыцарские ордены тамплиеров и госпиталитов. Они дополнили монашеские ордены, которые не один век служили папам.

Правда, пока эти воины были еще не армией, а лишь гвардией.

На арену событий выходило новое войско — рыцарские ордена тамплиеров и госпиталитов. Они дополнили монашеские ордены, которые не один век служили папам.

Тамплиеры стали вести торговлю, давать в долг деньги на выгодных для себя условиях. А госпиталиты — ухаживать за ранеными и больными. Они подчинялись только епископам, светские правители не имели среди них слова... Вроде бы безобидные люди, эти новые монахи? Но под белым плащом тамплиеры тайно носили оружие и латы. И пока скрывали их.

Вот так слугами Церкви стали военные. Власть их была безграничной. Папа же на каждой своей проповеди внушал мирянам, что, мол, это по их вине, из-за грехов не удались крестовые походы.

И верующие мучились от собственного несовершенства. Еще бы, Бог отступился от них.

Кто знает, а не тогда ли вошло в обиход слово «феодал»? Ведь каждый большой и малый аристократ ощущал себя пораженным в правах и власти. Скрываясь от позора, люди искали уединение: замыкались в стенах замков, избегали гостей.

Время настало тогда такое — одиночества и раздумий.

Иные аристократы бросали родовые поместья, уходили в монахи. Иные монахи убегали в леса, становились отшельниками. И все честные люди Западной Европы вымаливали прощение за свой — несовершенный! — грех.

Молились, постились, страдали, бичуя себя... Земли, замки, дворцы неправдоподобно упали в цене. Крестьяне отдавали скот и урожай почти даром.

А кто-то скупал брошенное народом богатство. То были тихие слуги папы — тамплиеры. Сказочно разбогатела тогда Церковь. Это тоже стало итогом крестовых походов.

Джентльмены и рыцари

Безумие витало над Европой.

Оно отметило своим целую эпоху — эпоху крестовых походов. Искусство, наука, мораль пришли в упадок, народ нищенствовал отчаянно. Церковь, как пресс, сдавила общество, и ей никто не смел противиться. Все молчали.

Люди жили от молитвы до молитвы, от поста до поста — даже мысли уже не принадлежали им. Народы сделались игрушками папы римского. А тому все было мало. Он опасался, «безумие» пройдет, люди прозреют, и поэтому стал готовить армию. Свою. Особую. Не орден монахов, а орден воинов. Его создание было давно задуманным шагом.

Издалека начинали, замысел был гениален: в Палестину отправили тысячи мирных паломников. Вроде бы невинная затея?.. Желających увидеть землю, «где ступала нога Господа», набралось множество. Религиозный угар в эпоху крестовых походов, как дым пожара, окутывал города и деревни.

В Иерусалиме их поджидали люди папы. «В святых местах властвуют враги», — внушали они паломникам. Те вскипали от ярости и злобы. Сами заговаривали о новых крестовых походах, о защите Церкви, о папском войске.

Сами стали предлагать их папе!

Церковь играла на нежных струнах человеческих душ. И люди послушно делали то, что желал папа, — были куклами в руках умелого кукловода. А он придумывал им даже мысли. Сказал, например, что в 1099 году в Палестине крестоносцы видели святого Георгия на коне и с отрубленной головой, которую воин держал под мышкой. Это назвали чудом, святого объявили крестоносцем, рыцарем, слугой папы.

Событие, явно выдуманное от начала до конца, но и оно вошло в историю Церкви. Появилась очередная легенда о Георгии: воина посадили на коня и «заставили» убивать дракона...

Вновь убийство дракона! Вновь удар по тюркской истории! И опять исподтишка.

По воле Церкви Джарган, святой Дешт-и-Кипчака, стал всадником-убийцей. Он был нужен папе именно таким — жестоким, кровожадным, убивающим. Потому что тюркская Европа помнила его иным. Сохранилась, например, старинная англосаксонская легенда, она — документальное свидетельство, в

ней есть сведения о жизни и казни Георгия в Дербенте. В Англии и других странах клялись именем Георгия. Тюрки долго не забывали своего покровителя.

Хорошо помнил о нем и папа римский. Поэтому захотел сделать тюркского героя своим слугой — крестоносцем, убийцей.

Прежде, с 498 года, Георгий был чужим для католиков, теперь его приблизили, создали рыцарские войска. Для него, не для папы! Это была очередная хитрость Церкви. Ей вновь поверили.

Тогда и объявили о новом сословии Западной Европы — о рыцарях, их святым патроном стал Георгий-всадник.

Надо отметить, рыцари были знакомы Европе и прежде. Это — слуги аристократов, всадники, одетые в броню. Они прикрывали в бою тыл хозяина. Удел рыцаря — походная жизнь. Его профессия — военное искусство. Так повелось с IV века, с прихода кипчаков.

Хозяев рыцарей называли «gentiles» (отсюда — «джентльмен»). В 312 году Рим услышал это тюркское слово. Родовитые то были люди.

Джентльмены, как писали историки тех лет, когда-то служили в армии Рима, а потом завоевали всю Империю, они гордились своей иноземной знатностью, оберегали ее...

Кто же были эти люди?

Написано о них немало, но упущено главное: они жили по тюркским законам юрта или ханства. Иначе говоря, со своей властью. В этом и была их «иноземная знатность» в Империи. Хан правил там. Он назывался королем, герцогом или графом, земли юрта делил между баронами...

Обычаи джентльменов были неотличимы от обычаев Великой Степи. Люди верили в Тенгри, поэтому католики их называли язычниками. Говорили они по-тюрки. Сражались на боевых конях. Пешей жизни не признавали. Кипчаки. И все у них было по-кипчакски!

Улус? Юрт? Орда? Как называли себя? Теперь неизвестно. В XII веке у них уже были латинские имена, но оставались тюркские прозвища. Например, у знаменитого рыцаря Ланселота домашнее имя — Телеги. А легендарного французского рыцаря Карла Смелого на самом деле звали Темир. «Temeraire» — так пишут сейчас французы. Он был герцогом Бургундским. Оказывается, и король Карл Великий, основатель Франции, при жизни имел совсем другое имя, если верить документам тех лет. Его имя звучало Чарла-маг и по-тюрки означало «зови славу». Таким оно сохранилось, например, в Англии — «Charlemagne». Латинские историки позже переделали многие исторические имена на свой, латинский манер. И — история потеряла былой колорит.

Джентльмены, став герцогами и королями, любили сидеть на полу, поджав ноги. В хрониках того времени уцелела запись, что Людовик Святой, французский король, именно так принимал гостей.

Полы его замка были устланы коврами, по углам высились горы подушек. В спальнях короля к вечеру разбивали шатры (эспервьеры), и ставили в них кровати. Сам он ходил по дому без обуви, в расшитом кафтане (сапане). В его дворце были и кунацкие комнаты, и женская половина. Рядом с очагом стояла фигурка покровителя дома...

Точно такие фигурки делали на Алтае, и тоже из войлока.

Пирь джентльменов не отличались от тех, что были во дворце Аттилы: все то же самое — конина, кумыс и айран, тот же трон, те же шуты, те же восточные кушанья, те же песни и представления... Правда, в залах дворца появилась конная прислуга, что было новшеством. Блюда подъезжали прямо к столу, вызывая восторги гостей. Традиции народа!.. А они не меняются.

Скажем, обряд похорон джентльменов был, как и у кипчаков: вместе с усопшим уходил его конь. Тела их бальзамировали по алтайским правилам. Так провожали еще в 1376 году английского короля Эдуарда III, в 1391 году — графа Гастона де Фуа и других важных сеньоров... Как настоящие кипчаки, они ушли на тот свет!

Потом Церковь запретила хоронить с конем. И — уже никогда больше не отсыпали курганы в Западной Европе. Они исчезли.

До XV века европейские кипчаки придерживались своего древнего обряда. Ему следовали даже в мелочах. После похорон справляли тризну, в горе резали лицо, рвали на себе волосы... Все оставалось у них, как при Аттиле, и все попало под запрет.

Джентльмены считали позором не сдержанное слово и оговор дамы. За это били кулаками, били до тех пор, пока шлем не упадет с головы виновного. У них было кулачное право, которое помогало решать многое.

Но друг другу они помогали безоговорочно. И не дай Бог, что-то продать или дать в долг. Того даже не били. С опозорившего себя срывали шлем и бросали на землю. Это означало потерю чести. Человек переставал быть джентльменом, у него отбирали коня. После чего оставалось либо покончить с собой, либо стать батраком.

Еще не был в почете мезальянс, то есть неравный брак.

Брачные союзы заключали с семьями таких же воинов. Чужаку не находилось там места: нужно иметь четыре поколения предков-джентльменов, чтобы войти в их общество, стать своим.

Но незнатные люди и чужестранцы могли проявить себя. Им оставляли шанс.

Военный подвиг делал храбреца отцом нового семейства. Хан (король) давал ему знак отличия — орден, принимал в общество джентльменов, назвав «благородным человеком».

Наследовал это звание отца старший сын. Лишь после личного подвига, отмеченного опять же орденом, он получал право передать заветный титул всем своим детям. Тогда и появлялось на свет новое благородное семейство.

Но и этого было мало, чтобы стать аристократом. Семейство получало все права джентльменов, только честно прослужив еще в двух поколениях. Чем выше ордена, тем больше прав.

Тяжелый труд — быть тюркским аристократом. Надо жить по кодексу чести, где не прощается любая оплошность. Например, уронить знамя или склонить его считалось величайшим позором и означало добровольную смерть.

Жизнь человека у джентльменов стоила меньше гроша, не она и не богатство были их ценностью — честь. И храбрость. Молодежь готовили к подвигу с детства.

Мальчика, будь он самого знатного рода, отдавали в пажи ко двору другого джентльмена. Заботы пажа были традиционны — уход за конем хозяина, чистка оружия, военные упражнения, рубка лозы. За провинности били нещадно.

В Великой Степи это называлось «аталычество». Его прошел и Аттила, и Акташ, и любой другой тюркский мальчишка, выросший в знаменитого полководца. Даже Аэций.

А без труда нельзя — не будешь мужчиной! Труд надо любить.

И мальчишка трудился. Рос, ожидая случая проявить себя. Выиграть турнир среди сверстников, отличиться в скачках на ханской свадьбе, а еще лучше — победить в настоящей войне. Это видел во сне каждый паж Западной Европы. И каждый улан Великой Степи.

...Сны юного кипчака будто подсмотрела Церковь, задумывая рыцарские ордена. Она назвала самих джентльменов «рыцарями», своими защитниками. Вот, собственно, и все, что случилось тогда, после крестовых походов. Вроде бы слегка поменяли смысл слов, а изменилось все: господа стали слугами Церкви.

Тамгу назвали гербом, придумав ей новые знаки, которые увековечили родословные рыцарей. Показательно, во многих гербах остался знак Тенгри — равносторонний крест! Не латинский, тюркский символ.

Три цвета — синий, белый, красный — легли на знамена рыцарей. Это тоже были древние символы Алтая, три цвета Вечного Синего Неба... Лентами этих цветов турки благодарят Небо и сегодня.

Меняли тогда почти все. Но изменить ничего не сумели.

Культура джентльменов осталась. Новое опять оказалось старым. А вот бойцовские турниры действительно стали другими.

Прежде смотреть бои джентльменов съезжались целые провинции, где жили «варвары». Бойцы готовились загодя. Чего только ни придумывали они. Это был парад вооружений. Смотр боевого искусства. Зрители, собираясь на праздник силы, спорили о достоинствах бойцов, делали ставки, объявляли призы. Турнирным призом были ловчие соколы. Но чаще — поцелуй знатной дамы. Ради него джентльмен был готов и в огонь, и в воду.

Турниры порой перерастали в настоящие сражения. Например, в 1274 году король Эдуард с английскими рыцарями бился с графом Шалонским и его бургундами, бились они на совесть... Папские рыцари пали в том бою, уступили. Чем и воспользовался папа — он запретил турниры. Нарушивших запрет велел отлучать от Церкви, не хоронить в освященной земле, притеснять.

Но турниры все равно не прекращались. И не могли прекратиться! Ведь они были школой мужества не только для юношей. Тогда папа повелел, чтобы воины выходили на бой в облегченных доспехах, чтобы оружие свое нарочно притупляли... Все сразу сделалось игрушечным, а турнир превратился в зрелище, в красивый спектакль.

Это стало гибелью для воинства: отказ от настоящего боя вел к беде. Привыкнув к «потешным поединкам», к игре, рыцари стали проигрывать в настоящем бою. Трагедия, как известно, всегда приходит незаметно.

Потомки ханов и не заметили, как научились держать стремя папе римскому, когда тот садился на коня. Они, аристократы тюркского народа, став слугами живого человека, погибли.

Не рыцари, нет, погибли тогда, а кипчаки Западной Европы. Их знать. Потому что аристократы склонили знамя. А это смерть.

Свое знамя народ должен склонять только перед Богом. Ему, и только Ему, можно «держатъ стремя»... В XIII–XIV веках в рыцарских замках смолкла тюркская речь. Навсегда.

Сельджуки

В эпоху крестовых походов «исчадием ада» вместо Византии стал Восток. Причин ненавидеть мусульман нашлось много. Оказывается, и они чтили крест, Иисуса Христа (Ису), Моисея (Мусу), святого Георгия (Джирджиса)... Смириться с этой «несправедливостью» было трудно. Запад чувствовал себя уязвленным.

Надо заметить, Восток и Запад тогда не очень отличались друг от друга. Они

лишь казались разными: и там, и там продолжали традицию Тенгри. И там, и там жило тюркское служение Богу!

Нет, не религия, а политика развела людей...

Папа римский, встав во главе христиан, возжелал быть и во главе Вселенной. Его именовали не иначе как Посредник между Богом и людьми, Наместник Христа. Но у Халифата был иной взгляд на будущее: он не желал снова превращаться в колонию. И Восток, зная нравы Римско-католической церкви, стал держаться от нее подальше.

Прежде, когда и у католиков, и у мусульман был общий враг — Византия, они не искали различий между собой. Султан Сельджук, основатель новой династии Халифата, покорив Восточную Византию, подошел почти вплотную к Константинополю, но город не тронул.

В XI веке, при султанах Алп-Арслане, лучшие земли Малой Азии фактически подчинялись Халифату, и опять арабы не тронули Византию... Почему они сами выпускали из рук свою удачу? Страна, висевшая на волоске, могла стать легкой военной добычей. Но мусульмане не брали ее, потому что отдали самим византийцам право выбора веры. А значит, судьбы.

Едва ли не все христиане восточных провинций Византии, узнав Ислам, приняли его. Причем добровольно. Конечно, это имело последствия в стране: власть императора стала пустым звуком. Начались дворцовые интриги и перевороты. Византия слабела на глазах.

Но Халифат по-прежнему не вмешивался. Он ждал.

Затишьем воспользовались католики, начав новый крестовый поход. Четвертый по счету, о Святой земле тогда уже не думали. В 1203 году их флот бросил якорь около Константинополя. Почти двадцать тысяч крестоносцев высадились на берег, разбили лагерь. Перед городом стояло войско папы римского — рыцари, пожелавшее одним решить судьбу византийского престола.

Но они ничего не решили. На переговорах греки их обманули. И обманутые крестоносцы стали готовиться к штурму.

Со стороны штурм казался полным абсурдом. Огромный город имел гигантское войско: сто тысяч солдат из наемников-норманнов и кипчаков Восточной Европы. Но им не платили деньги, и они не желали воевать. Так что, войско было, и его как бы не было...

Время служило рыцарям: их смелость сковала неприятеля. И не только она. Папа римский знал: империи греков пришел конец. Она обветшала: люди на перепутье веры, среди них нет единства. А если так, ее можно брать голыми руками — малыми силами. И на этот раз его расчет был точным.

Наконец прозвучал приказ. Под оглушительный бой барабанов 9 апреля 1204 года взвились знамена крестоносцев. Начался штурм, вернее, бой Давида и Голиафа. Маленький флот устремился на огромного великана. Атаку отбили. Но через три дня был новый штурм. И великан пал.

Начался пир победителей. Долго продолжался он: христиане две недели убивали христиан. Мучили женщин, детей. Горы трупов валялись на улицах. Их не успевали хоронить. Константинополь, где никогда не ступала нога неприятеля, отдал себя на милость папского меча.

Добычи хватило всем. Драгоценности грузили мешками. Как писал очевидец, «с тех пор, как стоит мир, не было столько захвачено ни в одном городе... тот, кто был доселе беден, стал богат и имущ».

Папа римский Иннокентий III, узнав о взятии греческой столицы, ликовал. Но написал крестоносцам гневное письмо. Это была уловка. Ругая, он хвалил. И сам хвалился.

Крестоносцы дали Византии новое имя — Латинская империя. В честь папы! 9 мая 1204 года избрали императором Балдуина Фландрского. Однако новой страны не получилось. Она вскоре погибла от собственной слабости: распалась на государства и княжества. А ее порты достались тамплиерам — новым хозяевам Средиземного моря.

Золото от торговли с Востоком потекло с тех пор в папские кладовые.

Конечно, в те события могли вмешаться мусульмане. Армия Халифата стояла рядом, отряд рыцарей не был ей помехой. Но она не сделала и шага. Сокровища Византии не прельщали арабов. Для Востока они оставались чужими. Холодными.

Звезда Просвещения по-прежнему озаряла средневековый Восток. Золото еще не стало его главной целью. Правители мусульман отдавали себя архитектуре, искусству, наукам. Хорошо это или плохо — судить не нам. Но явно не золото правило там.

...Наследниками Византии объявили себя Трапезундская и Никейская империи. Правда, слово «империя» для них, может быть, слишком громкое. Речь шла о двух маленьких странах. В первой у власти стояли родственники грузинских царей, во второй — греки.

Трапезундию поддержала конница царицы Тамары, она и посадила сюда правителями своих дальних родственников, братьев Алексея и Давида, взявших имя «Великие Комнины». Поговаривали, род их происходил из степной Кумании (Лебедии), а это между Доном и Днепром, в самом сердце Дешт-и-Кипчака. Там всех называли «куманами» или «команами». Духом

покровителем у них был лебедь.

Родственник братьев Комнинов прославился тем, что основал Бачковский монастырь. Сюда — а это опять же в Великой Степи! — привозили на воспитание грузинских юношей из знатных родов... сами братья-правители были синеглазыми, светловолосыми и очень красивыми, как все кипчаки.

А появились Комнины в Закавказье не случайно.

В XI веке царь Давид Строитель пригласил из Дешт-и-Кипчака на жительство в Закавказье сорок тысяч семей. Тюрки и сложили костяк его армии, они собрали мелкие княжества в единое государство Грузия. Вернее, Гюрджи — так они называли его и синеглазых грузин, излучавших силу и тепло Великой Степи. То был золотой век Закавказья, о новой стране узнали соседи... Каждый второй княжеский род был там тюркского корня.

Сам царь Давид в 1118 году женился вторым браком на сестре знаменитого кипчака — хана Кончака, того самого, что пленил русского князя Игоря... А мужем, который подарил счастье царице Тамаре, тоже был тюркский хан — Утамыш...

С приходом тюрков в Грузию появилось письмо «мхедрули» — «письменность воинов». В ней, как в тюркской письменности, было тридцать восемь букв. Внешне она очень напоминала письмо древних тюрков. Не исключено, что цари Трапезундской империи писали на ней указы и повеления.

Эти два брата-правителя оказались слишком нетерпеливыми политиками. Смелыми, но неумелыми были они. Могли победить, а не победили. Потому что в жизни нельзя без веры и без союзников... Словом, в 1215 году они стали данниками Халифата. Как птицы попали в клетку.

Алексей платил султану в год 12000 золотых монет, 500 коней, 2000 коров, 10000 баранов, 50 вьюков разного товара. И главное — обязан был держать ему стремя, когда тот выезжал на прогулку...

Бесславно Трапезундия сошла с орбит мировой политики. Словно комета, вспыхнула и погасла в небе.

Сельджуки решили бы судьбу всех наследников Византии уже тогда. Но... в мире появилась новая сила, она угрожающе росла, как грозовая туча на горизонте.

Имя ей — «Чингисхан».

Чингисхан

После Атиллы тюркский мир медленно умирал. Междоусобицы истощали его. От Байкала до Атлантики, от Москворечья до Индийского океана не стихали они: тюрки терзали друг с друга. Веками. Не щадя.

Едва ли не все войны, что пришлось на средневековье, были их войнами. Во враждующих армиях сражались кипчаки: одни за итальянцев, другие — за

византийцев, третьи — за арабов, четвертые — сами за себя или еще за кого-то...

Война давно стала образом жизни народа.

В V веке стычки раскололи страну Аттилы, лишив ее будущего. Они же, между Мусульмане имели когда-то сильную армию. Им не было соперников в политике, науке, искусстве. Но что случилось, то и случилось... Впрочем, сгубили их даже не сами раздоры правителей, они были и будут всегда. Судьбу Халифата решил удар, последовавший с востока, арабы сами вызвали его.

Алтай нанес смертельную рану.

После Великого переселения народов Алтай был островком, заброшенным в океане. Человечество словно забыло о нем. О Римской империи, Византии, Халифате знало, а об Алтае — нет.

Вот он и напомнил о себе.

Напомнил рождением величайшего тюрка. Гения всех веков и народов. Родители нарекли его Темучином. Мальчик родился в Делигун-Булдаке, священном месте на берегу Онона. Керуленский луг первым увидел его. Отец ребенка, Есугей-багатур царствовал в предгорьях Алтая. Но слишком мешал он завистливым недругам, и они отравили его.

Хотели убить семью правителя, однако на пути встал сын с оружием в руке. Тринадцать лет было храбрецу. В его глазах пылал сметающий огонь мщения, а лицо светилось лучом победы. Враги, увидев такое, даже опешили. Это и спасло мальчика, ему дали уйти. Не тронули.

Он ушел очень далеко. Жил в лесах, добывая себе пропитание. Окреп. Собрал отряд. Прошли годы, и имя Темучин произносили с трепетом в голосе: перед умом и бесстрашием юноши склонялись даже зрелые воины.

Все складывалось, как в легенде об Ат-сызе: обездоленный сын пошел на чужбину искать себе имя... Было именно так.

Юноша вернул славу отца. Из черепа отравителя сделал кубок для вина. «Душа всякого дела видна, когда оно завершено», — с тех пор говорят тюрки.

Только тогда Темучин принял власть над Алтаем. Его нарекли Чингисханом. То есть «великим ханом», «непреклонным ханом». Иное имя и не годилось. Новый правитель задумал возродить древнее государство — Великий Алтай.

Он первым делом прекратил междоусобицы, терзавшие народ. Составил свод законов (их называли «ясой», «турой», «адатом») и объявил их людям. Яса Чингисхана карала за обман, за предательство, за неоказание помощи воину на поле битвы, за воровство.

За нарушение Ясы — смерть. Так поступали с преступниками на Древнем Алтае. Только так решил поступать и Чингисхан... Тюрки вспомнили предков!

Все вдруг сделались справедливыми друг к другу: глухие стали слышать, слепые — видеть, безмолвные — говорить. По Ясе жили теперь и правитель, и раб... О междоусобицах не думали. «Слово уст моих станет мечом моим», — объявил Чингисхан. И его правильно поняли.

«Яса Чингисхана» — это Конституция. Сегодня ее бы назвали именно так. Никто в мире не соблюдал закон так строго, как сам правитель. Даже враги умолкли, видя справедливость его власти. Каждый знал: наказание неминуемо. И никаких поблажек. Никому.

Но самым великим делом Чингисхана была не Яса. «Люди разной веры должны жить в мире, — провозгласил он. — Мы вновь станем братьями». Ни у одного правителя мира не родилась эта светлая мысль: везде — и на Западе, и на Востоке — вера разделяла людей, ссорила их. А здесь, наоборот, объединила.

Поразительно... Христиане и мусульмане выясняли, чья вера лучше, а алтайские тюрки напомнили им о Боге Едином, сотворившем мир, о вере. «Что лучше?» — спрашивали они себя и других. Он на небе, Он видит все, Он судья всему. Мир совершенен, потому что им правит Всевышний.

Вера в Тенгри, которую возвысил Алтай, и собрала разные народы под знамя Чингисхана, вдохнула силу в его государство. Люди разных религий ощутили: у них один Отец — это Всевышний. Есть сведения, что к Чингисхану пришли служить даже англичане. Возможно, уже не называвшие себя тюрками, но приехавшие воевать за веру. За чистую веру. Это очень показательный факт! Ведь Чингисхан своим подданным разрешил христианство, ислам, буддизм — на выбор. Но лишь после молитвы Тенгри. «Надо лишь душой верить в Бога, и — придет победа»...

Правитель понял эту истину, когда ему шел двадцать восьмой год от роду. Тогда он и примирил враждующих тюрков. Его называли Суту-Богдо, что означало «сын Неба».

Тюрки снова становились Народом.

Чингисхана и его людей обычно называют монголами. Но... у правителя были голубые глаза и рыжая борода, это отметили очевидцы. У его отца — зеленые глаза, отсюда прозвище Зеленоглазый (Борджигин). Отца и сына отличала явно кипчакская внешность. Кто же были они на самом деле? Не монголами.

Слово «монгол», как выяснили сами монголы, появилось в XI веке. Не к народу относилось оно, а к некоторым родам восточных тюрков — теле. Почему? К сожалению, многие подробности здесь не ясны. Возможно, назвавшись «монголами», эти роды хотели отделиться от западных тюрков Алтая, с которыми враждовали. Возможно, причина в ином.

Но так или иначе, а в 1206 году Чингисхан произнес: «Народ, который связал себя со мной против всех; народ, который вооружил мою мощную мысль своей великой силой... Этот народ, чистый, как горный кристалл, я хочу, чтобы назывался кеке-монгол» (небесное счастье).

Вот, оказывается, откуда слово «монгол». В устах Чингисхана оно означало не народ, а «счастье, ниспосланное самим Небом». В этом слове был великий расчет. И состоял он вот в чем.

Чингисхан, тюрк-динлин, пришел к братьям, тюркам-теле, и стал их правителем... «Продал меч, чтобы обрести имя», — говорили в этом случае на Алтае.

Именно так поступали предки за тысячу лет до Чингисхана, уходя служить на чужбину. К парфянским царям, к правителям Персии, Индии, Египта. Они, безымянные сыновья Алтая, основали там не одну правящую династию. Из их среды вышли иные знатные вельможи Азии и Европы. «Я — бродячий воин-император», — говорил о себе Великий Могол Бабур, отправляясь в дальнюю дорогу за именем и властью.

Заметим, слова «монгол», «монгал» и «могол» в средние века были абсолютно одинаковы по значению. Просто разные народы их произносили по-разному.

...Первыми силу Чингисхана узнали китайцы, им тюрки Алтая много веков платили дань. Император удивился послам Чингисхана, однажды явившимся к нему: удивился их требованию. А оно было ясным как день. Алтай назначал дань императору, этому «самому ничтожному из людей».

Услышав такое сообщение, китайцы потеряли дар речи.

Но тюрки вернули его. Они, одолев Великую китайскую стену, вошли в Поднебесную империю и окружили девяносто городов. Потом взяли их. Огромная армия китайцев стонала от собственного бессилия. Всадники били ее и быстро исчезали. Воины Чингисхана появлялись всегда неожиданно, вдруг, когда враг их не ждал. И исчезали там, откуда появлялись.

Пришельцы малыми отрядами передвигались по незнакомой стране, словно по своей собственной. Как им удавалось такое?.. Принято думать, что компас изобрели китайцы, но это не так. Не было у них компаса! Он был только у тюрков, помогая им ориентироваться в чужой стране.

И здесь не обошлось без мудрости Чингисхана. Дальновидный полководец прекрасно знал города и дороги Китая. Будто видел их. Воевать ему помогали географические карты, составленные по его приказу. Он у себя в ставке — в орде — знал, что впереди, за сотни километров.

Его войско уверенно шло вперед, разведка — тоже одно из достижений Чингисхана! — работала безупречно. Поэтому войны, как таковой, и не было.

Китайцы получали удар за ударом. Всегда неожиданно и всегда в самое болезненное место. Большая армия и не требовалась.

Чиновникам императора ничего не осталось, как самим пригласить послов Чингисхана и согласиться платить дань. Правителю Алтая отправили китайскую принцессу, 3000 коней, 500 юношей и столько же девушек. Золота и шелка не пожалели.

В завоеванной части Китая Чингисхан назначил своего правителя и поручил ему закончить покорение страны...

Казалось бы, что можно увидеть в поверженной стране? Горе, пожары, страдания? Нет. Собственное величие и силу своей армии? Тоже нет. Чингисхан не был бы мудрейшим из мудрых, если бы и в чужой стране не проявил свою избранность. Бог открывал ему то, что другие люди не замечали, хотя все лежало на самом виду.

Скажем, в его честь китайцы устроили салют. Хлопушки, фейерверки. Миллионы людей веками видели их и не удивлялись, а Чингисхан удивился. Потому что увидел не хлопушку, а ружье. Огнестрельное оружие, о котором никто не знал. Даже не догадывался... В руках китайцев был порох — ключ от средневекового мира, а они не подозревали об этом.

Многому научил Китай Чингисхана. Не раз удивлял его. И опытом инженеров, и умением простых мастеров. Предусмотрительный тюрк заказал там машины для взятия крепостей, их тоже никто в мире не делал... Конечно, осадные машины были и в армии римских императоров, но они казались детскими игрушками перед замыслом Чингисхана.

«Знанию принадлежат почести», — учили предки. И великий правитель помнил их слова, он учился всю жизнь. И не стеснялся этого.

О его армии обычно пишут как о «диких ордах». А о технических ее новинках не говорят сознательно. Например, о зажигательных снарядах — прародителях артиллерии... Нужна целая книга, чтобы рассказать о Чингисхане-полководце. Это был художник на поле брани, он всегда придумывал что-то особенное. Свое. Скажем, каждому всаднику дал по два коня, чтобы менять их в походе. И армия стала вдвое быстрее и выносливее, а ее действия — внезапными.

В обыкновенной степной колючке он увидел новое оборонительное оружие — железные шипы. Ими тюрки срывали атаки неприятеля. Сбивали любое преследование.

Все у него армии было особенным и неповторимым. Как в мастерской у великого художника.

...Следующим после Китая на пути Чингисхана встал Халифат. Султан

Мухаммад, правивший там, слишком недостойно повел себя. Он не понял, кто перед ним.

Этот султан выглядел рабом, укравшим наряды хозяина, когда-то его предки были рабами Сельджуков и предали их. Он и вел себя, как раб. Оскорбленные его поступками мусульмане сами обратились за помощью к Чингисхану. К этому «великому заступнику всех тюрков» — так написали они в своем послании. Им стал неприятен султан с душой раба.

Но Чингисхан не хотел воевать с мусульманами, предлагал им совместную торговлю на «шелковой дороге». В 1218 году отправил через земли караван с дорогими товарами.

Однако раб есть раб, даже в одежде султана: ему и во сне снится обман, потому что сам всегда обманывает. Он и приказал напасть на мирный караван. Купцов убили, товары украли. Тогда Чингисхан через послов потребовал удовлетворения. Но султан Мухаммад велел убить и послов, заподозрив в них угрозу.

Недоверие слишком опрометчиво, если имеешь дело с благородным тюрком. Ответ последовал незамедлительно.

Но прежде Чингисхан по древней традиции своего народа поднялся на вершину горы и обратился к Тенгри. Три дня и три ночи ждал он ответа. Три дня и три ночи крошки хлеба и капли воды не было на его губах, лишь ветер студил тело, утоляя жажду.

Когда он спускался с горы, армия знала, что делать. Завидев полководца, воины начали скандировать: «Тенгри, Тенгри». И молиться... Воистину, вера очищает сознание. Было так и на этот раз.

Под знамена полководца и его сынов собралось семьсот тысяч всадников. Весь Алтай. В Средней Азии готовились сойтись на поле битвы две великие силы. Таких сражений мир не видел и при Аттиле. Алтай против всего мусульманского Востока.

Один на один.

Битва у Сыр-Дарьи началась рано утром, а закончилась ночью. Самодовольный султан в том бою потерял половину войска. И лишь тогда понял ничтожный раб, на кого поднял руку. На армию, над которой распластал крылья ангел-хранитель.

«Настал день гнева Господня», — стали говорить мусульмане.

Фергана, Отрар, Ходжент, Бухара, Самарканд. Едва ли не все города Средней Азии взял Чингисхан: его осадные машины работали исправно, городские ворота разлетались в щепки... «О народ, безмерность твоих грехов очевидна, я явился, гнев Всевышнего, посланник всемогущего Бога, грозная кара», —

сказал сын Неба в Бухаре, в главной мечети города. И все склонились перед ним, потому что в его словах была правда.

...С тяжелой добычей возвращалось войско домой, на родину, чтобы повелитель тюрков наслаждался жизнью и старостью. А в 1227 году полководец ушел в последний поход. Самый дальний, из которого не возвращаются.

Тенгри-хан принял его светлую душу.

Сульде «небесного счастья»

Его знамя называли Сульде. Оно было духом-хранителем тюркского народа, его «жизненной силой» (так переводится слово). С ним шли в бой, с ним побеждали воины Великого Алтая.

Сульде и Яса Чингисхана помогали тюркам в самую трудную минуту. Они были гласом Неба. Давали народу уверенность и силу. Их присутствие почувствовали сразу и все. Например, в 1222 году, когда отряд разведки Чингисхана взял Дербент, Тифлис и другие города Кавказа, хан Джебе принес сюда весть о Сульде и Ясе Чингисхана. И ему, посланцу правителя, живущие здесь тюрки подчинились без боя.

Люди поняли: речь идет о знаках священной войны, которую начал Алтай. Войны за возрождение тюркского народа!

Отряд хана Джебе был невелик числом, всего 25 тысяч всадников, но прошел он от Самарканда до Днепра, что сравнимо разве что с походом Александра Македонского. Однако совершил куда больше, чем вся армия Македонского.

Что это было? Современники не поняли, а историки так и не объяснили. Удадь? Шалость? Умная нелепость? Возможно, и то, и то. И даже что-то другое. Но поход был рассчитан с математической точностью! Просто поразительно. Разведка шла по незнакомому краю, будто по двору собственного дома.

И здесьгодились компас, географические карты.

И здесь отряд был похож на призрак. На посланников Неба. Встретив их и узнав их цели, никто из кипчаков не осмеливался поднять глаза на знамя Чингисхана. Все склоняли перед ним голову и колени.

А с противниками Ясы поступали просто — по закону... Так поступили на Северном Кавказе с кипчаками, которые обнажили шашки против священного Сульде. И поплатились за это.

К сожалению, тот поход хана Джебе толком не изучен. Слишком по-разному отзывались о нем современники. Кто-то описывал с радостью, кто-то — нет. Особенно враги Великой Степи. Они всегда захлебывались желчью, говоря о нем и о самом Чингисхане.

Но вот факт, от которого нельзя отвернуться: отряд разведки вошел в каганат

Великая Болгария. Вошел легко, не встретив серьезного сопротивления. Потому что он следовал Ясе Чингисхана и объявил об этом... Вторжение не было вторжением врага! Не в чужие земли вступали конники. Они пришли освободить тюркские земли, истощенные междоусобицами, разоренные разбоем византийцев.

Великая Болгария тяжело болела с IX века. После императора Льва Исавра, который, как на беду, приблизил ее к Византии. Греки поначалу «заразили» болгарских тюрков христианством... Потом подчинили их своей Греческой церкви. А потом уже разбойничали у них по примеру католиков, захвативших власть над всей Западной Европой.

Не случайно же одного из византийских императоров прозвали Болгаробойца. За победы в Великой Болгарии получил он это имя. Самые страшные пытки бледнеют перед тем, что творили там греки-победители. Пятнадцати тысячам кипчаков они выкололи глаза, чтобы те не видели Неба... Ине молились Тенгри.

Это они, греки, рассорили болгарских ханов. Это им, грекам, был на руку раздор у тюрков, так они начали утверждать свою власть в Великой Степи... Восток Европы запылал, как огромный костер, от нового греческого огня.

Трагическое непонимание окутало Великую Степь.

В пылу всеобщего пожара хан Богур первым предал тюркский народ. В 852 году он, известный ныне как царь Борис или Богорис, подняв мятеж в Великой Болгарии, совершил измену. Мятежники обезглавили пятьдесят две благородные тюркские семьи. И Богур стал царем, назвав подданных не кипчаками, а славянами.

Чтобы утвердиться, этот предатель в 864–865 годах навязал своему народу греческое христианство. Себе взял имя Михаил, в честь крестного отца — византийского императора Михаила III.

Греки помогли ему. А он помогал им.

...К «болезни» Степи не раз прикладывал руку папа римский. Но там совсем другая история — не кровавая, не жестокая. Она о том, как мягок голос дьявола, заставивший иных кипчаков Восточной Европы признать власть папы римского: после крещения они стали мораванами, чехами, поляками, австрийцами, хорватами, венграми... История трагическая и туманная.

В 882 году союзники византийцев, норманны, захватили север каганата Украина. Появилась Киевская Русь, а с ней — новая «болезнь» Степи. И здесь потомки Аттилы тоже стали «славянами», «христианами», даже не поняв, как.

...Выходит, разведку на Запад Чингисхан выслал не случайно, ее предопределила История. Великий предводитель прекрасно знал, что творилось

в Европе. «Тюрки должны вернуть утерянное имя», — решил он.

Хан Джебе и его помощник Субутай (Судебей) принесли с Алтая на восток Европы священное Сульде. Оно стало лекарством от всех болезней тюркского народа. Повелитель приказал разведчикам «идти так далеко на запад, пока не встретится хотя бы один тюрк». И хан Джебе шел только вперед, желая восстановить имя и честь своего народа. Ему не нужны были чужие страны.

Разведчики Чингисхана не вел и захват. Они спокойно намечали стоянки для войска, которое вскоре придет сюда. Из местных кипчаков назначали приставов, которые будут собирать подати для армии, осуществлять власть. Все ставили на учет, все было подвластно им. Они, как лекари, делали незаметное, но полезное дело: лечили больные земли.

О тех днях напоминают слова, появившиеся тогда. «Есаулом» называли пристава, «ямщиком» — того, кто на яме (почтовой станции) будет визировать паспорта. «Дарога» — ответственного за порядок и пути-сообщения... Мышь не проشمыгнула бы за спиной Джебе и Субутая. Потому что они возвращали порядок в государство!

В 1223 году отряд подошел к границам Западного мира. Их, эти границы, определил папа римский, вернее, власть Церкви, которая полностью подчинялась ему.

Киевская Русь была восточным оплотом невидимой папской империи. Возможно, она и не знала, что, приняв христианство, стала папской колонией. Но именно здесь, в степях Украины, сходились тогда Восток и Запад. Поэтому здесь и должны они были мериться силами. Как при Аттиле...

Их бой был неизбежен. Разумеется, завязывался он не только из-за подлого убийства послов Чингисхана в Киеве. Все было куда сложнее: столкнулись два мировоззрения. Две культуры, две правды. Каждая отстаивала себя, свою жизнь.

30 мая началось знаменитое сражение с русскими князьями, их армия в четыре раза превосходила отряд Джебе и Субутая, им помогала вся Европа. Все было на их стороне... Кроме Бога.

Сражение началось необычно. Сначала отряд хана Джебе умело показывал свое неумение воевать, потом сделал вид, что испугался, и стал спешно отступать. Это был спектакль — боевое искусство, так воевал Чингисхан с превосходящим противником. Но русские князья не знали о том, они бросились в погоню и на многие километры растянули свое войско. Их огромное преимущество растаяло, как снег весной.

Лишь у речки Калки понял киевский князь Мстислав, что случилось, да было поздно. У Калки и началась настоящая битва.

Мало кто уцелел в ней. Шесть князей, семьдесят бояр, десятки тысяч простолюдинов остались в поле. Отряд разведки шутя разгромил огромную армию, на которую сделал ставку папа римский, объявив о «втором Риме» на востоке Европы.

Кипчаки, забывшие Алтай, получили хороший урок.

Правда, и они не остались в долгу — отомстили за Калку. Но без русских. Осенью того же года дерзко напали на отряд Джебе и Субутая, когда те перешли Итиль (Волгу)...

Что ж? Ответ, достойный тюрка.

Иго, которого не было

И все-таки недоумение оставил тот выдающийся поход: со своего поражения на Калке Русь ведет отсчет татаро-монгольского ига. А победу Великой Степи она записала у себя в истории не как победу и не как поражение, а как исчезновение страны кипчаков с лица Земли.

Чудеса, да и только.

Будто бы кипчаки после той своей великолепной победы подарили разгромленным русским свои города, станицы, пашни и пастбища, а сами ушли неведомо куда... Трудно представить — исчез многомиллионный народ! Сам. Добровольно. В одночасье. И следов не оставил. Но именно так утверждает официальная история.

Могло ли быть такое?

Здравый смысл подсказывает, что не хватило бы русских на всем белом свете, чтобы принять тот «ханский подарок» — заселить города одного только Дона. А Дон не Великая Степь. Это — малая ее толика.

Русь была в сто раз меньше Степи...

Выходит, «иго» и все, что связано с ним, придумано?!

Верно, придумано. Известно, когда — в 1823 году. Известно, где — в Петербурге. Известно, кем — учителем гимназии.

К сожалению, искажений в истории народов много. Всяких. На них росли поколения людей, от которых скрывали правду о предках и о них самих. Так было заведено в Западной Европе, так с XVIII века стало в России.

Все складывалось, конечно, иначе.

Поход хана Джебе и Субутая, как холодный душ, остановил Чингисхана. Он понял, бой у Запада ему не выиграть. Мешают кипчаки! Те самые, что не признали Сульде и Ясу. Интерес полководца к Западу остыл уже в 1223 году.

Дело решил случай, как часто бывает в жизни.

Однажды Мангуш, сын хана Котяна, охотился с соколом в степи. Ему встретился хан Аккубуль, давний соперник их рода. Им бы разъехаться! Тогда

вся мировая история сложилась бы иначе. Но они не разъехались, сошлись. В поединке Аккубуль убил юношу.

Едва печальная весть долетела до Днепра, до владений хана Котяна, как он собрал войско и пошел на Дон, на хана Аккубуля.

Вдоволь погуляли по Дону запорожцы... Раненный Аккубуль еле спасся. И, не найдя сил для ответного удара, отправил брата своего, Ансара, на Алтай, за подмогой. Тот и привел «монголов» на Дон.

Случилось это через пять лет после битвы на Калке. Самого Чингисхана уже не было... Так началось «татаро-монгольское иго». Хотя в нем нет ничего унижительного. Ведь «игэ» на древнетюркском означает «хозяин». У Великой Степи появился хозяин — это Яса. И Сульде.

Ни исчезновения народа, ни вторжения «орд кочевников», ничего не было. Прибыл суд, который заставил подчиниться Закону. Яса особо карала за ссоры и раздоры между своими... Степняки прекратили междоусобицы, вернули в свои дома мир.

Запад ставил их, а Чингисхан помирил. Вот что было.

Внешне жизнь шла вроде бы, как прежде, но уже по-иному.

Степь, признав Ясу, осталась уделом «своих», то есть тюрков. И на Дону, и на Днепре, и на Волге (Итили) жили они. И никто иной. Сорок их поколений сменилось здесь со времен хана Акташа. Кипчаки давно стали коренным народом Степи.

Приняв «игэ», они конечно же не изменились внешне, но свои земли уже называли по-новому: Золотая орда, Голубая орда... Новая жизнь пришла! Это и оставило след.

В новых названиях Степи был свой знак: по цвету знамени выбрали их. «Орда» означало уже «страна, признавшая Ясу».

Сыновья Чингисхана огромную Алтайскую державу поделили между собой на орды, где командовал хан. Старший сын, Джучи, получил западные земли — Золотую Орду, но правил там его сын Батый.

Столицей Золотой Орды он выбрал Сарай — самый богатый город в Восточной Европе. Его фонтаны, дворцы приводили в восторг даже венецианцев, которые навевались сюда. Сарай быстро стал перекрестком торговых дорог, где стекались товары Востока и Запада. Любые предметы роскоши продавались на его базарах. В городе жили искусные ремесленники, их мастерство изумляло византийцев. Археологи, например, нашли там кофейный сервиз тончайшей работы, изящные золотые украшения, монеты (они хранятся теперь в Эрмитаже).

Город славился прекрасной библиотекой, учеными. И это в столице «кроважного» Батыя, «дикаря», как пишут о нем иные историки... Но факты убеждают в обратном.

Известно, что самого Батыя сородичи звали Саинхан, это его домашнее имя, то есть «добродушный». Хан был толстым увальнем. Ленивцем. Любил роскошь и безделье, долгие беседы за столом. Он не испытывал ни малейшего интереса к войнам и походам.

Конечно, Батый воевал. И воевал успешно. Но не по своей воле. Под его знаменем стояли триста тысяч всадников — кипчаков с Днепра, Дона и Итили. В их числе «монголов», то есть пришельцев с Алтая, было лишь четыре тысячи. Их прислал дядя Батыя, хан Октай. Он же назначил Субутая главнокомандующим Золотой орды. Этот любимец Чингисхана и принес славу Орде. Решительный был человек. Это он заставлял Батыя поступать так, как считал нужным. Не отступал ни перед чем.

По его настоянию в 1237 году ордынцы приобщали к Ясе рязанских и других кипчаков. В 1240 году город Киев, не принявший Ясу, узнал, какова плата за ее преступление. Потом были Буда и Пешт, Прага, Краков, Пожега и другие тюркские города.

Благодаря Субутая Центральная Европа, где жили тюрки, вспомнила предков!.. Он, а не Батый посрамил в бою польских, богемских, немецких и венгерских рыцарей. Великий Мастер боя. Европа не знала полководцев такого таланта. В его грандиозных победах удивляли изящество и легкость.

Субутай воевал строго по завету Чингисхана. А завет велел идти вперед и остановиться там, где кончается тюркский мир. Чужого не брать. Отвоевывать только свое. Вот почему в 1238 году, по дороге на Новгород, войско Батыя повернуло назад. Разумеется, оно никого не испугалось.

Просто Субутай увидел — там нет тюрков, значит, то чужая земля. Ее обложили данью и ушли.

У Москвы-реки в XIII веке кончался тюркский мир. Дальше к северу тянулись земли финно-угорских народов. Чужие земли.

«Обложить данью» тогда значило не «покорить», а «заклучить союз». Дань — это и договор, и налог. Это вовсе не кровавое и страшное слово. Чингисхан велел охранять слабых союзников. И Батый следовал его воле. Может быть, даже слишком усердно.

Яса Чингисхана обязывала его защищать любой город, любую страну в обмен за молитву Богу Небесному. И за признание хана. Ничего иного от данника хану не требовалось. Только чистая молитва Богу...

Вот и вся дань, которую платила Русь Золотой орде при Батые.

Тюрки за это охраняли своего данника от внешних врагов. Например, Новгородское княжество охранял хан Алискандер. Он, сын владимирского князя и кипчакской княжны, вырос во дворце Батыя, был молочным братом его сыну Сартаху. Под степные песни росли два мальчика.

На свое знаменитое Ледовое побоище хан Алискандер в 1242 году вывел всадников Золотой орды, они проучили «псов рыцарей». Они! Не русские. У русских тогда вообще не было армии, и своих юношей они отправляли служить в Орду, как требовал договор...

Выходит, хан Алискандер и Александр Невский — это два совершенно разных человека в одном лице. В XVIII веке, когда «исправляли» историю России, хана сделали «Невским», русским святым. Но «Невским» он быть не мог, потому что не участвовал в Невской битве. Там сошлись войска шведов и финнов. И не на территории Руси выясняли они свои отношения.

Батый — тоже человек с «двойной историей». А он ведь помогал Церкви. При его «татаро-монгольском иге» выиграли в первую очередь русские монастыри: их стало на Руси в несколько раз больше. «Молящиеся Небу пусть молятся», — сказал хан.

Он освободил духовенство от податей, усердно строил новые церкви, его сын Сартах принял сан дьякона. Правда, сам Батый не стал креститься, узнав, что в церковь заносят покойников — он их ужасно боялся. Но жена его христианкой стала.

Видимо, не случайно агенты папы римского, венецианцы, подолгу гостили в Сарае у Батыя. Они склонили его к христианству: он первым в Орде усомнился в вере отца и деда... Поведение хана стало сродни предательству.

Дважды Батый предал Орду. Дважды изменил тюркскому миру.

Этот толстый увалень рассорился с аристократами. Они открыто презирали его за измену вере, за лень. Поначалу Батый молча терпел, потом пожаловался дяде и, не найдя опоры, с жестокостью слабого бросился уничтожить ненавистных ему людей. Много голов пало от рук палачей.

Аристократы стали спешно покидать Родину. Одни ехали на Кавказ, там скрывались от обезумевшего потомка Чингисхана, которого и убить не могли, и видеть не желали. Иные знатные люди спасались в Западной Европе. А часть их устремилась на север, на земли финно-угорских княжеств, неподвластных Батыю. Тверь, Кострома, Москов и другие лесные городки приютили степных пришельцев...

С них, с этих прибывших тюркских аристократов, началось российское дворянство: кипчаки взяли русские имена, пошли на службу к русским князьям.

Сказочно обогатилась Русь. Аксаковы, Аракчеевы, Булгаковы, Годуновы,

Голицыны, Кутузовы, Куракины, Нахимовы, Огаревы, Пушкины, Суворовы, Тургеневы, Толстые, Чириковы, Юсуповы... Три сотни тюркских фамилий осели на Руси!

Три сотни родов. Цвет будущего дворянства. Самые лучшие, самые достойные. Они навсегда ушли из Великой Степи, из родного тюркского мира. С них, а не с Киевской Руси и пошла Россия.

Они, тюркские аристократы, по примеру предков «продали меч ради имени», стали вельможами другой страны. Даже русские цари Романовы по крови тюрки — из рода Копыл, об этом говорит их родословная.

Так, своим капризом, упрямец Батый создал Россию!

С его нелегкой руки городишко Москов из захолустья превратился в княжескую Москву. Но не торговлей, не ремеслами прославилась она. А оброком, который собирали его новые жители «со всея Руси».

Это был город-жандарм, служивший Орде.

Инквизиция

Поход хана Батыя в 1241 году очень напугал Европу.

Тогда тюркская армия подошла к самым границам Италии: к Адриатическому морю. Она разбила отборное папское войско. И зазимовала, готовясь к походу на Рим. Исход дела был лишь вопросом времени.

Конечно, не о захвате Рима думал Батый. Тюрки-католики, осевшие там, должны подчиняться правителям своего народа, а не папе. Так посчитали на Алтае, отправляя войско в далекую Европу.

Страшно представить, что творилось в ту зиму. Настоящий конец света. Всюду паника, переполох. Потомки Аттилы ждали Суда, идущего с Востока. Говорили только о нем. А что это? Толком не знали. Католиков страшили не «монголы», а порядок, который несли они.

При новом порядке римский папа становился лишним на этой земле...

Жители Готландии (Швеции), например, были настолько напуганы, что перестали ловить селедку и вообще выходить в море, боялись случайно привести за собой следом армию Батыя. Рынки закрылись. Всем было все равно. Безразличие царило кругом.

Улицы европейских городов заполняли люди, ослепленные страхом и не знавшие, от кого и куда бежать. Они словно чувствовали за собой большую вину. Но какую?.. Батыя ждали. И ждали каждый день. «Боже, спаси нас от ярости татар», — просили европейцы, поднимая к небу глаза. В Англии даже появилось выражение: «To catch a tartar» (схватиться с татаринном), то есть «столкнуться с заведомо более сильным противником».

Но нападения не последовало...

К началу марта 1242 года, уже перед самым наступлением, в ставку пришло известие: на Алтае умер любимый дядя Батыя, хан Октай. И Батыя словно подменили. Он потерял себя — целыми днями метался в слезах, не находя места. Ни о каком походе не желал даже слышать.

В очень тяжелом положении оказался главнокомандующий: не отступить, не наступать он без хана не мог. Армия, созревшая для решающей победы, стояла на перепутье. Батый слезно, на коленях, молил Субутая отпустить его. Ничто не прельщало обезумевшего от горя хана. Даже скорая победа.

И он, в конце концов, уехал, бросив армию на произвол судьбы.

А главнокомандующий Субутай, чтобы обмануть неприятеля, выдвинул вперед отряд разведки, показывая европейцам, что его намерения серьезны. Отряд громил встреченные города, словом, вел себя решительно и непримиримо.

Тем временем армия медленно, чтобы избежать подозрений в бегстве, отступала. Субутай хитрил мастерски. Заявил, например, что Алтай прощает европейских кипчаков, изменивших вере в Бога Небесного...

И только тогда Европа облегченно вздохнула.

А за дело взялся папа римский Иннокентий IV. У него созрел дерзкий план: он решил обратить своих врагов в союзников.

Этот папа слыл выдающимся юристом и тонким политиком. Его предки были кипчаками — лангобардами, у них, а не у римлян, он имел поддержку: папа происходил из рода иноземных рыцарей. В 1245 году он отправил своего посла, монаха Джованни дель Плано Карпини, на Алтай. В столицу «монгольской» Империи, город Каракорум. Цель поездки вроде бы самая мирная: папа, признав Тенгри, предлагал тюркам союз для борьбы с мусульманами.

Хитрейший политический ход. И неожиданный. Не войны, а союза искал он! Чтобы Алтай и Запад встали рядом против мусульманского Востока. И — Европа спаслась бы от нового нашествия тюрков... Придумано отлично.

Посла сопровождал другой монах, толмач (тюрк-переводчик) Бенедикт Поляк. Они проехали через Великую Степь и увидели ее своими глазами — глазами шпионов! Разведка удалась на славу. О ней они написали отчет папе, а потом и книгу. То были первые католики, побывавшие на Алтае — в Эдеме.

Потом, в 1253 году, под тем же предлогом сюда ездил еще один папский шпион — Гильом де Рубрук...

В XIII веке у Церкви вызрел план, его идею подсказала Яса Чингисхана. Гениальный план, названный инквизицией. Суть его была проста и понятна: чтобы избежать новых атак Золотой Орды, надо полностью стереть следы

присутствия кипчаков в Европе. Сделать так, чтобы ничто не указывало на них. А как?

Замаскировать! Ведь Яса Чингисхана обязывала вести войну не против европейцев, а только против тюрков, живущих здесь. «Идти вперед, пока не встретишь последнего тюрка», — призывала она. Дальше поворачивай назад.

Вот почему Батый не пошел на Византию! Там смолкла тюркская речь, а в Западной Европе — нет.

Папские помощники вновь оказались на высоте положения.

Об инквизиции они заговорили на церковном Соборе в Тулузе в 1229 году, после поражения русских на Калке. Потом — в Лионе в 1245 году, уже после похода Батыя в Европу.

Идею подсказал монах Доминик, предложив создать еще один орден. Самый грозный и самый могучий. Чтобы он уничтожал все тюркское, чтобы ему подчинялись суды, чтобы он вел розыск виновных и сам проводил следствие... Словом, суд и палач в одном лице.

Так появился орден доминиканцев. На его гербе красовались свирепые псы, вынюхивающие ересь. Все тюркское называли ересью.

Конечно, не всем понравилось это решение. Кто-то из католиков не пожелал забывать тюркский язык. Не пожелал «маскировать» свои родные обычаи. Они и стали первыми жертвами инквизиции. Их объявили еретиками.

Между прочим, слово «еретик» — тюркское. Да, даже оно! И здесь ничего нового тюрки-католики не придумали. Так называли того, кто отвергал взгляды Церкви. По-тюркски «ересь» — «то, что надо отвергнуть». С помощью инквизиции католики и «маскировали» Европу.

По-человечески их понять нетрудно. Люди ощущали себя не тюрками, а европейцами. Монголы — братья, десятым чувством они, возможно, и осознавали это. Но в первую очередь видели в них людей другой культуры — не европейской. Значит, уже чужой и враждебной! Чужие братья... Они отличались друг от друга, как принц и нищий.

Но каждый думал, что принц — это он.

Оказывается, чтобы быть единым народом, мало говорить на одном языке и иметь общие корни. Нужна общая культура, а ее уже не было: Великая Степь за века растворилась, размылась на Западе. Стала частью Европы. Лишь еретики, эти островки в океане забвения, указывали на бывшее — на тюрков...

Но что не принимали еретики? Что искали? За что держались?

Их общины в средневековой Европе считали на десятки: богомилы, катары, альбигойцы, оливиты, эвхиты, иоахимиты... Одни слыли известными и многочисленными, другие — нет. А общим у них было одно: они выступали

против Церкви. Вернее, против тьмы, которая затянула небо Европы.

По-своему объясняя зарождение мира, веря в переселение душ, они упорно не признали Христа равным Богу. Считали, что Бог един, что Он на небе... Нет, они не отрицали религию Европы. Они лишь указывали на пороки, которые несли миру люди Церкви.

Их возмущало, что священники, называя себя «слугами Божьими», купались в роскоши, умирали от обжорства, а народ, который слушал их проповеди, нищенствовал.

Видимо, то были не самые глупые люди, эти еретики. Тайны исповеди они доверяли Богу, не подпуская и близко папских слуг к своей душе. И этим, конечно, тоже раздражали Церковь.

На юге Франции и севере Италии, которые, по выражению монахов, «кишели ересью», известность получили катары. Их еще называли болгарами, хазарами. И даже лангобардами. Они, потомки джентльменов-иноземцев, хранили веру в Тенгри, имели свою Церковь.

Их поддерживали во Фландрии и других странах, где тоже жили тюрки, помнившие Тенгри.

Катары, например, считали, что обряды у католиков излишне богаты и пышны. «Бог любит скромность», — настаивали они. И эти слова тоже раздражали Церковь, которая, разбогатев, полюбила богатство, сытость, утехы.

Любопытно, учение о Боге, которое проповедовали катары в замках джентльменов Франции, удивительно совпадало с тем, что бытовало на Алтае или в среде северных буддистов... Это была философия Востока!

Но почему-то Церковь выставляла еретиков глупцами.

Не случайно катары первыми пострадали от инквизиции. В 1229 году им нанесли ощутимый удар: на них напали крестоносцы.

Много крови пролилось тогда во владениях герцога Раймунда Тулузского. Потомки кипчаков стояли до последнего вздоха, но силы были слишком неравными... «Выгоните его и его сторонников из их замков, — кричал папа, — отнимите у них земли, пусть правоверные католики займут владения еретиков!»

В этих словах ответ на иные тайны инквизиции.

«Занять владения еретиков»... Об этом никогда не забывала Церковь, начиная свою политику. И инквизицию в том числе.

Как в пылу страстей отличали еретиков от правоверных католиков? Проще не бывает. Папский легат Арнольд Амальрик, например, советовал: «Убивайте всех подряд, Господь отличит своих от чужих».

Настоящий разбой царил в XIII веке.

...Похоже, иные европейцы тайно желали прихода армии тюрков. Они знали о Ясе Чингисхана и своей «ересью» давали знать о себе соплеменникам с Алтая. Пусть это утверждение спорно, но оно не исключено. Не мог тюркский народ спокойно умереть, он сопротивлялся, искал новые силы в каждом новом поколении. И медленно стихал: инквизиторы «устраняли людей посредством смерти». Они делали свое дело.

Но и люди, конечно, не сидели, сложа руки, отвечали тем же... Шла борьба, жестокая и долгая — за жизнь или смерть. Во Франции, Швейцарии, Чехии, Венгрии, Польше, Англии, Германии, Болгарии... Всюду история хранит ее следы.

Волю инквизиции оглашал суд. Обвиняемый порой даже не знал, за что его судят, кто свидетель преступления. Его страшно пытали, потом на городской площади под звуки труб и рев толпы зачитывали приговор... Это был не суд и не следствие. Людей запугивали. Внушали им страх. Чтобы те никогда не противились решению Церкви. Чтобы сжимались от каждого услышанного тюркского слова, как от удара.

Наказаний было три: «примирение», «лишение имущества» и «тюрьма». Упорствующих в ереси живьем сжигали на костре.

Горели люди и книги. Целые библиотеки на тюркском языке навсегда исчезли в огне инквизиции. Для французов, англичан, немцев, швейцарцев и других народов то был свой «домашний» язык, то были свои «домашние» книги.

А иные ценные книги прятали в библиотеках Церкви. Чтобы никто в будущем не догадался о них... Вот так, что-то по воле Неба и сохранилось. Кроме того, уцелели кое-какие тюркские книги и документы в светских архивах: их инквизиторы просто потеряли из виду.

Судя по бумагам, уцелевшим совершенно случайно, графы Фуггеры из города Аугсбурга (он рядом с Мюнхеном) писали и говорили на тюркском языке еще в 1553–1555 годах. Об этом же говорит и труд венгерского историка Телегди — о кипчаках Европы и их языке, книга издана в 1598 году...

То даже не книга — стон человека, у которого умерла Родина.

Потомки Чингисхана

Историки давно обратили внимание на то, что старинные рукописи в Европе хранятся в отрывках. Будто кто-то сознательно вырвал страницы Времени. Или залил их краской, чтобы они не читались. Античная эпоха оставила намного больше документов, чем средневековье... Поэтому средние века и называли «темными».

Лишь в XV–XVI столетиях появились документы в их полном объеме. Что же люди вновь научились читать и писать? Какие бумаги исчезли?

Написанные по-тюркски!

Их сожгли. В них хранилось то, что Церковь хотела скрыть... Пропажа исторических документов, их подделка — тоже след инквизиции. Ее печальный итог.

Еретиков уничтожали монахи-доминиканцы, а документы — иезуиты, члены «Общества Иисуса». Это самая страшная католическая организация, ее боялись даже папы римские. Она не подчинялась никому. Ее принцип: «Цель оправдывает средства».

Основал орден иезуитов в 1534 году кипчак Игнатий Лойола, чтобы дать слугам папы самое лучшее образование. Его так и называли: орден ученых. Там были только образованные люди, с помощью науки они вершили свой суд и свою политику.

Вскоре они создали в Западной Европе свою тайную империю, взяли в руки науку, образование всех католических стран. Иезуиты открывали школы, семинарии и академии, где обучали молодежь — своих сторонников. Они кропотливо, из века в век, выстраивали новый порядок мира. Тот, в центре которого стоят Запад и католичество.

Стоит ли удивляться, что тюркская Европа теперь забыта?

Это «орден ученых» рылся в архивах, чистил их, похищал и прятал свидетельства былого... Поньше в Ватикане есть библиотека, которая так и называется Иезуитской. Она только для членов ордена. В ней и хранятся бесценные бумаги и книги — те самые, которые не попали в костры инквизиции. Их не сожгли, сохранили, чтобы самим знать правду о средневековье. И чтобы лучше скрывать ее.

Все-таки орден ученых.

Часть старинных тюркских книг иезуиты перевели на латынь. Теперь они известны как книги латинских авторов средневековья. Иезуитами переписана история мира. Все перепутано и поставлено с ног на голову. Даже жития святых не обошла рука переписчика...

Почти пятьсот лет работает орден, точит правду, как червь дерево. О его масштабах говорят цифры. Общество имеет 35 тысяч членов, издает около 1 тысячи газет и журналов общим тиражом 150 миллионов экземпляров на 50 языках. У Ордена 33 университета и более 200 собственных школ. Гигантская империя руководит совестью Запада.

Иезуиты — всюду, как воздух. И невидимы, как воздух.

В Москву папские посланники пробрались благодаря Ивану Грозному, который распахнул им двери. С их помощью московский князь готовил войны против Великой Степи... Детище Чингисхана было обречено. Натиска

невидимого папского воинства не выдерживал еще никто за всю историю мира.

«Если слабых поведет отважный, отважным будет каждый». Чингисхан был отважным. Он собрал «слабых» и — подарил миру Алтайскую империю. Однако полководец не оставил достойного наследника. Этим и воспользовались папские агенты.

Не своих сынов вспомнил великий Чингисхан на смертном одре. «Слушайте маленького Хубилая, его слова полны мудрости»... То была последняя фраза, слетевшая с умирающих уст.

Внук Чингисхана, Хубилай, завершил триумф деда в Китае; он открыл острова Индонезии, был рядом с Австралией. Стал владыкой на Дальнем Востоке. Китайскому императору ничего не оставалось, как вонзить себе в сердце кинжал и крикнуть: «Наши боги бессильны!» Победы молодого Хубилая восхищали.

Конечно, называть их можно по-разному. Но — только не «захватом Китая». Потому что не было Китая! Были провинции, жестоко враждовавшие между собой. Тюрки собрали их в единую страну. По легенде они и назвали Китай Китаем — отгороженным, имея в виду Великую стену.

Чингисхан и его потомки задумали построить средневековый мир по-своему. Именно построить! Аттила начал, Чингисхан продолжил.

...Другой внук Чингисхана, Хулагу, довершил дело деда на Ближнем Востоке. И тоже не города завоевывал он, а искоренял сектантов, разлагавших Ислам. Он шел по земле как внук Чингисхана — великого заступника веры и тюрков.

Хулагу в 1258 году взял Багдад, Дамаск и другие города. Но ни Мекку, ни Медину не тронул. Священные города!

Вроде бы все складывалось удачно для тюркского мира? Нет. Луч надежды блеснул и погас. С Батыей вернулось неладное... Говорят же: «За подъемом идет спуск, а за высоким местом — низкое». Так устроена жизнь. Чингисхан был гений. Его потомки — нет. Они предали веру отцов. И все проиграли.

Батый возмечтал стать православным, его брат Берке — мусульманином, Хубилай — буддистом, Мамай — вообще католиком... Их души разложили враги. И великие победы Чингисхана оказались напрочь перечеркнутыми. Больше того — о них забыли сами тюрки.

Нельзя сомневаться в Боге. Сомнения — это смерть.

В Золотой Орде чуть покачнулась вера, и — исчезло единство. В тот момент и погибла страна. Сама. Ее вроде бы никто не побеждал, никто не подталкивал к пропасти. Точно так пала Орда в Китае...

Хубилай на старости лет стал буддистом, взял китайское имя Шуцу, свою

династию назвал по-китайски — Юань. Даже духа тюрков не оставил в Китае. Чингисхана сделал китайским национальным героем.

Поныне чтят в Китае своего любимого Хубилая. Помнят, как он засеял степной полынью задний дворик дворца. И, указав на крошечный лужок, что зеленел среди каменных стен, сказал по-китайски детям: «Это — трава смирения. Глядя на нее, вспоминайте предков».

...Смирением завершилось средневековье в тюркском мире.